

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 18(4) • 2025

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорд У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 18,1 усл. п.л. Заказ № 1838.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 18(4) • 2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

К юбилею академика А.В. Торкунова. Восток в мировой политике

- 7 Михеев В.В. – Повернуть Восток к России: фактор Китая
- 46 Богатуров А.Д. – Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка
- 66 Лебедева М.М. – БРИКС в трансформирующейся политической организации мира
- 85 Jie Xiong – Beyond the Multitude: State–Society Alliances as a Strategy Against Big Tech’s Digital Hegemony
- 110 Бобкин Н.Н. – Влияние китайско-американского соперничества на безопасность в Персидском заливе

Международная политическая экономика

- 137 Сечин И.И. – Новый облик мировой энергетики
- 164 Москворецкий П.С. – География мирового рынка угля: позиции стран-экспортёров и стран-импортёров
- 185 Степнов И.М. – Инвестиционная безопасность и технологическая суверенность: экосистемный подход к поиску баланса

Table of Contents • 18(4) • 2025

RESEARCH ARTICLES

On the Anniversary of Academician Anatoly Torkunov: The East in World Politics

- 7 Mikheev V. V. – Turning the East toward Russia: The China Factor
- 46 Bogaturov A.D. – The East in Russian Foreign Policy Thought: Rethinking the International Order
- 66 Lebedeva M.M. – BRICS in the Transforming Political Organization of the World
- 85 Jie Xiong – Beyond the Multitude: State–Society Alliances as a Strategy Against Big Tech’s Digital Hegemony
- 110 Bobkin N.N. – China–US Rivalry and Security Dynamics in the Persian Gulf

International Political Economy

- 137 Sechin I.I. – The Emerging Global Energy Landscape
- 164 Moskvoretskiy P.S. – Geography of World Coal Market: Positions of Exporting and Importing Countries
- 185 Stepnov I.M. – Investment Security and Technological Sovereignty: An Ecosystem Framework for the Post-Globalization Economy

Повернуть Восток к России: фактор Китая

 В.В. Михеев

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Статья посвящена переосмыслению концепции «поворота России на Восток» через постановку более широкого исследовательского вопроса — каким образом возможно инициировать «поворот Востока к России». Теоретическая основа анализа восходит к научному наследию академика А.В. Торкунова и акцентирует внимание на институциональных и идейных условиях реализации российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Автор выделяет четыре группы факторов, определяющих перспективы этой стратегии: (1) характер региональной стабильности и нестабильности; (2) степень дружественности или недружественности стран региона; (3) особенности экономической динамики АТР, во многом зависящей от состояния китайско-американских отношений и внутренних приоритетов КНР; (4) идейно-ценностные рамки, показывающие ограниченность антиамериканизма и многополярности в качестве универсальных стратегических оснований. Центральное место в анализе занимает «фактор Китая», рассмотренный на основе поквартальной динамики 2022–2025 гг., что позволяет выявить постепенный переход позиции Пекина от доброжелательного нейтралитета к более прагматичной и осторожной линии поведения. Рассматриваются попытки Китая утвердиться в роли посредника в украинском конфликте, пределы концепции «партнёрства без границ», уроки, которые Пекин извлекает из украинского опыта для своей политики в отношении Тайваня. Экономическое измерение двусторонних связей характеризуется не столько стратегическим разворотом, сколько адаптацией и замещением, обусловленными санкционными ограничениями. Делается вывод о том, что при всей сохраняющейся стратегической значимости России для Китая расширение «полей расхождений» формирует новые риски для согласования интересов. Устойчивость «поворота Востока к России» возможна лишь при опоре на постепенную институционализацию сотрудничества, включение в региональные процессы и отказ от излишней идеологизации внешнеполитического курса.

Ключевые слова: Китай; Россия; Украина; «всеобъемлющее стратегическое партнёрство»; Глобальный Юг; вторичные санкции; миротворческие инициативы; Пояс и путь; американо-российские отношения; стратегическое соперничество

Академик Н.А. Симония, один из наиболее авторитетных российских исследователей «эпохи Е.М. Примакова», однажды сформулировал в разговоре со мной то, что я для себя назвал «формулой Симонии»: существует два типа академиков. Первые концентрируются на развитии собственно научных исследований, вторые проявляют себя прежде всего как выдающиеся организаторы науки. Мой собственный опыт научной работы убедительно подтвердил верность этой классификации.

Академик Анатолий Васильевич Торкунов принадлежит к той редкой категории учёных, которые сочетают в себе оба начала – исследовательское и организационное. Но его деятельность этим не исчерпывается. В данном случае «формулу Симонии» уместно расширить. Возглавляя на протяжении десятилетий МГИМО МИД России, формируя и направляя образовательный и научно-исследовательский процесс в одном из ведущих университетов страны, А.В. Торкунов не только готовит кадры для российской дипломатии и других сфер международной деятельности, но и последовательно воспитывает новое поколение отечественных учёных.

В настоящей статье внимание сосредоточено именно на научной составляющей многоаспектной деятельности Анатолия Васильевича – в частности, на его вкладе в исследование азиатско-тихоокеанской проблематики. Речь идёт об идеях, связанных с выработкой новых подходов к российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), включая концепцию так называемого «поворота на Восток».

В одной из своих работ, посвящённых этой тематике, А.В. Торкунов завершает рассуждение следующим выводом: «... на восточном направлении необходимо проводить осмысленную и хорошо скоординированную стратегию, основанную на эффективном использовании имеющихся ресурсов... Пока же... Россия не имеет полноценных организационно-управленческих и идейно-политических основ для её реализации» (Торкунов, Стрельцов 2003).

Опираясь на этот тезис, представляется возможным уточнить постановку вопроса. Возможно, речь должна идти не столько о «повороте России на Восток» – формуле, в известной мере предполагающей априорную востребованность России в этом регионе (что ещё требует веских доказательств), – сколько о том, каким образом сама Россия могла бы инициировать «поворот Востока к себе». Такой ракурс анализа предполагает наличие именно тех организационных, политических и идеологических оснований, о которых говорил Анатолий Васильевич.

В этой связи важно остановиться на двух ключевых аспектах: во-первых, на общей оценке факторов, способствующих или препятствующих «повороту Востока к России»; во-вторых, на анализе отдельных элементов внешней политики Китая как главного, по крайней мере на современном этапе, инструмента или «рычага» в реализации подобного поворота.

Можно выделить по меньшей мере четыре основные группы факторов, влияющих на перспективы «поворота» Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) к России.

Фактор региональной стабильности и нестабильности

В целом ситуация в регионе представляется скорее благоприятной для формирования условий, которые могут содействовать «повороту Востока к России». Обострения политической обстановки носят, как правило, волнообразный характер и редко приводят к прямым военным столкновениям. Схожая динамика прослеживается и в торговой сфере: периоды введения повышенных тарифов и нетарифных барьеров обычно сменяются их частичным смягчением.

Ключевым источником напряжённости остаются территориальные споры. Наиболее острую фазу, вплоть до вооружённых инцидентов, приобретают конфликты на границе Китая и Индии, а также — если расширить рамки АТР до Южной Азии — Индии и Пакистана, при том что последний является одним из ближайших политических партнёров Пекина. В состоянии высокой турбулентности находятся споры Китая с Вьетнамом и Филиппинами, сопряжённые с рисками военной эскалации; в менее острой форме сохраняются разногласия с рядом других государств АСЕАН. Китай последовательно выступает против привлечения внешних акторов к урегулированию конфликтов в Южно-Китайском море.

Определённый политический дискомфорт создают нерешённые вопросы морских границ и принадлежности отдельных островов в отношениях Китая и Японии (острова Сенкаку), а также Японии и Республики Корея (острова Токто). В замороженном состоянии остаются территориальные споры между Китаем и Республикой Корея по морской границе и между Китаем и КНДР в районе горы Пэктусан. Между Северной и Южной Кореей до сих пор отсутствуют дипломатические отношения: на суше их разделяет Демилитаризованная зона (DMZ), а на море — установленная ООН, но не признаваемая Пхеньяном Северная линия разграничения (NLL).

Для российско-китайских отношений этот фактор в значительной мере снят: процесс приграничного размежевания был завершён в начале 2000-х гг. Территориальные претензии Японии к России также не имеют реальных исторических перспектив.

Особое место в контексте региональной стабильности занимает проблема Тайваня. Пекин рассматривает остров как неотъемлемую часть территории КНР и трактует происходящее вокруг него как внутреннее дело Китая, исключая внешнее вмешательство. Формально и КНР, и Тайвань (Республика Китай) признают «принцип одного Китая», но каждая сторона интерпретирует его по-своему. Активное нагнетание напряжённости вокруг Тайваня западными странами — утверждения о «борьбе острова за независимость» и о готовности

Китая «в ближайшие два-три года захватить его силой» — выглядит скорее инструментом давления на Пекин. На взгляд автора, и руководство КНР, и значительная часть тайваньской политической элиты и общества заинтересованы прежде всего в сохранении мира и в дальнейшем развитии экономических и гуманитарных связей через Тайваньский пролив, нежели в реализации силовых сценариев.

Отдельного внимания заслуживает специфика исторических претензий Китая и обеих Корей к Японии, связанных с колониальным прошлым. Для всех трёх сторон характерна цикличная динамика — чередование фаз резкого обострения и периодов относительного затухания.

В целом фактор региональной стабильности и нестабильности можно признать в определённой степени благоприятным для «поворота» АТР к России. При прочих равных условиях государства региона не имеют мотивов, связанных с обеспечением собственной безопасности, которые препятствовали бы развитию двустороннего сотрудничества с Москвой. Логика взаимной выгоды объективно ориентирует Восток на взаимодействие с Россией. Задача Москвы заключается в том, чтобы последовательно использовать эту тенденцию — и в известной степени она уже решается.

При этом важно избегать переоценки имеющихся возможностей. Россию не воспринимают в регионе как посредника в территориальных спорах или как силу, готовую встать на сторону одной из конфликтующих сторон. На первый взгляд, это может выглядеть ограничением для «поворота» Востока к России. Однако в действительности такое положение избавляет Москву от необходимости принимать на себя дополнительные обязательства, что создаёт благоприятные условия для развития двусторонних отношений, привлекательных для стран региона. Эта привлекательность строится на трёх основных элементах: ориентации на мир, равноудалённости от конфликтующих сторон и акценте на двустороннем сотрудничестве в условиях волнообразной региональной стабильности.

Традиционно идея многосторонних форматов сотрудничества занимает заметное место в российской внешнеполитической мысли. Однако в условиях АТР её практическая значимость проявляется преимущественно в экономической плоскости. Речь идёт, в частности, об участии России в работе АТЭС, а в случае смягчения санкций — о возможном подключении к формирующемуся формату СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея), а также о сотрудничестве в рамках совместных проектов с Китаем и КНДР по развитию бассейна реки Туманган или инициатив по развитию бассейна реки Меконг, где востребован российский капитал.

В политической же сфере многосторонние форматы неизбежно будут с определённой периодичностью, по мере обострения региональной ситуации, ставить Россию перед необходимостью выбора в пользу одной из сторон. Это, в свою очередь, будет снижать заинтересованность противоположного лагеря в «повороте» к России.

Фактор дружелюбности и недружелюбности

Разделение государств АТР на дружелюбные и недружелюбные в зависимости от их позиции по украинскому кризису значительно осложняет задачу «поворота» региона к России и в ряде случаев делает её практически невыполнимой, если рассматривать регион в целом. Из этого вытекают два практических вывода:

1. сосредоточить усилия на укреплении связей с дружелюбной, дружелюбно-нейтральной и нейтральной частью региона;
2. предпринимать шаги для снижения уровня недружелюбности у тех государств, которые в настоящее время занимают негативную позицию по отношению к России.

В условиях усиливающейся фрагментации АТР необходим постоянный мониторинг динамики степени дружелюбности, включая возможность появления недружелюбных сигналов от стран, традиционно относимых к партнёрам. Не менее важно отслеживать сигналы от нейтральных, нейтрально-дружелюбных или даже формально недружелюбных государств, которые могут свидетельствовать о потенциальной готовности к более конструктивному взаимодействию с Россией.

В страновом разрезе к числу наиболее дружелюбных или нейтрально-дружелюбных партнёров можно отнести Китай, а также большинство государств АСЕАН и Индию (если расширить географические рамки АТР). К числу недружелюбных относятся так называемые «страны Восточного Запада» — рыночные демократии, опирающиеся на военно-политические союзы с США, прежде всего Япония и Республика Корея. При этом Южная Корея, учитывая специфику двусторонних отношений с Россией и интересы Сеула в обеспечении собственной безопасности в условиях противостояния с КНДР, может быть охарактеризована как «наиболее дружелюбная среди недружелюбных стран».

Определённый оптимизм внушает то обстоятельство, что недружелюбность ведущих азиатских экономик имеет иную природу, чем в случае с Европой. Нынешнее негативное отношение Токио и Сеула к Москве связано не столько с внутренне мотивированными антироссийскими установками, сколько с их союзническими обязательствами перед США. В этой связи осторожные ожидания возможного улучшения российско-американских отношений и урегулирования украинского кризиса могут создать предпосылки для корректировки подходов Японии и Республики Корея к взаимодействию с Россией.

Фактор динамики региона

АТР характеризуется высоким уровнем экономической динамики, что усиливает аргументацию в пользу гипотезы о возможности «поворота Востока к России». Для новых и развивающихся экономик Восточно-Тихоокеанского

пространства характерен поиск дополнительных источников роста, что предполагает расширение круга партнёров, особенно крупных в ресурсном, инвестиционном и технологическом отношениях.

На характер и темпы экономической динамики АТР в наибольшей степени воздействуют три группы факторов.

Во-первых, состояние китайско-американских отношений. Торговые конфликты и взаимные тарифные ограничения, сопровождающиеся ощутимыми экономическими потерями, сдерживают потенциал развития региона и косвенно снижают интерес к углублению взаимодействия с Россией. В то же время нормализация отношений между Пекином и Вашингтоном способна скорректировать политико-экономический вектор развития региона в сторону более благоприятных условий для «поворота Востока к России».

Во-вторых, внутренние экономические планы и амбиции КНР. Замедление темпов прироста ВВП, рост негативных потребительских настроений у населения, привыкшего к устойчивому повышению уровня жизни, но столкнувшегося с ограничениями периода пандемии и сложностями последующего восстановления, а также трудности поиска альтернатив американскому рынку в условиях тарифного давления США — все эти факторы ограничивают реализацию долгосрочных стратегических целей Китая, включая инициативу «Пояс и путь». Урегулирование украинского кризиса предоставило бы Пекину дополнительные возможности для продвижения своей стратегии на восточноевропейском направлении через территорию России, что объективно усилило бы его заинтересованность в «повороте» к России.

В-третьих, интеграционные процессы в АТР, формирующиеся преимущественно вокруг китайских инициатив. К числу наиболее значимых относятся развитие зоны свободной торговли Китай – АСЕАН, реализация инфраструктурных проектов в странах Индокитая (включая проекты в дельте реки Меконг, в Мьянме, Таиланде), а также поиск форматов трёхстороннего экономического взаимодействия Китая, Японии и Республики Корея. Совокупность этих инициатив подтверждает, что Китай сохраняет статус ключевого двигателя регионального экономического развития и выступает главным «поворотным механизмом» в контексте возможного сближения Тихоокеанского Востока с Россией.

Фактор идеологии

Формирование новых основ взаимодействия России с государствами Востока требует глубокого и тщательно продуманного поиска идеологических ориентиров. Идейное пространство современной России весьма разнонаправленно: от современных вариаций славянофильства, концепций исторической исключительности и культурной самобытности до установок космополитизма, глобализации и рыночной демократии. Такая широта подходов предполагает необходимость особо внимательного учёта идеологических настроений в АТР.

На этой основе должна формироваться реалистичная политическая стратегия, опирающаяся на выбор концептуальной платформы, приемлемой для большинства государств региона.

Использование антиамериканизма в качестве базовой идеологической конструкции для выстраивания отношений с Востоком обладает очевидными ограничениями. В большинстве стран региона антиамериканские настроения носят избирательный, ситуативный характер и подвержены изменениям в зависимости от национальных интересов, которым американское лидерство в одних случаях содействует, а в других препятствует. В условиях возможных изменений в российско-американских отношениях в 2025 г. для Москвы вряд ли целесообразно позиционировать себя в качестве флага антиамериканизма. Во-первых, далеко не все государства региона готовы принять российскую трактовку антиамериканизма, а если и примут, то с оговорками и лишь на временной основе. Во-вторых, подобная установка способна спровоцировать дополнительную волну антироссийской риторики и политического давления, что создаст новые вызовы для внешнеполитических задач России.

Схожие ограничения имеет и идея многополярного мира, направленная на ограничение гегемонии США и вовлечение в глобальную политику иных крупных центров силы. Для государств «средней силы» и малых стран АТР её реализация зачастую не меняет фундаментальной структуры международных отношений: зависимость «сателлитов» от «полюсов» сохраняется и в многополярных моделях. При этом дистанцирование от американского центра вовсе не гарантирует сближения с Россией: альтернативным полюсом для многих стран выступает Китай.

Внутрирегиональные идеологические ориентиры также имеют высокую специфику. Страны «тихоокеанского Запада» вряд ли откажутся от принципов рыночной демократии, тогда как Китай, несмотря на возрождающийся интерес к коммунистическим идеям, не способен предложить универсальную региональную или глобальную идеологию. Современный китайский коммунизм заметно отличается от классического марксизма, советской и еврокоммунистической моделей. Он признаёт частную собственность как равноправный с государственной двигатель экономики, но при этом политические свободы интерпретируются в жёстких рамках монополии Коммунистической партии Китая на власть.

Исходя из вышеизложенного, идеологическая составляющая российской политики в АТР должна формироваться на основе установок, потенциально приемлемых для большинства стран региона:

- снижение уровня опасений и недоверия в отношении России;
- продвижение концепций региональной безопасности, в особенности в ядерной сфере;
- акцент на идеологии сотрудничества, взаимодействия в экономической и технологической областях, а также в культурно-гуманитарной сфере, включая межличностные контакты.

Фактор Китая

Данный фактор является одним из ключевых для понимания перспектив «поворота» Востока к России, поэтому в рамках настоящего исследования ему уделяется особое внимание. Анализ основан на регулярном, ежеквартальном мониторинге позиции Пекина по украинскому кризису, проводившемся на протяжении последних лет. Значительная часть представленных материалов публикуется впервые в исходном виде, что позволяет читателю сформировать самостоятельные выводы. Структурно рассмотрение разделено на два временных блока: 2022–2023 гг. и 2024–2025 гг.

2022–2023 гг.

I квартал 2022 г.

События на Украине поставили Китай перед сложным политическим выбором. С одной стороны, Пекин не мог открыто осудить Россию, рассматриваемую как «главного политического партнёра в глобальном противоборстве с США». Отсюда последовали резкая критика и неприятие американских санкций против Москвы, а также обвинения в адрес Вашингтона в том, что именно он «своей политикой расширения НАТО... спровоцировал конфликт» и «продолжает нагнетать ситуацию распространением ложной информации» (в частности, о якобы имевших место просьбах Москвы к Китаю оказать военную помощь).

С другой стороны, Китай не мог поддержать российскую операцию, экстраполируя украинский прецедент на собственные проблемы сепаратизма в Тайване, Гонконге, Тибете и Синьцзяне. В этой связи последовали заявления в поддержку «суверенитета и территориальной целостности Украины» и даже осторожные реплики в адрес Москвы: министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что «только сам народ может давать характеристику своему режиму», тем самым противопоставив эту позицию российской риторике о том, что украинская власть представляет собой «недемократичный и нацистский» режим.

Постепенно официальная позиция Китая начала смещаться в сторону большей дистанцированности от Москвы. Руководство всё чаще определяло украинский кризис как проблему европейской безопасности. При этом Пекин продолжал критиковать санкции, но подчёркивал, что в первую очередь намерен защищать интересы собственных корпораций, рискующих попасть под вторичные ограничения США. Одновременно Китай направил Киеву гуманитарную помощь через Венгрию и Польшу и заявлял о готовности развивать взаимовыгодные отношения как с Россией, так и с Украиной.

В ответ на критику со стороны США китайская дипломатия подчеркнула, что происходящее на Украине не соответствует интересам Пекина, добавив, что если бы Китай был осведомлён о планах начала российской специальной военной операции, он предпринял бы всё возможное для её предотвращения.

Внутриполитический фон в КНР оставался неоднородным. В социальных сетях значительная часть молодёжи выражала поддержку действиям России, проводя прямые аналогии с ситуацией вокруг Тайваня и утверждая, что именно так следует поступать со сторонниками независимости. Власти не препятствовали подобной риторике, но разъясняли принципиальное различие статусов: Украина признаётся суверенным государством, тогда как Тайвань рассматривается как часть Китая. При этом акцент переводился на США: санкции против Китая по тайваньскому вопросу трактовались как аналог санкций против России по Украине и характеризовались как необоснованные, поскольку тайваньская проблема объявляется внутренним делом Китая.

Заметный резонанс вызвала статья китайского политолога Ху Вэя, заместителя председателя Центра исследований общественной политики Госсовета КНР и профессора Шанхайской партийной школы. В ней утверждалось, что Россия столкнётся с «огромными военными и экономическими проблемами», а Китай окажется изолированным от мира, «если не предпримет шагов по разрыву отношений с Москвой»¹. Текст под названием «Возможные результаты российско-украинской войны и выбор Китая» был опубликован 5 марта 2022 г. на сайте Центра Картера; после того как он набрал более 100 тыс. просмотров, китайская версия была заблокирована². Тем не менее большинство китайских экспертов сходилось во мнении, что страна ни при каких обстоятельствах не должна оказаться в том экономическом и внешнеполитическом положении, в котором сегодня находится Россия. Подобное восприятие вызвало позитивную реакцию на Тайване: глава Бюро национальной безопасности отметил, что, учитывая российский опыт глобальной изоляции, Пекин вряд ли решится на военную интервенцию по крайней мере в ближайшие два-три года.

К концу марта обозначились новые нюансы китайского подхода. Пекин стремился не сводить все мировые проблемы исключительно к украинскому кризису, концентрируясь на вопросах безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе — прежде всего в Южно-Китайском море и вокруг Тайваня — а также на поиске путей углубления экономического взаимодействия с США и Европейским союзом. Подчеркнув приоритетное значение ЕС для китайской экономики, Си Цзиньпин выдвинул идею сопряжения и синхронизации долгосрочных стратегий развития Китая и Евросоюза. В качестве сигнала Западу прозвучало

¹ China Risks Isolation 'If It Doesn't Distance Itself from Russia'. 2022. *South China Morning Post*. 14 March. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3170421/ukraine-war-china-must-cut-ties-russia-within-weeks-or-become> (accessed 05.07.2025).

² Davidson H. 2022. Chinese Article Urging Country to Cut Ties with Putin Gets 1m Views. *The Guardian*. March 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/chinese-article-urging-country-to-cut-ties-with-putin-gets-1m-views> (accessed 05.07.2025).

заверение, что Пекин «не будет предпринимать специальных шагов, чтобы помочь России обойти западные санкции», сохраняя при этом «нормальное экономическое сотрудничество с Россией, Украиной и другими странами»³.

Официальная линия Китая по Украине характеризовалась стремлением к «нейтральной сбалансированности». Она сочетала декларативную приверженность Уставу ООН с намёками на понимание российской озабоченности в сфере безопасности. 7 марта Ван И призвал решать ситуацию «хладнокровно и рационально», «не подливая масла в огонь» и «не обостряя противоречия»⁴. Эти формулировки в Китае были восприняты как сигнал нежелания поддерживать западную линию давления на Россию.

11 марта премьер Госсовета Ли Кэцян подтвердил двойную установку: уважение «суверенитета и территориальной целостности всех стран» при одновременном признании «озабоченностей в сфере безопасности»⁵. Практическая роль Китая сводилась к оказанию гуманитарной помощи Украине. Одновременно Ли связывал кризис с динамикой мировой экономики, отмечая, что «введение санкций по Украине отразится на восстановлении мировой экономики и нанесёт ущерб всем сторонам»⁶.

Китайский подход последовательно исключал возможность поддержки нарушений территориальной целостности государств. Эксперты подчёркивали: отсутствуют основания ожидать признания Китаем ДНР или ЛНР прежде, чем соответствующее решение будет принято властями в Киеве. Вместе с тем в сфере безопасности Пекин занимал позицию, благожелательную для Москвы, рассчитывая на встречную поддержку собственных интересов. Особую обеспокоенность вызывало появление «различных группировок» (QUAD, AUKUS), создаваемых США и, по мнению Пекина, способных «породить региональный кризис безопасности на рубежах Китая» — по аналогии с расширением НАТО у российских границ.

Важным контекстом была подготовка к XX съезду КПК, где ожидалось продление полномочий Си Цзиньпина. С одной стороны, это требовало демонстрации стабильности, что исключало «резкие действия наподобие внезапного проведения военной операции в Тайваньском проливе». С другой – Си продолжал подчёркивать стратегическую цель превращения Китая в «могущественное государство», способное защищать «коренные интересы» от внешних посягательств.

³ 'China Says Not Deliberately Circumventing Sanctions on Russia'. 2022. *Reuters*. 2 April. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-says-not-deliberately-circumventing-sanctions-russia-2022-04-02/> (accessed 05.07.2025)

⁴ China Calls for Calmness, Rationality in Resolving Ukraine Crisis: FM. 2022. *Xinhua*. 7 March. URL: <https://english.news.cn/20220307/d58e172555f84125a4bcf9da6b230155/c.html> (accessed 05.07.2025).

⁵ Premier Li Keqiang meets the press: full transcript of Q&A. 2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 11 March. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341610.html (accessed 05.07.2025).

⁶ Ibidem.

В экспертной среде укрепилось представление, что Китай будет «до последней возможности сохранять позицию доброжелательного нейтралитета по отношению к России», отвечая «симметричными шагами на введение западных санкций». Одновременно подчёркивалось: «масштаб западного давления на Россию оказался беспрецедентным», и этот опыт стал уроком для Пекина – страна «недостаточно подготовлена к ограничениям аналогичного масштаба» в случае кризиса в Тайваньском проливе⁷.

Китайские аналитики внимательно изучали российские военные действия. Одни считали, что в случае Тайваня США ограничатся материальной поддержкой Тайбэя, не вводя войска. Другие указывали на различие: у США никогда не было военных обязательств перед Украиной, тогда как в отношении Тайваня действует «стратегическая двусмысленность, допускающая возможность вооружённого вмешательства.

Ключевым уроком кризиса для Пекина стала «важность создания механизмов обеспечения экономической жизнедеятельности в условиях транспортной блокады», прежде всего в сфере морских грузовых перевозок⁸.

II квартал 2022 г.

Во втором квартале 2022 г. позиция Китая по украинскому вопросу сохраняла характер доброжелательного. по отношению к России, нейтралитета и сопровождалась постоянными призывами к мирному урегулированию конфликта. Однако на фоне нарастающего противостояния с США официальные заявления Пекина всё чаще содержали резкие обвинения в адрес Вашингтона, ответственность за эскалацию кризиса возлагалась именно на американскую политику.

Тему «денацификации» Китай не поднимал, исходя из того, что его историческая память связана прежде всего с опытом японского колониализма, а не с европейским нацизмом. В более широком контексте глобальной и региональной динамики позицию Пекина обозначил министр иностранных дел Ван И, подчеркнув, что мировые проблемы не следует сводить исключительно к украинскому кризису.

Примечательно, что позиция китайской молодёжи оставалась неизменной: значительная её часть продолжала выражать поддержку действиям России, проводя прямые аналогии с Тайванем и утверждая, что именно так следовало бы поступить Китаю в отношении сторонников тайваньской независимости.

⁷ Kivlehan-Wise M. & Tsai T. 2025. PRC Lessons Learned from Russia's Invasion of Ukraine: Implications for a Taiwan Conflict. CNA. URL: <https://www.nbr.org/publication/prc-lessons-learned-from-russias-invasion-of-ukraine-implications-for-a-taiwan-conflict/> (accessed 05.07.2025).

⁸ China Is Studying Russia's Sanctions Evasion to Prepare for Taiwan Conflict. 2024. *Wall Street Journal*. 1 December. URL: <https://www.wsj.com/world/china-is-studying-russias-sanctions-evasion-to-prepare-for-taiwan-conflict-5665f508> (accessed 05.07.2025).

Реакция Пекина на возможную эскалацию конфликта, исходя из базовой установки на мирное урегулирование, предполагалась скорее негативной. Тем не менее Китай был готов максимально долго сохранять позицию нейтралитета, включая сценарий полного захвата Украины, учитывая значение России в стратегическом противостоянии с США. Даже в случае прямого столкновения России и НАТО Пекин, по оценкам аналитиков, стремился бы «держаться нейтралитета, но уже между Россией и НАТО»⁹, неизменно призывая стороны к миру.

В то же время китайская дипломатия не исключала возможности корректировки курса. В случае если Пекин сочтёт, что стратегические риски дестабилизации мировой экономики способны нанести серьёзный ущерб китайскому экономическому развитию и, как следствие, социальной и внутривластной стабильности — главному источнику легитимности власти КПК, — он может перейти к более активному требованию прекращения конфликта.

Особое беспокойство вызывали прогнозы российских экспертов о возможном применении Россией тактического ядерного оружия. Китай не мог поддержать такой шаг, опасаясь глобальной дестабилизации, способной подорвать устойчивость власти Коммунистической партии и положение страны в международной системе. Китай ясно обозначал, что он «не вступит в ядерный конфликт»¹⁰. Однако само обсуждение подобного сценария стимулировало «проводимую Китаем политику по расширению и развитию собственного ядерного потенциала». Внимательно анализировалось, «какие стратегические угрозы создаст применение ядерного оружия в Европе для безопасности Китая»¹¹.

В стратегической перспективе Китай не мог пренебрегать риском западных санкций ради укрепления военно-политического партнёрства с Россией. Экономика и технологии Запада имеют для КНР неизмеримо большее значение, чем сотрудничество с Москвой. Поскольку ключевым условием стабильности остаётся сохранение власти Коммунистической партии, именно этот фактор определял подход Пекина к России в условиях возможной эскалации конфликта. Экономическое взаимодействие с Россией не способно заменить связи с западными странами в решении задач модернизации и реализации стратегической

⁹ China's Balancing Act: Neutrality is Preferable to Siding with Russia. 2022. *Reuters*. 29 July. URL: <https://www.uscc.gov/research/chinas-position-russias-invasion-ukraine> (accessed 05.07.2025).

¹⁰ Spokesperson Guo Jiakun's regular briefing. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 16 June. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/202506/t20250616_11649408.html (accessed 05.07.2025).

¹¹ Scobell A., Singh V. & Stephenson A. 2022. What a Russian Nuclear Escalation Would Mean for China and India. *USIP*. 10 Nov. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/11/what-russian-nuclear-escalation-would-mean-china-and-india> (accessed 05.07.2025).

цели превращения Китая в мировую сверхдержаву к середине XXI в. Россия могла быть полезна как военный «друг» в случае нападения на КНР, но даже тогда Пекин «будет полагаться, прежде всего, на собственные ядерные силы»¹².

В экспертных оценках укреплялось понимание, что «основой российско-китайского стратегического партнёрства является антиамериканизм». Однако именно здесь обозначались и расхождения: Москва «выходит из глобализации и видит её затухание», тогда как Пекин «объявляет своей целью развитие глобализации и стремится взять на себя лидирующую роль»¹³.

Вопрос о том, кем Китай является для России в текущих условиях — другом, союзником, сочувствующим партнёром, нейтральным бизнес-партнёром или жёстким переговорщиком и оппонентом, — китайские аналитики предлагали решать в рамках парадоксальной формулы: Китай для России одновременно и каждый из этих типов партнёров, и ни один из них в полной мере¹⁴. В контексте противостояния с США он может рассматриваться как союзник, но лишь постольку, поскольку это усиливает собственные позиции Пекина. В отношениях с Европой и Японией он предстаёт как сочувствующий партнёр, если это способствует реализации китайских интересов. В экономической сфере Китай выступает прежде всего как прагматичный партнёр и жёсткий переговорщик, предоставляющий бесплатно лишь ограниченные формы помощи, например гуманитарную поддержку в чрезвычайных случаях. По украинскому вопросу он сохраняет статус нейтральной стороны. В случае прямого нападения на Китай он может рассматриваться как друг. Наконец, в Центральной Азии и ряде других регионов Пекин нередко оказывается для Москвы неявным, а при определённых обстоятельствах и открытым оппонентом.

В этот же период в китайских социальных сетях, на неофициальных ресурсах, а затем и в официальных военных изданиях активизировались обсуждения российской операции. Свои оценки высказывали военные аналитики и отставные генералы. При этом наиболее критичные комментарии в адрес Москвы, как правило, довольно быстро удалялись из публичного пространства.

Основным направлением этих дискуссий стало стремление извлечь уроки из происходящего и сопоставить их с китайскими реалиями — как во внешнеполитических отношениях с Западом, так и в возможной ситуации вокруг Тайваня. Китайские наблюдатели отмечали, что действия России продемонстрировали

¹² China is Expanding its Nuclear Warhead Stockpile at the Fastest Rate Globally. 2025. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jun/17/china-nuclear-warheads-weapons-stockpile> (accessed 05.07.2025).

¹³ Lo B. 2023. The Sino-Russian Partnership: Assumptions, Myths and Limits. *IFIR*. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/bobo_lo_russia_china_mars2023.pdf (accessed 05.07.2025).

¹⁴ Sun Y. 2022. China's Strategic Assessment of Russia: More Complicated Than You Think. *War on the Rocks*. 4 March. URL: <https://warontherocks.com/2022/03/chinas-strategic-assessment-of-russia-more-complicated-than-you-think/> (accessed 05.07.2025).

определённые просчёты: не в полной мере были задействованы политико-дипломатические механизмы урегулирования и недооценена степень консолидации Запада. В результате западные страны сумели выработать единую линию поведения, что стало дополнительным вызовом и для Китая, даже при сохранении политики доброжелательного нейтралитета. Кроме того, попытка Москвы остановить расширение НАТО, по мнению аналитиков, имела обратный эффект — Финляндия и Швеция приняли решение о вступлении в альянс.

В центре обсуждений оказалась констатация того, что Россия не добилась быстрой победы над Украиной. Этот опыт китайские военные аналитики рассматривали как предостережение: в случае конфликта вокруг Тайваня Запад, вероятнее всего, действовал бы аналогичным образом, предоставляя масштабные разведданные, поставляя вооружения, организуя подготовку военных специалистов, усиливая санкционное давление и добиваясь экономической изоляции Китая¹⁵.

В этих условиях в экспертной среде высказывалось предположение, что возможные действия Китая в отношении Тайваня должны носить более решительный характер, чем шаги России на украинском направлении, чтобы минимизировать потенциальные преимущества Тайваня. Подобная линия рассматривалась как способ сдерживания внешних акторов от прямого вовлечения в конфликт.

Особое внимание уделялось важному уроку украинского кризиса: России, а значит, потенциально и Китаю, не удалось полностью избежать уличных боёв и сопутствующих им жертв среди мирного населения. Этот опыт демонстрировал, что возможная оккупация Тайваня может оказаться крайне сложной задачей, сопряжённой с серьёзными рисками для международного имиджа Китая и для общей стабильности международной обстановки¹⁶.

В то же время звучали предостережения о том, что не следует питать иллюзий относительно восприятия китайских военных на Тайване: местное население вряд ли будет рассматривать их как освободителей. Кроме того, у Тайваня имеются значительные ракетные силы, способные наносить удары по территории КНР.

В военно-технической плоскости акцент делался на необходимости ускоренного развития флота, создании современных дронов с элементами искусственного интеллекта, а также разработке национального аналога «космического интернета» Starlink, который уже продемонстрировал значительное влияние на характер современных вооружённых конфликтов.

¹⁵ 中国军事分析师正在从俄罗斯在乌克兰的失败中，吸取哪些教训？. 2023. CAUS. 2 апреля. URL: <https://caus.com/all-articles/news/105967/> (accessed 05.07.2025).

¹⁶ Fravel M.T. 2023. China's Potential Lessons from Ukraine for Conflict over Taiwan. MIT Security Studies Program. URL: <https://ssp.mit.edu/publications/2023/china-s-potential-lessons-from-ukraine-for-conflict-over-taiwan> (accessed 05.07.2025).

В одной из публикаций (впоследствии удалённой) известный генерал, ветеран китайско-вьетнамской войны, указывал, что российская операция в Украине столкнулась с рядом трудностей: тактические решения не всегда отличались достаточной гибкостью, а в стратегическом плане была недооценена масштабная реакция Запада.

В целом военные аналитики сходились во мнении, что Пекину необходимо самым серьёзным образом изучить российский опыт, выявить допущенные просчёты и скорректировать собственную стратегию. Китайские эксперты также отмечали, что украинский кризис укрепил позиции США в АТР и позволил Японии постепенно отходить от пацифистских ограничений, включая снятие запрета на экспорт тяжёлых вооружений.

III квартал 2022 г.

Во второй половине 2022 г. украинская тематика продолжала занимать центральное место в китайско-американских отношениях. Вопрос о присоединении к России четырёх украинских территорий не изменил исходной позиции Пекина. Китайское руководство воздержалось при голосовании в ООН по соответствующей резолюции, подтвердило Киеву свою неизменную линию о недопустимости нарушения суверенитета и осудило «гегемонию одной страны в этом вопросе», но при этом не поддержало решение Москвы о включении новых территорий в состав Российской Федерации.

Министр иностранных дел КНР Ван И в характерной для Пекина сдержанной манере заявил: «Китай не будет стоять в стороне, но и не будет подливать масла в огонь»¹⁷. Эта формула стала квинтэссенцией китайской дипломатической линии: оставаться над схваткой, избегая прямого вовлечения в конфликт, но при этом не отталкивать ни одну из сторон.

Тем временем в США и Китае начали проявляться новые оттенки экспертных дискуссий о значении украинского кризиса. Американские аналитики всё настойчивее подчёркивали: по мере затягивания военных действий Пекину будет «всё труднее держать нейтралитет» без ущерба для китайско-американских отношений и глобального имиджа КНР.

Китайские военные аналитики, оценивая углубляющееся военно-политическое сотрудничество с Москвой, включая совместные учения, выражали осторожность. Отмечалось, что расширение подобных форматов может привести к «дальнейшему ухудшению отношений с США»¹⁸, поскольку Вашингтон будет воспринимать их как косвенную военную поддержку России.

¹⁷ China's FM Wang Yi Paves Way for Xi with Diplomatic Blitz. 2022. *ThinkChina*. 26 September. URL <https://www.thinkchina.sg/politics/chinas-fm-wang-yi-paves-way-xi-diplomatic-blitz> (accessed 05.07.2025).

¹⁸ Joint Military Exercises Signal Deepening Russia-China Strategic Alignment. 2025. *MERICCS*. 7 May. URL: <https://merics.org/en/comment/joint-military-exercises-signal-deepening-russia-china-strategic-alignment> (accessed 05.07.2025).

На этом фоне особое внимание привлекло выступление Генри Киссинджера в начале октября 2022 г. По его оценке, Си Цзиньпин, предоставив Путину определённый карт-бланш и сделав ставку на стратегическое партнёрство с Россией, рассчитывал на быстрый успех Москвы на украинском направлении. Однако в условиях затяжного конфликта, отмечал Киссинджер, Китаю становится всё труднее поддерживать формат партнёрства без границ, не сталкиваясь с серьёзными стратегическими рисками для собственных геополитических планов и отношений с США. Исходя из этой логики, он прогнозировал, что после XX съезда КПК Си может скорректировать курс в отношении России и активизировать диалог с Вашингтоном.

IV квартал 2022 г.

К концу 2022 г. в политике Пекина по украинскому вопросу начали проявляться новые акценты, связанные с попытками хотя бы частично нормализовать отношения с США и тем самым укрепить собственные позиции в глобальной политике. Постепенно складывалось впечатление, что Китай стремился формировать образ державы, способной удерживать Россию от применения ядерного оружия и претендующей на роль ведущего посредника в урегулировании конфликта.

Ряд китайских и гонконгских экспертов всё чаще отмечал, что по мере затягивания противостояния растут ожидания охлаждения российско-китайских отношений. Логика подобных опасений была связана с тем, что, по их мнению, Россия не сможет достичь военных целей без привлечения ядерного фактора, тогда как Китай категорически возражает против такого шага. Даже ограниченное применение тактического ядерного оружия, по оценкам Пекина, резко повысило бы риск глобальной войны, в которую в конечном итоге может быть вовлечён и сам Китай, а также нанесло бы серьёзный удар по мировой экономике и подорвало бы тот международный порядок, в рамках которого КНР последовательно укрепляет свои позиции. Именно поэтому Пекин настойчиво подчёркивал необходимость дипломатического урегулирования — эта мысль звучала и в телефонном разговоре Си Цзиньпина с российским президентом.

При этом, как указывали аналитики, в стратегическом видении будущего Украины позиции Москвы и Пекина расходятся. Россия исходит из необходимости признания новых геополитических реалий, тогда как Китай делает акцент на принципе сохранения территориальной целостности Украины. Несмотря на отсутствие их прямого акцентирования в официальных заявлениях, данные расхождения продолжают играть роль внутреннего сдерживающего элемента китайской внешней политики.

В экономике также накапливались сложности. Крупные китайские корпорации, опасаясь вторичных санкций, продолжали сворачивать деятельность на российском рынке. Характерным примером стал уход Huawei. Тем не менее в военно-политической сфере обе страны демонстрировали развитие «всеобъемлющего стратегического партнёрства». Китай активно использовал

совместные военные учения с Россией в АТР как элемент балансирования военной активности США, которые всё активнее привлекали потенциал союзников – Японии, Южной Кореи и Австралии.

Имидж Пекина как миротворца, стремящегося удержать Россию от использования ядерного оружия, был, по-видимому, призван сблизить позиции Китая и США и создать дополнительные возможности для взаимодействия КНР с другими центрами силы. При этом Пекин избегал открытого перехода на антироссийские позиции, поскольку такой шаг мог бы нанести серьёзный ущерб двусторонним отношениям с Москвой. Вместе с тем критики подчёркивали, что до реального посредничества ещё далеко: для этого отсутствует ключевое условие – готовность сторон конфликта к переговорам.

В начале января 2023 г. в западных СМИ, по всей видимости, с подачи Пекина появилась новая версия событий, предшествовавших началу специальной военной операции. Сообщалось, что ещё 4 февраля 2022 г., во время встречи в Пекине, российский президент предупреждал Си Цзиньпина о возможности применения военной силы в случае угрозы безопасности со стороны Украины. По утверждениям китайских источников, этому тогда не придали особого значения и не ожидали, что операция примет столь продолжительный и разрушительный характер. Подобная трактовка, вероятно, была призвана смягчить западное восприятие роли Китая: Пекин знал о возможности конфликта, но не предполагал его масштабов.

Так в китайском подходе к Украине оформилась новая «триада» установок:

- знали о возможности начала СВО, но не ожидали её нынешнего масштаба и продолжительности;
- именно Китай, по собственной оценке, удерживает Россию от применения тактического ядерного оружия;
- в перспективе КНР претендует на роль главного миротворца, хотя пока стороны не готовы к посредничеству.

Эта конструкция дополняла исходную линию Пекина:

- вина за конфликт возлагалась на США и НАТО, игнорировавшие интересы безопасности России;
- Китай выступал за сохранение суверенитета Украины и не признавал переход её территорий к России (хотя официально предпочитал обходить данную формулировку);
- единственным приемлемым решением Пекин по-прежнему считал дипломатический путь – пока без конкретных предложений о его реализации.

Экономическое измерение двусторонних отношений продолжало ассоциироваться с так называемым «поворотом России на Восток». Однако в современных условиях более уместно говорить не столько о стратегическом развороте, сколько о вынужденной замене утраченных западных товаров, технологий и инвестиций китайскими аналогами, а также о компенсации потерь на западных рынках для российских энергоносителей за счёт расширения их поставок в Китай.

Если в 2008–2014 гг. «поворот» задумывался как балансировка европейского направления внешнеэкономических связей за счёт комплексного выхода на рынки Китая, Индии, Японии, Южной Кореи и стран АСЕАН, то после введения санкций из этого списка постепенно выпали Япония, частично Южная Корея, а АСЕАН-направление оказалось ограниченным географической удалённостью (за исключением Вьетнама и до недавнего времени Сингапура). Индия же стала заметным партнёром лишь после 2022 г.

По итогам 2022 г. торговые отношения Китая и России выглядели неоднозначно. Общий объём торговли вырос на 29,3%, достигнув 190 млрд долл., главным образом за счёт поставок российских энергоносителей. В иных секторах динамика оставалась неравномерной: в высокотехнологичных отраслях, где риск вторичных санкций был велик (например, микроэлектроника), рост оказался сдержанным; в сферах с меньшими рисками (автомобили, товары массового потребления) замещение западных компаний шло быстрее.

Сам Китай не использует риторику «поворота на Россию»: на долю РФ приходится лишь около 3% внешней торговли КНР. Пекин готов осваивать освободившиеся ниши, но делает это осторожно, избегая санкционных рисков. В энергетике он увеличивает закупки у России, одновременно наращивая взаимодействие с арабскими партнёрами, придерживаясь принципа диверсификации поставок. Эксперты подчёркивают: даже без формального доминирования российские поставки играют важную роль, позволяя Китаю добиваться лучших условий у других поставщиков; их исчезновение могло бы привести к росту цен на ресурсы и ударить по себестоимости китайской продукции.

Тем не менее у политики «поворота на Восток» были и ограничения. Во-первых, качество китайских товаров и технологий, а также сравнительно скромные, «осторожные» объёмы инвестиций в Россию, несопоставимые с утрачиваемыми западными. Во-вторых, дальнейшее расширение китайского экспорта в Россию потребовало бы создания зоны свободной торговли, решение по которой в ближайшее время маловероятно: подобные соглашения чаще всего выгодны китайским экспортёрам готовой продукции, тогда как энергетический экспорт РФ под них, как правило, не подпадает. В-третьих, развитие «поворота на Восток» неизбежно вступает в конкуренцию с политикой импортозамещения: укрепление одного направления замедляет другое.

В этих условиях перед Россией встала задача поиска баланса между двумя векторами: самостоятельным производством утраченных на Западе товаров и технологий и их замещением китайским импортом.

I квартал 2023 г.

Начало 2023 г. поставило перед Пекином новые внешнеполитические вызовы концептуального характера. После мартовского визита в Москву Си Цзиньпин заявил, что в мире происходят изменения, «которых не было сто лет». По неофициальным данным, в Китае была начата работа над корректировкой

внешнеполитической концепции КПК – своеобразным ответом на эти трансформации. Итогов пока не представлено, однако уже можно предположить, что ключевыми вопросами станут: определение роли антиамериканизма в политике КНР; отношение к России в контексте закреплённого в новой российской внешнеполитической доктрине «экзистенциального» противостояния с «коллективным Западом»; а также выстраивание баланса в отношениях с США.

С китайской точки зрения всё отчётливее проявляется несоответствие стратегических целей Москвы и Пекина. Китай не рассматривает Запад как врага, от которого необходимо изолироваться; напротив, США и ЕС воспринимаются одновременно как конкуренты и как ключевые партнёры, сотрудничество с которыми требуется для решения как собственных, так и глобальных задач. Эту установку подтверждает мартовская инициатива Си Цзиньпина о «Глобальной цивилизации» – развитие более ранней концепции «сообщества единой судьбы человечества». В сочетании с российской идеей о «самобытной стране-цивилизации» это может стать источником концептуальных расхождений между двумя державами.

В экспертной среде КНР обозначились две возможные рамки, в пределах которых будут развиваться российско-китайские отношения. Первая – глобалистская, опирающаяся на китайские представления о «единой судьбе» и интегрированной мировой системе. Вторая – объединяющая, базирующаяся на совпадении позиций в неприятии «американского диктата» во внутреннем развитии и международных делах. При этом Пекин не разделяет российскую установку, согласно которой «коллективный Запад» стремится уничтожить Россию: с точки зрения китайского руководства, подобное восприятие повышает риск втягивания КНР в войну, что противоречит линии на «соперничество и сотрудничество» с Западом¹⁹.

В практическом измерении Китай не поддерживает ни планов размещения российского ядерного оружия в Беларуси, ни тем более его возможного применения. Как и в ситуации с СВО, Пекин избегает открытого осуждения, но через официального представителя МИД напоминает о договорённости пяти ядерных государств 2022 г. не размещать ядерное оружие за пределами национальной территории, а также о приверженности дипломатическим методам урегулирования.

Сочетание факторов – развитие «гибридной войны» между Россией и Западом, её «экзистенциальная» трактовка Москвой, потенциальное вовлечение Китая в нежелательные для него конфликты, а также вопросы глобальной

¹⁹ Guihai G. 2024ю A Chinese Scholar's Perspective on the Russia–Ukraine War. *Council on Foreign Relations*. 1 April. URL: <https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/chinese-scholars-perspective-russia-ukraine-war> (accessed 05.07.2025).

безопасности и ядерного сдерживания – стимулировало в китайской аналитической среде более жёсткий взгляд на Россию. Тем не менее курс на углубление двустороннего сотрудничества, включая антиамериканское измерение, сохранялся.

На вопрос о том, как изменятся российско-китайские отношения в случае улучшения отношений КНР и США, китайские эксперты отвечали уклончиво. Вместе с тем всё чаще стали звучать идеи о так называемой «большой сделке» Пекина и Вашингтона, охватывающей торгово-экономическую и научно-техническую сферы, урегулирование региональных конфликтов (Северная Корея, Украина), вопросы ядерного сдерживания и элементы нового мироустройства, о которых Си упоминал после визита в Москву.

Первый сигнал возможной коррекции курса прозвучал в начале апреля: посол КНР в ЕС Фу Цун, накануне встречи Си Цзиньпина с президентом Франции и главой Еврокомиссии, заявил, что формула о «дружбе без границ» является риторической фигурой, что Пекин не поддерживает действия России на Украине и не оказывает ей помощи в этом конфликте. В Москве это вызвало раздражённую реакцию: пресс-секретарь президента РФ Д. Песков напомнил о подписанных в ходе саммита документах как о свидетельстве уровня отношений.

Вскоре на апрельском саммите с Эмманюэлем Макроном Си предложил Парижу выработать собственный план урегулирования по Украине, который Китай готов поддержать, понимая, что в подобном документе, вероятно, будут содержаться как осуждение СВО, так и требование вывода российских войск. Этот шаг можно трактовать как ироничный ответ на критику китайского мирного плана: «не нравится наш – предложите свой».

Таким образом, в условиях противостояния с США Пекин продолжал использовать партнёрство с Россией как инструмент давления на Вашингтон, а в украинском кризисе – как возможность набрать политические очки, позиционируя себя в роли потенциального посредника, не отказываясь при этом от риторики «всеобъемлющего стратегического партнёрства».

Весной 2023 г. Москва и Пекин оказались в центре мирового внимания: государственный визит Си Цзиньпина стал первым зарубежным визитом китайского лидера после его переизбрания на пост Председателя КНР. Уже сам этот факт придал поездке особый символизм. В китайской логике это был мощный сигнал – демонстрация того, что Россия сохраняет особое место в системе внешнеполитических приоритетов Пекина.

С точки зрения Китая, визит достиг ряда целей. Он позволил подтвердить «стратегическое партнёрство» с Москвой, усилив давление на Вашингтон. В совместных заявлениях прозвучали жёсткие оценки американского гегемонизма, расширения активности НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, планов AUKUS, японских намерений по захоронению ядерных отходов и американских манёвров вокруг Тайваня. В двусторонней плоскости был представлен пакет новых экономических проектов на рекордную сумму в 160 млрд долл., а также объявлено о наращивании военно-технического сотрудничества.

Украинская тема также заняла своё место в повестке, хотя и без сенсаций. Китай сохранил позицию «дружественного нейтралитета»: не осудил СВО, но и не поддержал Россию. Для Пекина визит стал подтверждением того, что он способен поддерживать открытый канал общения с Москвой, не закрывая дверь и для диалога с Западом.

Однако в одном важном аспекте – роли миротворца – визит оказался скорее неудачным. Китайский 12-пунктный план урегулирования конфликта, который в Пекине рассчитывали представить как дипломатическую инициативу мирового уровня, в Москве был воспринят сдержанно и назван «основой для будущих усилий»²⁰. Украина отвергла документ ещё до приезда Си, указав на отсутствие ключевого для неё пункта – вывода российских войск. На Западе план также встретили с подозрением, увидев в нём «пророссийский уклон».

Сам документ оказался неоднородным. В нём содержались правильные, но чрезмерно общие гуманитарно-экономические положения – о недопущении гуманитарного кризиса, восстановлении цепочек поставок, сохранении «зерновой сделки». Присутствовали и завуалированные сигналы обеим сторонам: критика поставок вооружений Украине и недопустимость применения тактического ядерного оружия. Главным же пунктом было требование соблюдения «суверенитета» и «территориальной целостности» всех сторон. Именно здесь китайская дипломатическая логика «быть над схваткой» дала сбой: для Киева это означало восстановление границ 1991 г., а для Москвы – закрепление за Россией Крыма и четырёх регионов, присоединённых в 2022 г.

В итоге миротворческая инициатива, задуманная как универсальная и гибкая, оказалась в ловушке несовместимых трактовок. Это стало ещё одним напоминанием для китайской внешнеполитической мысли: в «мире перемен, которых не было сто лет», как выразился Си Цзиньпин, необходимо разрабатывать новые, более тонкие концепции, если Пекин действительно намерен претендовать на роль глобального посредника.

II квартал 2023 г.

Весной и летом 2023 г. официальная позиция Китая по украинскому кризису принципиально не изменилась. Пекин по-прежнему не осуждает Россию, но и не поддерживает её действия напрямую; выступает за дипломатическое урегулирование и одновременно настаивает на необходимости «соблюдения суверенитета» и «территориальной целостности» государств.

²⁰ Putin says Chinese proposal could be basis for peace in Ukraine. 2023. *Reuters*. 21 March. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-wants-chinese-business-replace-western-firms-putin-tells-xi-2023-03-21/> (accessed 05.07.2025).

В этот период усилилась посредническая составляющая китайской дипломатии. В мае специальный посланник по делам Евразии, замминистра иностранных дел Ли Хуэй – бывший посол в Москве, свободно владеющий русским языком и имеющий репутацию доброжелательного к России дипломата, – совершил турне по Киеву, Варшаве, Берлину, Парижу и Москве. Его миссия заключалась в продвижении китайского «плана урегулирования из 12 пунктов». На встречах он настаивал, что корни конфликта – в «тяжёлых противоречиях сторон по вопросам безопасности», которых можно было избежать. Главной задачей, по его словам, является недопущение эскалации и отказ от шагов, которые «подливают масло в огонь», – прежде всего от поставок Западом вооружений Украине, способных, по оценке Пекина, спровоцировать применение Россией тактического ядерного оружия.

Посредническая активность, однако, не дала ощутимых результатов. В экспертной среде КНР звучали оценки, что дипломатия Си Цзиньпина и его ближайшего советника Ван И во многом носит демонстративный характер: Пекин не в состоянии примирить стороны, чьи установки – вывод российских войск для Киева и признание «новых реалий» для Москвы – остаются несовместимыми. Тем не менее логика «оставаться над схваткой» и наращивать репутацию посредника, подкреплённая успехом нормализации отношений между Саудовской Аравией и Ираном при посредничестве Китая, предопределяла приоритет образа «миролюбивого и нейтрального» игрока в глазах Запада над немедленным результатом.

В уточнённом варианте официальная линия выглядела так: не осуждать Россию, не поддерживать её прямо и акцентировать собственную посредническую роль. Этот курс являлся ответом на усиливающееся давление Запада, требовавшего от Китая однозначного осуждения СВО.

Параллельно Пекин пошёл на ряд частичных уступок. Некоторые крупные китайские корпорации начали сворачивать сотрудничество с Россией из-за угрозы «вторичных санкций». Китай увеличил гуманитарную помощь Украине через международные организации, а Ли Хуэй публично заверил Киев, что «Китай не оставит Украину».

Отдельным направлением стала попытка развести отношения с Европой и с США. В мае министр иностранных дел Цинь Ган в контактах с европейскими коллегами подчёркивал, что Китай и ЕС – партнёры и должны «вместе противостоять вызовам безопасности», поддерживать глобализацию, координировать экономическую политику и откровенно обсуждать политические озабоченности. В Пекине позитивно оценили смещение европейской риторики от «декаплинга» к «дерискингу». Китай стремился убедить Брюссель, что в украинском сюжете главную ценность имеет не осуждение Пекином России, а его посредническая активность, одновременно укрепляющая китайско-европейский диалог.

В отношениях с США Пекин исходил из более широких стратегических рамок – глобального соперничества и тайваньского вопроса. В противовес американскому давлению, в том числе по украинской теме, Китай делал ставку

на продолжение экономического взаимодействия с Россией и на углубление военного сотрудничества. В мае-июне состоялись совместные манёвры, включая патрулирование воздушного пространства в Северо-Восточной Азии. В Москве прошла рабочая встреча представителей МИД и оборонных ведомств по проблематике противоракетной обороны, которую в Китае трактовали как ответ на стратегию США по развитию глобальной ПРО.

В китайской экспертной среде закрепилось мнение, что Москва рассматривает Пекин как ключевую внешнеполитическую опору в противостоянии с Западом. Это обеспечивало Китаю пространство для гибкости: он мог частично сворачивать бизнес в России, выводя его из-под санкционных рисков, или запускать форматы без участия Москвы – например, «Китай плюс пять стран Центральной Азии» – без существенного ущерба для двусторонних отношений.

Во второй половине весны – начале лета 2023 г. наметился сдвиг общественных и экспертных настроений в Китае относительно Украины. Если в первые месяцы СВО в интеллектуальной элите при официальном курсе «доброжелательного к России нейтралитета» преобладали пророссийские симпатии, нередко сопрягаемые с тайваньской проблематикой («Россия – молодец!», «и нам надо так!»), то теперь, по наблюдениям китайских политологов, закрепилось отношение «ни за Россию, ни против». При этом всё чаще добавляли: «Украина во многом мешает нормализации отношений Китая с Западом».

Признаком перелома стала дискуссия на июньской конференции Народного университета Китая и Китайской академии общественных наук. Ведущие эксперты, связанные с российскими коллегами, констатировали, что конфликт на Украине подрывает стратегическую «дружбу без границ», поскольку Китай «не признает присоединения к России украинских земель». Отмечалось также, что из-за Украины США склонны рассматривать Россию и Китай как «единое целое», что «вредит более широким китайским интересам» и курсу Пекина на глобализацию.

В формулируемом «новом консенсусе» звучали тезисы: «не союз», «не конфликт», «не угроза Западу». Утверждалось, что «Россия использует Китай к своей выгоде в конфликте с Западом», тогда как КНР несёт репутационные и экономические издержки, поскольку Запад видит в ней союзника Москвы. Одновременно признавалось: «затянувшийся конфликт на Украине ослабляет Россию» – и это «стратегически выгодно Китаю». Но многие эксперты сомневались, что этот «плюс» перевешивает «минусы» политики «доброжелательного к России нейтралитета», связанные с ухудшением отношений с Западом²¹.

²¹ 王毅 2025. 中国不是这场危机的制造者... 我们没有隔岸观火... [Wang Yi: "China Is Not The Creator of This Crisis... China Did Not Stand by on the Sidelines..."]. Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 15 February. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzb_673089/xghd_673097/202502/t20250215_11555646.shtml (accessed 05.07.2025).

Аналитики также подчёркивали: в противостоянии с Россией и Китаем США «укрепляются своими друзьями в Азии: Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Филиппины». Следовательно, и Китаю необходимо расширять международную базу поддержки, «не заикливаясь на одной России». Сохраняло значение и военное взаимодействие с Москвой – «военные манёвры, совместное воздушное патрулирование, сотрудничество по ПРО» – как инструмент балансирования американской активности, но оно «не должно вести к военной поддержке действий России на Украине», поскольку «Запад, из-за России всё чаще обвиняет Китай», а это «вредит позициям Китая на мировой арене».

Итоговая формула дискуссий сводилась к следующему: Китаю целесообразно сохранять позицию «над схваткой», укрепляя собственные международные позиции за счёт равноудалённости от России и США и признавая, что украинский кризис продемонстрировал пределы концепции «сотрудничества без границ». В экспертных обсуждениях также высказывалось мнение, что отказ Москвы принять китайский план урегулирования мог быть воспринят Пекином как проявление недостаточной готовности к координации, в связи с чем Си Цзиньпин вынужден искать новые варианты манёвра между российским и западным направлениями.

Двухуровневый подход проявился и в реакции на инцидент с «Вагнером». Официальный Пекин долго сохранял молчание и лишь 25 июня, после визита российского замминистра иностранных дел, МИД КНР опубликовал краткое заявление: «произошедшее – внутреннее дело России». Между тем в китайских соцсетях развернулись оживлённые обсуждения. Ключевыми темами стали устойчивость политической ситуации в России, возможное влияние событий на китайско-российские отношения и на ход СВО.

Комментарии в китайских дискуссиях нередко носили критический характер. Указывалось, что события, связанные с «Вагнером», могут рассматриваться как проявление кризисных явлений в российской армии, вызванных затянувшимся характером боевых действий. Подчёркивалось также, что отсутствие значимых военных успехов чревато внутренними социальными трудностями. Для Китая в контексте Тайваня из этого делался вывод: поражение на фронтах может иметь прямые последствия для внутривнутриполитической стабильности. Звучали и более жёсткие оценки, ставившие под сомнение способность российской армии эффективно вести военные действия и достигать поставленных целей.

В оценках перспектив двусторонних отношений мнения разделились. Одни наблюдатели полагали, что события вокруг «Вагнера» не окажут существенного влияния на стратегическое партнёрство. Другие отмечали, что кризисные явления в российской армии и обществе, а также неопределённость развития ситуации на Украине и внутри самой России формируют для Китая новые стратегические вызовы, включая вопросы о будущей конфигурации российско-китайских отношений.

III квартал 2023 г.

Политика Китая в отношении России в этот период развивалась в двух основных плоскостях. Первая – восприятие России как военно-политического партнёра в условиях китайско-американского стратегического соперничества. Вторая – собственно китайско-российские отношения на фоне украинского кризиса. Обе линии имели автономную динамику: Пекин сознательно избегал жёсткой увязки событий в одном направлении с событиями в другом.

По первому направлению Китай активно использовал потенциал «российского крыла» своего антиамериканского «фронта» для балансирования политики США в АТР. Вашингтон укреплял военное сотрудничество с Японией и Южной Кореей, а также вовлекал европейское крыло НАТО в сдерживание Китая в Азии. В ответ Пекин делал ставку на российский фактор. Показательными стали масштабные июльские военно-морские манёвры России и Китая в Японском море, в ходе которых отрабатывались задачи обеспечения безопасности торговых коридоров, а также августовский визит министра обороны КНР Ли Шанфу в Москву и Минск. Последний демонстрировал формирование своеобразного «треугольника» Китай – Россия – Беларусь как военного противовеса «треугольнику» Вашингтон – Сеул – Токио.

По второму направлению выделялось несколько нюансов. Во-первых, наблюдалось снижение интереса китайских аналитических и политических кругов к теме СВО как таковой. Позиция Пекина оставалась неизменной: Китай не осуждает Россию, но и не признаёт её юрисдикцию над территориями, перешедшими от Украины. Пекин продолжал критиковать США за «подливание масла в огонь конфликта» и «гегемонизм» в международных делах, выступая за дипломатическое урегулирование и претендуя на посредническую роль. Одновременно становилось всё очевиднее, что в обозримой перспективе конфликт неразрешим, а китайские инициативы урегулирования не могут принести быстрых результатов.

Во-вторых, окончательно закрепились установка Пекина на развитие отношений с «недружественными» России странами – строго исходя из собственных интересов и без учёта ухудшения их связей с Москвой. Показательными стали визиты в Китай высокопоставленных представителей США – госсекретаря, министров финансов и торговли, представителя президента по климату, а также сентябрьские переговоры с ЕС, Германией и Италией по вопросам экономики и безопасности. Символичным был визит южнокорейского премьера Хан Док Су к Си Цзиньпину: обсуждалось восстановление производственных цепочек, визит Си в Сеул к концу 2023 г. и подготовка трёхстороннего саммита Китай – Япония – Республика Корея для формирования новой зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

В-третьих, Китай расширял экономическое сотрудничество с Украиной. В июле Пекин посетил заместитель министра экономики Украины Т. Качка – первый визит подобного уровня с начала СВО. Китай обещал увеличить импорт, развивать технологическое взаимодействие и двигаться к созданию зоны свободной торговли, углубляя «стратегическое партнёрство». В обмен Пекин требовал гарантий безопасности для китайского персонала и собственности. Политическая проблематика намеренно обходилась. Китайские аналитики отмечали, что визит продемонстрировал «готовность сторон развивать сотрудничество в традиционных областях в сложных политических условиях».

В-четвёртых, летом в Шанхае состоялась дискуссия экспертов из ведущих исследовательских центров КНР, выявившая новый ракурс анализа китайско-американских отношений – через призму российского антиамериканизма, который в Китае считают главной основой современной российской внешней политики.

Основные тезисы сводились к следующему:

- антиамериканизм оказывает мощное влияние на русскую политическую культуру, пробуждая «ксенофобию и изоляционистские настроения» и проявляясь каждый раз, когда Россия «меняет свою политику экономических реформ и модернизации на поддержание внутривнутриполитической стабильности»;
- Россия ощущает себя европейской страной, что долго признавалось Западом, – отсюда «внутренний конфликт» её антизападных настроений;
- «постимпериалистическая» Россия строит самоидентификацию по контрасту с США, называя Америку «морально деградировавшим и коррумпированным обществом»;
- антиамериканизм используется как политический инструмент для «внутренней легитимности Кремля» и для формирования «глобального антиамериканского лагеря»;
- одновременно он представляет собой «обоюдоострый меч», способный «разрушить русскую национальную идентичность» и подорвать экономическое развитие;

По мнению китайских аналитиков, антиамериканизм действительно является основой сближения Китая и России. Однако если для Москвы он приобрёл «невозвратный» характер, то для Пекина он остаётся «возвратным»: Китай стремится к нормализации отношений с США и Западом. Отсюда следовала рекомендация: использовать российский антиамериканизм как инструмент давления на Запад, но не «чрезмерно сближаться» с ним, чтобы не оказаться в глазах Запада «единым целым с Россией», что «мешает» собственным усилиям Китая по улучшению отношений.

В то же время подчёркивалось: учитывая «глубинные европейские корни российской идентичности», в будущем российский антиамериканизм может перестать быть «невозвратным». В таком случае, предостерегали китайские эксперты, Пекин рискует оказаться «самой антиамериканской страной» в мире, что создаст новые ограничения для его экономики и внешней политики.

IV квартал 2023 г.

В конце 2023 г. в отношениях с Россией Пекин особо подчёркивал ряд достижений. Среди них выделялось «военное сотрудничество, включая совместное воздушное патрулирование прилегающих к Японии и Южной Корее пространств СВА». При этом китайская дипломатия последовательно настаивала, что КНР «не оказывает военной помощи России в СВО», сохраняя позиции «нейтралитета, дипломатического посредника и миротворца». Одновременно Пекин дистанцировался от «обвинений» Запада в стремлении создать военный союз Пекин – Москва – Пхеньян, вновь подчёркивая приоритетность двусторонних связей как с Россией, так и с КНДР.

Вторым важным акцентом стали визиты российского руководства: в октябре – визит президента России в Пекин, а в декабре – визит премьер-министра в Китай. На переговорах фиксировался рост товарооборота, впервые превысившего отметку в 200 млрд долл., расширение поставок российских энергоносителей, подписание нового соглашения об экспорте зерна на сумму 25 млрд долл. и переход «90% двусторонней торговли на национальные валюты».

В новогоднем послании Си Цзиньпин подвёл символическую черту под итогами года, охарактеризовав отношения с Россией как «сохраняющие здоровое и стабильное развитие».

Вместе с тем в китайском экспертном дискурсе обозначились новые акценты в понимании российской проблематики. Если ранее обсуждения концентрировались на «уроках СВО для Китая» или на анализе «характера российского антиамериканизма», то к концу года внимание сместилось в экономическую сферу – к вопросу: «что полезного для себя Китай может заимствовать из российского опыта преодоления западных санкций».

Основные идеи этих дискуссий сводились к трём положениям:

- Китаю важно на случай «критического обострения отношений с Западом» сохранять активы и производственные мощности национальных компаний внутри страны;
- необходимо заранее выстраивать «цепочки поставок» сырья и товаров в рамках национальной экономики;
- следует расширять инвестиционное присутствие и торговлю с незападными странами.

Однако такие предложения не остались без критики. По мнению ряда аналитиков, в случае войны с США и полного разрыва отношений с Западом подобные меры окажутся малоприменимыми. Во-первых, Китай сможет опереться лишь на ограниченный круг стран, которые сами находятся в конфликте с США. Во-вторых, ставка исключительно на внутреннюю экономику противоречит стратегической концепции «двойной циркуляции», предполагающей функционирование пусть ограниченного, но экспортного сектора, а также внешнюю инвестиционную экспансию в рамках инициативы «Пояс и путь».

В-третьих, в условиях реальной войны китайская экономика будет переведена на «военные рельсы», и тогда её оценка и анализ в рыночных категориях «станет невозможным».

I квартал 2024 г.

В начале 2024 г. Китай продолжал рассматривать стратегическое партнёрство с Россией как ключевую опору в противостоянии с США. Пекин последовательно «не приемлет американского давления по Украине», разводя по разным «дипломатическим углам» украинскую проблематику и собственно китайско-российские военно-политические отношения. Взаимный товарооборот за 2023 г. достиг 240 млрд долл., что вывело Россию на шестое место среди торговых партнёров КНР – после АСЕАН, ЕС и США, значительно опережающих, но лишь немного опередивших Японию и Южную Корею.

В то же время уже в начале 2024 г. стали заметны определённые «мягкие» расхождения в двустороннем взаимодействии, касавшиеся ряда важнейших вопросов безопасности и сотрудничества. Они квалифицировались как «мягкие», поскольку стороны стремились не акцентировать их публично, делая упор на совпадающих позициях – прежде всего на антизападной и антиамериканской направленности политики.

Первым проявлением таких расхождений стала инициатива Китая, выдвигнутая в конце февраля 2024 г. и адресованная странам «ядерного клуба»: предложение заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми. Эта идея расходилась с российской доктриной, допускавшей возможность использования ядерного оружия в случае применения против России обычных вооружений, угрожающих её государственности. Реакция МИД России была предельно осторожной: прозвучало, что «любые меры в ядерной сфере рассматривать в комплексе», что «Россия уважает инициативы Китая», но «любые предложения в сфере международной безопасности надо рассматривать в общем контексте военно-политических реалий, учитывая другие факторы»²².

Вторым примером «мягкого» несовпадения стало заявление Си Цзиньпина в телефонном разговоре с Джо Байденом 2 апреля 2024 г. Китайский лидер подчеркнул, что урегулирование украинского кризиса должно быть достигнуто «не военным путём, а за столом переговоров» и что в нём «не должно быть ни победителей, ни побеждённых»²³.

²² МИД ответил на инициативу Китая по ядерному оружию. 2024. RBC. 11 March. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2024/65eed6959a7947073099a087> (accessed 05.07.2025).

²³ 'Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Briefing'. 2024. Ministry of Foreign Affairs PRC. 2 April. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11347730.html (accessed 05.07.2025).

Третьим моментом стало распространённое в российской дипломатической среде, хотя и неофициально выражаемое, сомнение относительно перспектив китайских усилий по нормализации отношений с ЕС и США, которые нередко характеризовались как чрезмерно оптимистичные.

Четвёртый фактор был связан с экономикой: в начале года риски так называемых вторичных санкций — прежде всего в отношении крупных китайских финансовых институтов, имеющих значительное присутствие на западных рынках, — стали всё ощутимее ограничивать динамику российско-китайского сотрудничества.

Пятый элемент «мягких» расхождений касался академического и экспертного взаимодействия: китайские учёные всё чаще предпочитали воздерживаться от поездок в Россию, по-видимому, по тем же причинам, что и бизнес, — во избежание осложнений в контактах с США.

Подобные расхождения пока не умаляли стратегической значимости России для Китая как фактора в противостоянии с США. Однако в долгосрочной перспективе они могли трансформироваться в более весомый источник рисков для процесса согласования стратегических интересов двух стран.

В марте 2024 г. в ходе ежегодной сессии ВСНП наряду с общей задачей завершить модернизацию вооружённых сил к 2027 г. и к 2049 г. превратить Китай в «мировую военную державу» были обозначены и новые акценты. В контексте «уроков Украины» для Китая, особенно в связи с возможным конфликтом вокруг Тайваня, были сформулированы задачи:

- повысить способность страны к военной мобилизации;
- усилить подготовку резервных сил для поддержки боевых и наступательных операций (как отмечали гонконгские аналитики, столь чёткая формулировка прозвучала впервые);
- нарастить потенциал военной промышленности и улучшить координацию в инфраструктурной сфере, связанной с вооружёнными силами.

Эти планы сопровождались прогнозируемым ростом военных расходов в 2024 г. на 7,8%. Особое внимание привлекло выступление премьера Ли Цяня: в его формуле о «воссоединении» с Тайванем отсутствовало слово «мирное». Это вызвало крайне негативную реакцию в Тайбэе. Однако вскоре глава МИД КНР Ван И смягчил ситуацию, вновь подчеркнув традиционный тезис о «мирном воссоединении с Тайванем».

Вторым «украинским нюансом» стало новое китайское предложение о проведении международной мирной конференции по урегулированию конфликта с участием и Киева, и Москвы. Примечательно, что Пекин, по-видимому, перестал продвигать свой 12-пунктный план, ориентированный на двусторонний диалог Москвы и Киева, и внёс новый элемент в свои усилия – акцент на многосторонний международный формат.

II квартал 2024 г.

Будучи официально «дружественной» для России страной, Китай в то же время вынужден учитывать угрозу американских «вторичных санкций», особенно в отношении собственного крупного бизнеса. В результате Пекин пошёл на ограничение сотрудничества с Россией по линии крупных банковских структур, стремясь минимизировать финансовые риски.

Одновременно Китай усилил пропагандистскую составляющую своей политики, стремясь перенести ответственность за украинский кризис на Запад. 27 июня официальный представитель Министерства обороны КНР заявил, что Китай «решительно против» попыток США и их союзников возложить на Пекин вину за происходящее. Более того, по обнародованным китайским данным, «более 60% компонентов вооружений и товаров двойного назначения, импортируемых Россией, поступают из США и других западных стран».

Наиболее заметные изменения в китайской позиции по Украине во втором квартале проявились на экспертном уровне. В партийно-академической среде стало утверждаться мнение, что из-за украинского кризиса Россия постепенно превращается для Китая из союзника в своего рода «обузу», затрудняющую нормализацию китайско-американских отношений.

Большой резонанс вызвала статья профессора Шанхайского университета Шэнь Чжихуа – одного из ведущих китайских специалистов по проблемам Холодной войны, сына высокопоставленного функционера КПК в сфере безопасности. Отталкиваясь от тезиса о том, что бывший СССР «несёт свою долю ответственности за Холодную войну», Шэнь распространил эту логику на современную Россию, интерпретируя «действия России на Украине и на Кавказе» как стремление «вернуть Российскую империю»²⁴. По его мнению, подобная политика Москвы «создаёт угрозы китайской безопасности». При этом он подчёркивал: хотя совпадение антиамериканских интересов остаётся «основой китайско-российского взаимодействия», Китаю «не следует идти на союз с Россией», напротив, важно проводить политику открытости, аналогичную началу реформ, включая выстраивание отношений с США.

Дополнительный нюанс китайской позиции проявился в июньском визите российского президента в Пхеньян, где был подписан договор о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон. Официальная реакция Китая была предельно сдержанной: «это касается двусторонних отношений России и КНДР». Однако среди китайских экспертов развернулась дискуссия. Одни расценили договор как инструмент дополнительного давления на США на Корейском полуострове. Другие, напротив, указывали на возникающие для Китая риски.

²⁴ Shen Zhihua: China should stick to non-alignment, avoid new Cold War blocs. 2024. *South China Morning Post*. 13 August. URL: <https://www.sinification.com/p/shen-zhihua-on-avoiding-a-new-cold> (accessed 05.07.2025).

Во-первых, договор усиливает влияние России на Северную Корею и тем самым ослабляет позиции Китая не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии в целом.

Во-вторых, вероятность вовлечения России в вооружённый конфликт на Корейском полуострове повышает уровень неопределённости для безопасности КНР, которая сама имеет аналогичный договор с Пхеньяном, но традиционно исходила из того, что будет соблюдать его лишь в случае прямой военной угрозы китайской территории.

В-третьих, в Пекине опасаются, что предоставленные Москвой Пхеньяну гарантии безопасности могут стимулировать Северную Корею к дальнейшему наращиванию ядерного потенциала. Это не только создаёт новые вызовы китайской политике в области нераспространения, но и усиливает расхождения между Пекином и Пхеньяном. Ситуация осложняется тем, что Китай официально выступает за «денуклеаризацию Корейского полуострова», распространяя этот тезис и на северную его часть. Между тем КНДР, изменив в прошлом году конституцию, провозгласила себя «ядерной державой», а собственный арсенал – «основой национальной безопасности». В таких условиях любое требование об отказе от ядерного оружия воспринимается Пхеньяном как вмешательство во внутренние дела и призыв к пересмотру конституционных положений.

III квартал 2024 г.

На фоне поступательного развития российско-китайских отношений и официально декларируемой приверженности Москвы и Пекина принципам «всеобъемлющего стратегического партнёрства» и «всестороннего практического сотрудничества», ещё раз подтверждённой в ходе августовского визита в Россию премьер-министра Госсовета КНР Ли Цяна, а также в выступлении Си Цзиньпина 2 октября по случаю 75-летия установления дипломатических отношений, в последние месяцы всё более отчётливо стала проявляться тенденция к расширению «полей расхождений» в позициях сторон.

В экономической сфере на первый план вышли проблемы взаимных платежей, широко освещавшиеся в СМИ и вызванные опасениями крупных и средних китайских банков оказаться под «вторичными санкциями» США за сотрудничество с российскими компаниями.

В политике «поля расхождений» затронули стратегическое видение мирового развития, украинскую проблематику, отношение к региональным конфликтам и специфику военного сотрудничества с США. Китай продолжал последовательно поддерживать идеи и практику глобализации, стремился позиционировать себя как одного из её лидеров, продвигал концепцию глобального управления и «общей судьбы человечества». В отличие от российской логики, Пекин дистанцировался от бинарной схемы деления мира на «дружественный и недружественный» и видел реализацию собственных интересов в «объединении мировых устремлений».

Выступая в сентябре 2024 г. на Генеральной Ассамблее ООН, министр иностранных дел КНР Ван И представил программу «Новый план построения лучшего мира» из четырёх пунктов. Как и многие китайские инициативы, документ содержал больше привлекательной риторики, чем конкретики, но стратегически отражал направление китайской внешнеполитической мысли. Основные положения включали:

1. построение будущего мира и спокойствия через «общую, всеобъемлющую, совместную и устойчивую безопасность» и урегулирование споров посредством диалога;
2. создание будущего развития и процветания на основе «инклюзивной глобализации» и равного распределения плодов экономического роста;
3. формирование будущего равенства и справедливости – «равноправного и упорядоченного многополярного мира», противостоящего «гегемонизму» и «односторонним санкциям»;
4. продвижение к более справедливому и равноправному глобальному управлению.

Вопросы миропорядка становились предметом дискуссий и в академической среде Китая. Профессор Пань Гуан, директор-основатель китайского исследовательского центра по ШОС, отмечал, что ни ШОС, ни БРИКС не располагают ресурсами для противостояния американскому лидерству, «даже если Россия и хотела бы этого»²⁵. По его словам, в эти объединения «входит слишком много стран», включая «антикитайски и проамерикански настроенную Индию». Индия, по оценке Паня, противодействует инициативе «Пояса и пути», в том числе из-за несогласия с прохождением Китайско-пакистанского экономического коридора. Отсюда вывод: если в рамках ШОС, БРИКС или Глобального Юга «Индия будет против – то ничего и не получится». При этом Китай, по его мнению, интересуется в этих структурах прежде всего экономическим измерением и «не намерен конкурировать с Западом как Россия». Что же касается самого Глобального Юга, Пань определял его скорее как лозунг, задавая вопросы: «А вообще – что такое Глобальный Юг?» и «Как можно на практике объединить столько разных стран с порой противоположными интересами?».

В украинском вопросе Пекин продолжал быть «миротворцем над схваткой». Китай жёстко возражал против западного давления, требовавшего ужесточения его позиции по отношению к Москве, но одновременно сохранял экономические и политические контакты с Киевом. Так, в июле 2024 г. Китай посетил министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба. При этом Пекин,

²⁵ Pan Guang. 2024. 'Despite institutional gains ... SCO's small and weak institutional setup ... badly needs an update.' *"Moscow and Beijing at the Dawn of a Grave New World of ..."*. 1 December. URL: <https://cc.pacforum.org/2024/12/moscow-and-beijing-at-the-dawn-of-a-grave-new-world-of-trump-2-0/> (accessed 05.07.2025).

не осудив наступление ВСУ на Курскую область, призвал «все стороны» «воздерживаться от эскалации конфликта», отметив вместе с тем неприемлемость украинских ударов вглубь российской территории.

В миротворческой политике Пекина наметились новые элементы. Если ранее он делал ставку на собственный план «из 12 пунктов», адресованный Москве и Киеву, то теперь расширял географию своей активности. В мае совместно с Бразилией был представлен новый «мирный план из шести пунктов», включавший поставки гуманитарной помощи, защиту гражданского населения, обмен военнопленными и отказ от расширения зоны боевых действий. При этом принципиальные вопросы геополитического урегулирования – восстановление границ «в границах 1991 г.» или с учётом «новых реалий» – оставались за рамками. В документе также не учитывались ключевые российские требования: нейтральный статус Украины, фиксация статуса Донбасса, Херсонской и Запорожской областей как российских регионов и снятие санкций.

На полях сессии ГА ООН в сентябре Китай инициировал новый формат – «Встреча друзей мира», в который наряду с КНР и Бразилией вошли Индонезия, ЮАР, Мексика, Замбия и ещё 17 государств «Глобального Юга». По китайским оценкам, инициативу поддержали около 110 стран, тогда как США, ЕС и Украина её отвергли. Для Пекина приоритетом становилось не столько практическое урегулирование конфликта, сколько закрепление международного имиджа КНР как «главного миротворца на Украине», что позволяло ослабить давление Запада и снижало обвинения в поддержке России.

Экономическая составляющая также оставалась важной для Пекина: он опасался, с одной стороны, экономического кризиса в Европе как важнейшем рынке сбыта китайских товаров, а с другой – неконтролируемого разрастания конфликта, способного вызвать глобальный кризис и в перспективе ударить по устойчивости власти КПК и лично Си Цзиньпина.

Ещё одним «полем расхождений» стали военные связи Пекина с США. В начале сентября КНР впервые за много лет приняла участие в бразильских военно-морских учениях «Формоза». Хотя название не имело отношения к Тайваню, сценарий учений предполагал высадку морской пехоты на «враждебный берег». В манёврах участвовали Бразилия, Китай (33 военнослужащих), США (54 военнослужащих), а также Аргентина, Франция, Италия, Мексика, Нигерия, Пакистан, Конго и ЮАР. Западные наблюдатели отметили, что это были первые после 2015 г. совместные китайско-американские учения: тогда Китай направил 1,2 тыс. военнослужащих на возглавлявшиеся США манёвры RAC RIM в АТР, после чего приглашения перестали поступать. По-видимому, через военную дипломатию, в том числе в «недружественных» России странах и в рамках Глобального Юга, Пекин стремился смягчить антикитайские настроения на Западе.

Одновременно Китай не отказывался от демонстрации значимости военного сотрудничества с Россией. В конце сентября были проведены новые китайско-российские военно-морские учения в акватории Японского и Охотского морей, а также в воздушном пространстве над ними.

IV квартал 2024 г.

В конце 2024 г. Китай сохранял сдержанную линию в отношении экономического сотрудничества с Россией, объясняя её рисками возможного введения «вторичных санкций» со стороны США.

В политической сфере, несмотря на продолжающееся подчёркивание обеими сторонами «всеобъемлющего и стратегического характера» двусторонних отношений и их первостепенной значимости для России и Китая, отмечалось некоторое снижение дипломатической активности Пекина на российском направлении. Вероятно, это было связано с ожиданием тех изменений, которые могла вызвать новая конфигурация американо-российских отношений после вступления Дональда Трампа в должность президента США, в том числе в контексте украинского вопроса.

На этом фоне Китай заметно замедлил продвижение собственного плана урегулирования в формате «Друзей мира», хотя и не отказался от возможности использовать его в случае «американской неудачи». 23 декабря 2024 г. официальный представитель МИД КНР заявил о намерении Китая продолжать работу со странами Глобального Юга над решением украинского кризиса.

Подчёркивая, что «Китай и Россия всегда движутся рука об руку по правильному пути», Пекин одновременно обозначил и пределы стратегического взаимодействия двух стран. Вновь была повторена формула о том, что стороны «не формируют союза, не вступают в конфронтацию и не действуют против какой-либо третьей стороны».

Реакция китайского МИД на решение США разрешить Киеву наносить удары дальнобойным оружием вглубь территории России осталась традиционно неопределённой: «Пекин выступает за прекращение боевых действий на Украине».

В то же время в китайском экспертном сообществе усилились дискуссии о необходимости изучения российского опыта адаптации экономики к санкционным условиям. Основное внимание уделялось обеспечению самодостаточности Китая в поставках зерна и энергоресурсов, а также повышению гибкости производственно-промышленных цепочек путём диверсификации внешнеэкономических связей. Эти вопросы рассматривались как превентивная мера на случай возможного военного обострения отношений с США при президенте Трампе, а также как ответ на продолжающуюся «вепонизацию доллара» и наращивание санкционного давления на Китай.

1 квартал 2025 г.

Изменения в американских подходах к Украине и России оказали заметное воздействие на китайско-российские отношения, обозначив несколько ключевых векторов.

Первый – украинский. Последние инициативы Дональда Трампа по завершению конфликта и активизация дипломатической деятельности Вашингтона фактически девальвировали китайско-бразильские предложения, более ранний пекинский план «из 12 пунктов», а также лишили практической значимости формат международной группы «Друзей мира» с привлечением стран Глобального Юга. Как отмечалось в предыдущих отчётах, эти инициативы содержали универсальные призывы к мирному дипломатическому урегулированию, однако страдали отсутствием конкретики и, что стало их главной слабостью, исходили из нереализуемого требования «соблюдения суверенитета и территориальной целостности обеих сторон».

Тем не менее Пекин продолжал удерживать за собой роль посредника. Компенсируя девальвацию собственных инициатив, он поддержал Францию, Великобританию и ряд стран ЕС в их требовании участвовать в переговорах США и России по Украине. В китайских заявлениях звучала озабоченность тем, что «мир может быть достигнут за счёт интересов Украины». В этой связи Пекин выступил за более широкий состав участников – «европейско-китайский», а не узкий американо-российский формат. Одновременно это служило инструментом налаживания отношений с ЕС, прежде всего в экономической сфере: демонстрируя схожесть позиций с Европой, Китай стремился представить себя более предсказуемым партнёром, чем «непредсказуемые» США и Россия, и рассчитывал на расширение торговли с ЕС в случае «закрытия американского рынка».

Вопрос о направлении китайских миротворцев на Украину оставался двойственным и не до конца определённым. Первоначально в Пекине усматривали в этом возможность подчеркнуть глобальное влияние страны, однако постепенно стали преобладать сомнения. Во-первых, участие китайских миротворцев могло бы быть воспринято как «участие с российской стороны», усиливая обвинения в «пророссийской позиции» и осложняя процесс нормализации отношений с Европой. Во-вторых, в европейской среде неминуемо возник бы неудобный вопрос: «если вы сегодня готовы на посылку миротворцев, то почему раньше вы не предотвратили конфликт?» В-третьих, провал миротворческой миссии поставил бы под угрозу усилия Пекина по формированию образа ответственной державы, строящей «сообщество единой судьбы человечества». В таком случае репутации Си Цзиньпина был бы нанесён серьёзный ущерб, с возможными негативными последствиями для его позиций внутри КПК.

Второй вектор связан с треугольником Китай – США – Россия. Реакция Пекина на возобновление американо-российского диалога была двойственной. Официально Си Цзиньпин приветствовал начало переговоров и подтвердил

готовность КНР содействовать урегулированию. Объективно Китай заинтересован в нормализации отношений Москвы и Киева, особенно в контексте реализации инициативы «Пояса и пути» на европейском направлении. Однако на аналитическом уровне проявились новые тревожные оценки.

Эксперты указывали, что в условиях американско-российского сближения Пекин уже не сможет «полагаться на Россию в прежней мере» в китайско-американском противоборстве. По мнению профессора Пекинского университета Фэн Юйцзюня, усиление американско-российского взаимодействия в треугольнике «станет кошмаром для Пекина». Дополнительно отмечалось, что потепление отношений Москвы и Вашингтона может привести к сосредоточению американских ресурсов в АТР, что усилит давление именно на Китай.

Реакцией Пекина стала дипломатическо-пропагандистская демонстрация «нерушимости китайско-российской дружбы». Так, 27 февраля 2025 г. МИД КНР заявил: «ничто не может изменить китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнёрства ни при каких изменениях международной обстановки». Визит Ван И в Москву 31 марта – 1 апреля сопровождался акцентами на «особом характере» двусторонних отношений, а также на «исторической значимости вклада России в победу над фашизмом» и «вклада Китая в победу над японским империализмом». Дополнял картину анонс визита Си Цзиньпина в Москву на празднование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В экономическом плане в Китае видели и новые возможности. Снятие американских санкций с России, включая «вторичные санкции» против китайского бизнеса, могло бы существенно расширить пространство для китайско-российского экономического сотрудничества.

Третий вектор носил концептуальный характер. Изменение американско-российских отношений стимулировало в китайском аналитическом дискурсе поиск «глобального ответа» на возможное сближение Москвы и Вашингтона. Основным адресатом этой концептуальной активности рассматривались страны Глобального Юга. В логике такого ответа США и Россия представлялись державами, чьи действия нередко ведут к усилению соперничества и фрагментации международной системы. Китай же стремился предложить альтернативу, основанную на сотрудничестве, диалоге и укреплении единства Глобального Юга²⁶. При этом ведущая роль Пекина прямо не артикулировалась, однако подразумевалась в контексте представления Китая как одного из ключевых центров силы, способного содействовать консолидации стран Юга.

Подобные идеи получили распространение в выступлениях китайских учёных на международных форумах, включая мартовский Форум Боао, часто называемый «китайским Давосом». Конкретные формы реализации «китайского

²⁶ China's message to the Global South. 2025. *ThinkChina*. URL: <https://kinacentrum.se/en/publications/what-is-chinas-message-to-the-global-south/> (accessed 05.07.2025).

ответа» пока не определены, однако заявка на новое лидерство, вероятно, будет обретать реальные очертания по мере развития американо-российского взаимодействия – особенно если оно выйдет за рамки двусторонних отношений и затронет сферы, которые Пекин считает критическими для собственных глобальных интересов.

Таким образом, Китай продолжает оставаться главным «рычагом» поворота Востока к России. Однако эффективное использование этого рычага возможно лишь при внимательном учёте всех нюансов китайского подхода к мировому развитию, особенно в тех вопросах, где позиции Москвы и Пекина расходятся.

Заключение

Формулы «поворота России на Восток» или «разворота Востока к России» отражают, по сути, одну и ту же задачу — поиск нового содержания отношений Москвы со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях трансформирующейся геополитической конфигурации. Решение этой задачи невозможно свести к декларативным лозунгам: оно требует последовательных и прагматичных шагов, соразмерных доступным финансовым ресурсам, а также ясности идеологических ориентиров и внутренней политической согласованности.

Ключевыми направлениями здесь выступают, во-первых, инвестиционные перспективы, во-вторых, формирование идеологической рамки, приемлемой для государств региона. Оба вектора представляют для России значительные трудности. Следование западной модели «рыночной демократии» в нынешних условиях выглядит малореализуемым; столь же сомнительным представляется и заимствование китайского варианта коммунистической практики либо выстраивание стратегии исключительно на демонстративном противопоставлении обоим подходам.

Реальная политика неизбежно предполагает, что «за разворот Востока к России придётся платить». Цена выражается не только в финансовых вложениях, но и в политико-идеологических компромиссах, без которых формирование устойчивых и институционализированных форматов сотрудничества оказывается невозможным.

Альтернативный сценарий, который не следует оценивать как заведомо негативный, состоит в отказе от резких манёвров и в ориентации на постепенную адаптацию к естественной динамике процессов в АТР. В этом случае Россия может интегрироваться в региональные тренды не через демонстративные «повороты» или «развороты», а посредством выверенной и поэтапной подстройки к объективной логике развития Востока.

Об авторе:

Василий Васильевич Михеев – академик РАН, доктор экономических наук, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: mikheev@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.39:327.5(470+510)(5)

Received: May 10, 2025

Accepted: July 15, 2025

Turning the East toward Russia: The China Factor

 V.V. Mikheev

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

Abstract: This article reconsiders Russia's "Pivot to the East" by reframing it through a broader research question: how might an "Eastward turn toward Russia" be initiated. The analytical framework builds on the intellectual legacy of Academician A.V. Torkunov and focuses on the institutional and ideational conditions underpinning Russian policy in the Asia-Pacific. The study identifies four groups of factors shaping the prospects of this strategy: (1) the dynamics of regional stability and instability; (2) the distribution of friendly, neutral, and unfriendly states across the region; (3) the economic trajectory of the Asia-Pacific, largely conditioned by the state of U.S.–China relations and China's domestic priorities; and (4) the ideational and normative frameworks that reveal the limits of anti-Americanism and multipolarity as universal strategic foundations. Particular attention is devoted to the "China factor," analyzed through a quarter-by-quarter assessment of the period 2022–2025, which highlights Beijing's gradual shift from benevolent neutrality to a more pragmatic and cautious stance. The article examines China's attempts to position itself as a mediator in the Ukraine conflict, the constraints of the "no-limits partnership," and the lessons Beijing draws from Ukraine for its Taiwan policy. The economic dimension of Sino-Russian relations is characterized less by a strategic reorientation than by adaptation and substitution under sanctions pressure. The analysis concludes that, despite Russia's continuing strategic value for China, the widening "fields of divergence" create new risks for aligning long-term interests. The sustainability of an "Eastward turn toward Russia" depends on gradual institutionalization of cooperation, integration into regional processes, and the avoidance of excessive ideological framing of foreign policy.

Keywords: China; Russia; Ukraine; "comprehensive strategic partnership"; Global South; secondary sanctions; peace initiatives; Belt and Road; U.S.–Russia relations; strategic rivalry

About the author:

Vasily V. Mikheev – Doctor of Economic Sciences, Full Member of RAS, Member of Directorate, Head of Research Center for Asia Pacific Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: mikheev@imemo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Torkunov A., Streltsov D. 2023. Rossiskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russian Policy of Turning to East: Problems and Risks]. World Economy and International Relations. 67(4). P. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 EDN

Список литературы на русском языке:

Торкунов А., Стрельцов Д. 2023. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения*. 67(4), С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 EDN: QBQAWC

Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка

А.Д. Богатуров

Журнал «Международные процессы»

Страны Востока, за исключением немногих государств, продемонстрировали преимущественно нейтральную позицию в отношении российско-украинского конфликта. Ни одна из стран Латинской Америки не поддержала санкции Запада против России. Восточные государства предпринимают попытки осмыслить политику России с собственной, незападной перспективы, стремясь выработать варианты решения конфликта, опираясь на исторический и цивилизационный опыт Азии и Африки. В этой связи актуальным представляется создание отдельной восточной структуры под эгидой ООН, которая бы способствовала развитию самостоятельного цивилизационного подхода Востока, включая экономическое и культурное сотрудничество незападных стран. Отношения с Западом при этом воспринимаются Востоком как ценный исторический опыт в становлении великих держав.

В статье отмечается, что новая внешнеполитическая реальность вынуждает Россию осуществлять балансирование между противостоянием с «враждебным окружением» со стороны Европы и укреплением партнёрских отношений с Азией и Африкой. В результате экономические и политические процессы приобретают сложный и многоуровневый характер. Мир, с точки зрения Москвы, сегодня разделён на два противостоящих лагеря: западный, характеризующийся жёсткой дисциплиной, единством и прагматизмом; восточный, для которого свойственны национальный уклад, особый тип экономического роста и не менее жёсткие политические и культурные установки.

Автор подчёркивает необходимость формирования и концептуализации незападного взгляда на международные отношения в рамках российской науки. Перевод западных терминов и концепций на восточные языки требует особой осторожности и разъяснения их культурной специфики. Важнейшей задачей становится осмысление исторического и политического опыта евразийских, азиатских и африканских обществ, интеграция этого опыта в международную науку. На основе этого опыта возможно формирование единого кодекса межкультурного взаимодействия между Азией, Африкой и пограничной Евразией. Автор отмечает существование на Востоке и в Евразии особого типа человека, отличающегося от европейского по стилю мышления и принятия решений, что также должно

УДК: 327.8:321.01:316.42

Поступила в редакцию: 10.02.2025

Принята к публикации: 15.06.2025

учитываться в теоретическом осмыслении международных отношений. Особое внимание уделено роли информационной политики в формировании восприятия восточными странами тех смыслов и установок, которые транслируются западными государствами.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, российско-украинский конфликт, санкции, Восток, Латинская Америка, незападные подходы, азиатская платформа ООН, евразийская идентичность, межкультурный диалог, теория международных отношений, информационная политика

31 марта 2023 г. Президентом Российской Федерации была утверждена новая Концепция внешней политики России, необходимость принятия которой была обусловлена существенным изменением международных реалий и утратой актуальности предыдущей версии от 2016 г. В данном документе была сформулирована совокупность идей, определяющих контуры внешнеполитического курса России на ближайшие годы. Особое внимание в Концепции уделено осознанию Россией своей уникальной роли как страны, исторически объединяющей тысячелетнюю традиционную европейскую культуру и иные культуры Евразии (статья 4)¹. Важным элементом нового подхода стало подчёркивание статуса России как второй по мощи ядерной державы мира, что позволяет ей играть ключевую роль в поддержании глобального баланса сил и способствовать формированию многополярной международной системы (статья 5).

После 2014 г. восприятие внешнего мира и места России в нём существенно изменилось в официальном мировоззрении Москвы. Этому способствовал целый ряд внутренних и международных событий, повлекших за собой кардинальную переоценку предыдущих внешнеполитических установок.

Одним из важнейших внутривнутриполитических изменений, оказавших глубокое влияние на внешнеполитический курс России, стала масштабная конституционная реформа, объявленная в январе 2020 г. и утверждённая по итогам общенародного голосования 22 апреля того же года. Среди принятых поправок особое значение имело предложение депутата Государственной думы В.Н. Терешковой, внесённое 10 марта 2020 г., согласно которому была отменена действовавшая ранее норма о невозможности для президента выдвигать свою кандидатуру на должность главы государства более двух сроков подряд. Данная поправка фактически узаконила возможность неограниченного переизбрания президента.

Данные изменения сопровождались усилением дисциплины и жёсткости исполнения президентских указов и распоряжений. Президент получил фактически неограниченную возможность реализовывать собственные представления о целях государственной политики.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 229. Ст. 4, 5, 6.

Дополнительной мерой, усилившей личную власть президента, стала принятая поправка, согласно которой президент после завершения своих полномочий автоматически получал право на пожизненное членство в Совете Федерации в статусе сенатора. Таким образом, в период с января по ноябрь 2020 г. в России был осуществлён комплекс внутривластных трансформаций, который существенно изменил конфигурацию власти и повлиял на её внутреннюю и внешнюю политику.

Дипломатический разворот: Восток выходит вперёд

С конца февраля 2022 г. Российская Федерация начала Специальную военную операцию против Украины. Это событие сразу же было охарактеризовано западными обозревателями как фактор, существенно увеличивающий риск возникновения мировой ядерной войны. Основной зоной конфликта стали восточные и южные области Украины². Киев получил военную поддержку со стороны государств НАТО, в первую очередь от США и большинства европейских стран, которые одновременно предоставили Украине значительную политическую и экономическую помощь. В результате мир оказался фактически расколотым в вопросе отношения к российско-украинскому конфликту. Запад занял резко негативную позицию по отношению к Москве, в то время как в Азии только Япония и Южная Корея частично присоединились к антироссийским санкциям.

Большинство восточных государств избрали иную стратегию реагирования на события. Страны арабского мира, Китай, Индия, Турция, Иран, государства Центральной и Юго-Восточной Азии, а также страны Африки («Чёрная Африка») предпочли занять выжидательную позицию, дистанцируясь от непосредственного вовлечения в конфликт и избегая присоединения к западным санкциям. Аналогичную позицию заняли страны Латинской Америки, которые также не поддерживали западные ограничения против России.

Восточные государства внимательно наблюдали за эволюцией позиций США, Великобритании, Франции и Германии по отношению к конфликту начиная с 2014 г. На основе этого наблюдения они попытались сформулировать собственные, независимые от Запада подходы к решению возникших проблем. В этих условиях Москва стремилась предложить Востоку альтернативный способ разрешения международных конфликтов, основанный на незападном восприятии мировых процессов.

Перед российскими востоковедами в этой связи встала задача чётко обозначить существующие проблемы и изложить их на научно обоснованном уровне, что обеспечило бы возможность для продуктивного диалога между

² Россия к настоящему времени законным образом включила в себя с 2014 г. Республику Крым, а в 2022 г. – Донецкую и Луганскую народные республики, а также Херсонскую и Запорожскую области в южном и юго-восточном пределах Украины (Донбасс, Приднестровье). Не решенным оставался вопрос о Новороссии.

представителями западных и незападных государств. Участниками таких дискуссий могли бы стать делегаты России, Беларуси, Казахстана, Турции, Китая, Индии, Ирана, государств Юго-Восточной Азии и арабского мира. Предметом обсуждений могло бы быть выявление принципиальных различий между западными и восточными подходами к разрешению международных конфликтов в контексте возобновившегося после 2014 г. противостояния между Россией и Западом.

На наш взгляд, распространённое в западной традиции представление о том, что именно европейский исторический опыт, сформированный ещё в эпоху Средних веков, является универсальным образцом для политического и социального развития всех обществ, не учитывает фундаментальные культурные и исторические различия между Западом и Востоком³. Средневековая Европа сформировала особые институты власти, политические традиции и социальные практики, отражающие специфику европейского цивилизационного пути. Попытки распространить эти институты и нормы на незападные общества, обладающие собственной уникальной историей и традициями, неизбежно порождают противоречия и конфликты.

Россия, являясь страной лишь отчасти европейской, обладает выраженной евразийской идентичностью и геополитическим положением на стыке Европы и Азии. В последние годы Россия сумела преодолеть ранее доминировавшие «европейские комплексы» и открыла для себя перспективу евразийского пограничья как самостоятельной цивилизационной сущности. Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Хабаровск и другие российские города начали осознавать себя частью страны, продвигающейся вперёд не только за счёт ресурсов своих европейских территорий, но и благодаря природным богатствам азиатских регионов (нефти, газа, урана, металлов, угля, леса, драгоценных металлов и камней).

В третьем десятилетии XXI в. Китай и Индия заняли экономическое, политическое и культурное положение, фактически равное ведущим державам Запада. Однако западное восприятие этих стран по-прежнему отмечено стереотипами о якобы «отсталом» Востоке. Данная оценка представляется устаревшей и неадекватной реальному положению дел.

Сегодня у представителей восточной научной и интеллектуальной элиты назрел важный вопрос: почему объяснения евразийских и азиатских проблем до сих пор преимущественно базируются на евро-американской научной литературе? Восточные учёные считают необходимым разработать собственные, более убедительные объяснения причин возникновения конфликтов на азиатской почве, а также на пограничье Евразии и Европы. Для этого важно

³ Оригинальный взгляд на дискуссии в американском истеблишменте на перспективы политики США. (См.: Боровский 2024: 21–35).

опираться на исследования авторов из России, Индии, Китая, стран арабского мира, Турции, Ирана, Малайзии и Индонезии. Такой подход позволит посмотреть на российско-украинский конфликт с иных позиций и предложить его решение, основанное на опыте стран Азии и Африки.

Между тем на Западе продолжается эскалация противостояния между Россией и НАТО, сопровождаемая болезненным и неопределённым поиском новой линии разграничения сфер влияния. Россия категорически не согласна с переходом восточноевропейской Украины в западную сферу влияния.

Неполное соответствие Организации Объединённых Наций ожиданиям Востока

С 2014 г. произошло заметное ухудшение международных отношений, которое постепенно привело к вооружённому конфликту между «националистически» ориентированной Украиной и «патриотической» Россией. При этом Организация Объединённых Наций, являясь многонациональным инструментом обеспечения мира, в значительной мере оказалась парализованной в своей миротворческой роли вследствие политического давления со стороны США и ведущих западноевропейских государств. В этой ситуации Россия и Китай стали регулярно использовать своё право вето в Совете Безопасности ООН в тех случаях, когда, по их мнению, западные инициативы могли привести к дальнейшему усилению конфликта и даже повысить угрозу мировой войны в европейском регионе.

Возникает закономерный вопрос: обладает ли ООН необходимыми институциональными возможностями и инструментами, чтобы эффективно предотвратить подобные конфликты в Азии, Африке и Латинской Америке? Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что вряд ли. Важным фактором, ограничивающим универсальность ООН, является то, что основные её органы и структуры расположены в Нью-Йорке, на территории США. Это обстоятельство сформировалось в середине XX в., в разгар Второй мировой войны, когда ведущие державы-победительницы не смогли предусмотреть весь спектр вызовов, характерных для послевоенного мира. Отсутствие соответствующих решений в тот период серьёзно затруднило осмысление проблем независимости недавно освободившихся государств, а также таких специфических региональных вопросов, как вооружённые конфликты и внутренние противоречия в странах Азии и Африки.

Существенное изменение ситуации произошло во второй половине 1950-х гг. когда рост национально-освободительных движений в странах Азии и Африки привёл к кардинальным изменениям политического климата этих регионов. Ярким примером этого стала проведённая 24 апреля 1955 г. в индонезийском городе Бандунге конференция стран Азии и Африки, на которой представители западных держав принципиально не присутствовали (АСЕАН в начале... 2010).

Среди современных институциональных решений ООН следует упомянуть инициативу «Альянс цивилизаций», штаб-квартира которого расположена в кампусе ООН в Нью-Йорке. В 2021 г. был открыт его дополнительный офис в Женеве. Основная задача Альянса формулировалась как снижение напряжённости в отношениях между Западом и исламским миром. Среди его приоритетных направлений были обозначены развитие высшего образования, журналистики и в более широком смысле — вопросы миграции восточной молодёжи на Запад⁴.

Однако такое понимание задач Альянса цивилизаций ООН, сформулированное преимущественно западными представителями и поддерживаемое «прозападными» восточными кругами, по нашему мнению, представляется ограниченным. Проблематика исламского мира и восточных стран сводится в рамках ООН к военным аспектам терроризма и миграции в Европу и США молодых людей с Востока и из Восточной Европы. В результате суть более широких цивилизационных вопросов, характерных для Востока, остаётся за пределами повестки.

Несмотря на обнадеживающее звучание инициативы «Альянса цивилизаций», восточная цивилизационная идентичность остаётся до конца не сформулированной. Мы полагаем, что содержательно обозначить её могут только учёные и специалисты непосредственно из государств Востока и пограничных евразийских стран, действующие от имени своих обществ, а не представители западных организаций. Важную роль в интеллектуальной и финансовой поддержке такого начинания могли бы сыграть *азиатизированные* народы Восточной Европы — русские, башкиры, татары, коми-пермяки, удмурты, марийцы, чеченцы, казахи, белорусы, украинцы, турки и представители других народов региона. Важным направлением политики восточных государств становится не только поощрение молодых талантливых людей к получению образования на Западе, но и удержание их на Востоке.

На наш взгляд, актуальной становится подготовка научного доклада, написанного с азиатских позиций и составленного учёными и профессионалами, постоянно проживающими на азиатской и пограничной евразийской территориях. К числу таких пограничных между Европой и Азией государств, обладающих необходимым потенциалом, следует отнести прежде всего Россию, Казахстан и Турцию. Конечно, реализация подобного начинания невозможна без активной поддержки Китая, Индии, Ирана, Узбекистана, арабских стран и государств Юго-Восточной Азии. К участию в проекте могли бы привлечь управленческие и интеллектуальные элиты этих азиатских и пограничных евразийских государств.

⁴ 8th UNAOC Global Forum in UNHQ, New York. 2018. 19–20 November. См. также: (Попов 2007)

Для реализации указанной идеи представляется необходимым создание специальной восточной платформы ООН, предназначенной для глубокого изучения и решения цивилизационных вопросов, проблем терроризма, миграции, высшего образования и развития СМИ с учётом специфики азиатско-африканских обществ. Такая платформа могла бы стать мощным инструментом для стимулирования экономического и культурного развития Азии и Африки. Вопрос её размещения — в Нанкине, Мумбаи (Бомбее), Малакке или в ином месте — должны решить сами страны Азии.

В контексте российско-украинского конфликта, начавшегося в феврале 2022 г. в юго-восточных регионах Украины, ярко проявились существенные различия в восприятии конфликта на Западе и на Востоке. Агрессивный настрой западных стран контрастирует со сравнительно спокойной и лояльной позицией стран Востока. Это подчёркивает различия между западным и восточным пониманием причин и последствий текущих событий. Позиции России и Китая как постоянных членов Совета Безопасности ООН входят в противоречие с западными инициативами «по мирному урегулированию». Аналогичную позицию занимает и Индия, не входящая в Совет Безопасности ООН, однако активно влияющая на формирование восточного взгляда на происходящие события. Представляется, что именно восточный взгляд на конфликты мог бы помочь снизить напряжённость в Восточной Европе — регионе, исторически испытывающем значительное влияние со стороны азиатских и пограничных евразийских стран.

Национальная традиция:

«дозированная демократия» или «сильное партгосударство» на Востоке?

До 2014 г. в мире доминировало представление о неизбежности глобального сближения политико-экономических моделей различных стран по образцу западной демократии и рыночной экономики. Однако с 2014 г. российская внешняя политика всё больше стала демонстрировать противоположную тенденцию, ориентируясь на альтернативные, преимущественно незападные модели развития. В течение последующего десятилетия произошла существенная переориентация российской внешней и экономической политики с Запада на Восток. Россия заметно расширила связи с Китаем, Индией, Ираном, Турцией, арабскими государствами, Вьетнамом, Малайзией, Таиландом, а также активизировала сотрудничество со странами Африки и Латинской Америки. В результате перед российской внешней политикой возникла задача совмещения противостояния с американско-европейским «враждебным окружением» с поддержанием и укреплением отношений с государствами Азии и Африки.

Современные экономические тенденции привели не к «вестернизации», как ранее предполагали многие российские интеллектуалы, воспитанные в традициях американско-европейских стандартов периода 2000–2013 гг., а к нарастанию

глобального многообразия и сложности (Чешков 2005: 65–66; Чумаков 2010). Экономическое развитие мира разделилось на два принципиально различных направления. Западный мир характеризуется высоким уровнем индивидуальной свободы, единством и сплочённостью западных обществ, жёсткой конкуренцией, прагматизмом, скоростью принятия решений и своеобразной социальной безжалостностью, сочетающейся с высокой религиозной активностью. В противоположность этому, Восток демонстрирует особый национальный уклад, специфические подходы к хозяйственной деятельности и обеспечению экономического роста, суровость социальных отношений, а также более медленный и размеренный темп жизни, при этом не уступая Западу в уровне религиозного и идеологического фанатизма (см.: Богатуров 2022: 179–182).

События 2014 г. и разразившийся вслед за ними украинско-российский кризис существенно изменили представления о глобальном развитии. В рамках западного мира доминирующей моделью хозяйственного развития остаётся частно-индивидуалистический капитализм, что формирует представления Запада о неизбежности экономического присоединения к нему таких стран, как Украина, Беларусь, европейская часть России и государства Закавказья. На Западе сформировалась концепция интеграции бывших советских республик в «американо-европейский экономический корабль», которая активно навязывалась всему остальному миру, в том числе и пограничной Евразии и Азии как единственно возможный путь экономического прогресса для пост-социалистических стран.

Однако подобная западная концепция далека от реальных представлений большинства интеллектуалов Востока. Патриотически настроенные учёные и эксперты из стран Азии, Африки и Латинской Америки придерживаются принципиально иных взглядов на экономические приоритеты и перспективы развития. В российском интеллектуальном пространстве также сформировалось своеобразное сосуществование двух групп исследователей: тех, кто придерживается «проевропейских взглядов», отстаивая свободный рынок и экономические модели, близкие Высшей школе экономики, и тех, кто мыслит в логике более сильного государственного регулирования экономики, как это принято, например, в Московском государственном университете.

Представители незападных научных школ XXI в. формулируют свои собственные представления о будущем развитии мировой экономики. Страны Востока и Юга, такие как Китай, Южная Корея, Индия, Иран, Южная Африка, Республика Конго, Нигер, Танзания, Турция, Бразилия, Египет и нефтедобывающие государства арабского мира, выступают сторонниками модели с доминированием сильного государственного регулирования. Россия занимает двойственную позицию: с одной стороны, её сдерживают исторически сложившиеся представления о себе как о части Европы, с другой — географическое положение и богатство природными ресурсами азиатских регионов побуждают её к усилению экономического сотрудничества именно с Востоком.

Таким образом, российская наука о международных отношениях сегодня сталкивается с новой задачей: понять и описать незападные пути развития, объяснить, как страны Востока достигают экономических успехов благодаря учёту собственных культурных и социальных особенностей. В последние годы Россия начинает постепенно принимать эту сложную модель развития, сочетающую элементы капитализма с активной ролью государства в управлении экономикой.

При изучении этих альтернатив западной модели необходимо учитывать различия в климатических условиях, историческом опыте, экономических практиках и религиозных традициях, которые влияют на социальные роли и коммуникацию. Примером служит разное понимание таких базовых понятий, как «да» и «нет»: в азиатских и североафриканских обществах эти понятия имеют менее чёткое и более условное значение, что затрудняет взаимодействие и требует дополнительного разъяснения при переводе и межкультурной коммуникации.

В этом контексте особое значение приобретает выбор языка, на котором будут общаться представители стран Азии и пограничных евразийских государств. В русском языке значение многих понятий не вполне эквивалентно их значениям в английском, французском, испанском и немецком языках, что уж говорить о китайском, японском, вьетнамском и хинди. Перевод понятий и терминов на русский и восточные языки требует особых комментариев и пояснений (См.: Наумкин 2020: 78–93; Наумкин 2021: 42–59). Восточным странам необходимо прийти к единому пониманию того, на каком языке вести дискуссии — на русском, китайском, арабском или английском. Очевидно, что эти вопросы должны решаться преимущественно силами учёных и интеллектуалов Востока при активном, но взвешенном привлечении специалистов из западных стран, ориентированных прежде всего на интересы и ценности национально-культурной идентичности незападных обществ.

Сегодня очевидно, что идея регулярной смены власти, ставшая нормой на Западе, не является общепринятой для политической культуры стран Востока. Восточные общества отличаются особой культурной спецификой, среди которой важное место занимает осторожность перед нововведениями, соблюдение политических и религиозных традиций, склонность к ограниченным компромиссам и осторожное отношение к политическим инновациям. Разумеется, на Востоке также встречаются исключения и отклонения от этих правил, однако в целом они продолжают действовать благодаря глубоким культурно-историческим традициям, характерным для стран Азии, Африки и евразийского пограничья. То, что воспринимается как универсальная «норма» на Западе, совершенно иначе трактуется на Востоке.

В учебниках и исследованиях по теории международных отношений, создаваемых восточными учёными, было бы целесообразно специально подчеркнуть и объяснить это несоответствие, раскрыть разницу между западным восприятием демократии и восточным пониманием политической стабильности и сроки

пребывания у власти лидеров. Арабские страны, Иран, Китай, Россия, Турция, Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Туркменистан, Киргизия, Казахстан и Узбекистан также проводят выборы и используют электоральные процедуры, однако делают это с учётом своих региональных особенностей, культурной специфики и устоявшихся обычаев. В этих государствах демократия воспринимается и реализуется преимущественно через призму правящих элит, которые могут быть патриотическими, государственническими, патриархальными, прозападными или, напротив, основанными на других идеологических и культурных основаниях.

На Западе политические лидеры сменяются регулярно, примерно раз в пять лет. Между тем в странах Востока и Восточной Европы лидеры, как правило, удерживают власть значительно дольше – двадцать и даже двадцать пять лет. Возможно, настало время открыто признать эту существенную разницу как в культурно-цивилизационном, так и в политическом отношении применительно к Азии, евразийскому пограничью и Африке. Опыт таких стран, как Египет, Ливия, Сирия, Малайзия, Россия, Алжир, Тунис, Афганистан и Китай, заставляет задуматься о том, что подобная продолжительность власти может восприниматься не как отклонение, а как закономерность для многих незападных государств.

Сама идея длительного пребывания политических лидеров у власти, звучащая странно и даже вызывающе для европейского сознания, воспринимается вполне естественно для жителей стран Азии, Африки и пограничных евразийских регионов, включая Россию. Вероятно, именно это понимание необходимо включить в незападную школу теории международных отношений и глубоко изучить применительно к странам Восточной Европы, Азии и Африки. Период в полвека представляется достаточным сроком, чтобы восточные и евразийские интеллектуалы смогли осмыслить собственный исторический и политический опыт и внести его в мировую копилку знаний.

При этом стоит отметить, что представители восточных обществ представляют собой особый тип человеческого мышления, отличающийся от западного. По общему впечатлению, восточные народы – «восточные русские», арабы, татары, башкиры, белорусы, жители Восточной Украины, индийцы, народы Юго-Восточной Азии и китайцы – склонны мыслить и принимать решения медленнее и более обстоятельно, чем европейцы и американцы. После принятия решения восточные люди, как правило, приступают к его реализации вдумчиво и размеренно. Именно эти особенности восприятия и принятия решений, вероятно, лежат в основе специфических путей формирования и прихода к власти политических и экономических элит на Востоке.

Данное обстоятельство не является фантазией или предположением, а скорее представляет собой эмпирический факт, который должен быть интегрирован в учебники и исследования по теории международных отношений, создаваемые

на Востоке. Это позволит существенно снизить число необъяснимых и непонятных феноменов, присутствующих сегодня в восточной литературе по международной политике.

Восточная школа теории международных отношений сегодня испытывает новый вызов: не просто констатировать различия между Западом и Востоком, а подробно объяснять исторические и культурные причины этих различий. Например, медленное и постепенно формировавшееся высшее образование на Востоке привело к тому, что количество квалифицированных и способных политических и экономических лидеров оказалось ограниченным. Если такой лидер появляется, общество предпочитает сохранять его у власти максимально долго, так как альтернативы оказываются немногочисленными. Именно поэтому время пребывания у власти на Востоке часто оказывается значительно дольше, чем на Западе.

Таким образом, формируется важный запрос на создание полноценной незападной школы теории международных отношений (ТМО). Задача такой школы состоит в том, чтобы объяснить и донести до западных и восточных интеллектуалов фундаментальные различия в восприятии базовых политических норм⁵. Это не просто вопрос теоретического осмысления, а фундаментальная необходимость, обусловленная самой логикой развития современного мира, в котором теория международных отношений закономерно разделяется на западную и восточную традиции.

Высшее образование: между Западом и Востоком

Значительная часть молодых граждан восточных стран, получивших образование на Западе, выбирает остаться там и интегрироваться в западное общество, однако многие, считая себя патриотами, возвращаются в свои родные азиатские и африканские страны. Подобная тенденция повторяется из поколения в поколение, способствуя постепенному обновлению национальных элит и сохранению культурных и исторических традиций. Евразийские пограничные общества, а также жители Азии и Африки хорошо осознают, что только таким образом они способны сохранить свою культурную и цивилизационную идентичность. Для россиян это вовсе не означает отрицание или отвержение западных достижений и опыта, однако собственная евразийская, восточно-европейская и азиатская культура воспринимается ими как более близкая и ценная.

Активное вовлечение молодёжи стран Евразии, Азии и Африки в общественно-политическую жизнь их государств постепенно изменяет атмосферу и повестку, задаваемую новыми поколениями. Они непосредственно

⁵ Иницирующую роль сыграл сотрудник Института Африки РАН д-р полит. наук Д.А. Дегтерев. (См. Дегтерев 2017). Сюда можно отнести с поправками Китаиста д-ра полит. наук А.Д. Воскресенского.

включаются в процессы внутреннего развития своих обществ. При этом остаётся открытым вопрос: как быть тем молодым людям, которые стремятся получить элитное военное, интеллектуальное или экономическое образование на Западе? США, Великобритания, Франция, Италия и даже Япония продолжают оставаться привлекательными центрами образовательной миграции.

Какова ситуация в этом отношении на Востоке? Китай, накопивший значительный опыт в этом вопросе с начала 1980-х гг., уже давно сформулировал ясную позицию: молодёжь может свободно получать образование за рубежом, но при этом должна помнить, что в Китае существует собственная система образования – китайская по своей сути и содержанию. Такой подход активно используют и другие страны: Индия, государства арабского мира, Индонезия, Иран и Турция. Сегодня, например, если молодой специалист намерен построить успешную карьеру в Китае, он должен иметь, как правило, два диплома: один — китайского университета, второй — европейского или американского учебного заведения.

Российская система высшего образования также не остаётся в стороне от глобальной конкуренции за интеллектуальные ресурсы и таланты. Примером может служить Высшая школа экономики в Москве, которая занимает промежуточную позицию между российской образовательной традицией и зарубежными стандартами. Вначале студент получает российское образование, а затем – британское, американское, французское или японское. Впоследствии уже практика определяет дальнейшую судьбу выпускников: кто-то выбирает работать на Западе, а кто-то возвращается в Россию, осознавая, что на родине российский диплом обладает конкурентными преимуществами. Важно, что выбор карьерных приоритетов при этом можно соотносить с конкретными региональными экономическими и социальными условиями – будь то Сахалин, Иркутск, Владивосток, Омск или Новосибирск.

В более широком смысле, различия между западной и восточной моделями образования и мышления определяются различиями в восприятии времени и истории (Богатуров 2022: 170–183). Для западного мира характерно линейное и ускоренное восприятие времени, тогда как для Востока более типичным является циклическое, размеренное и неторопливое отношение к историческому процессу.

Именно поэтому незападная школа международных исследований стоит сегодня перед важной задачей: ускоренно изучать и осмыслять опыт стран Азии и Африки, детально анализировать достижения восточных обществ и преодолевать существующее отставание в области международно-политических исследований, проводимых на восточных языках и с учётом культурной специфики этих стран. В конечном итоге это позволит сформировать полноценную восточную традицию в теории международных отношений, способную адекватно описывать и объяснять мировые процессы с точки зрения незападного опыта и знания.

Некоторые российские приоритеты на Востоке

С 2014 г. внешнеполитические приоритеты России существенно изменились. Важнейшей задачей Москвы стало проведение политики, независимой от мнений и установок западных стран, а также продвижение собственных концептуальных подходов, сформулированных в новой Концепции внешней политики России от 2023 г. Контекстом этих изменений выступает проводимая с февраля 2022 г. Специальная военная операция на территории Украины⁶.

Особую роль в реализации внешнеполитических интересов играет информационная политика, прежде всего пропаганда. Под пропагандой здесь понимается распространение специально подготовленных информационных сообщений, мнений, оценок и трактовок событий, которые постепенно воспринимаются аудиторией как собственные убеждения и взгляды. Главной целью такой деятельности является воздействие на сознание и эмоции человека, с возможной последующей агитацией, побуждающей к определённым действиям.

Начиная с 2014 г. существенно усилилась пропагандистская активность стран НАТО, направленная на формирование выгодных для Запада оценок среди собственных граждан, а также украинской и российской аудиторий. В результате возникла ситуация своеобразной «идеологической войны», в которую вовлечены страны НАТО, Украина, Россия, Беларусь, Китай, Иран, Индия, Вьетнам, государства СНГ, Юго-Восточной Азии, арабского мира и Латинской Америки.

В ответ на это Россия активно развивает контрпропагандистские мероприятия, направленные на продвижение собственной версии происходящих событий. Такие меры затрагивают деятельность российских государственных органов, СМИ, интернета, телевидения и радиовещания. Основная задача контрпропаганды заключается в обеспечении широкой российской и международной аудитории доступом к официальным оценкам и трактовкам Москвы, а также в нейтрализации информационного воздействия со стороны Украины и НАТО. Важной международной площадкой, где Россия могла бы успешно донести свои позиции, могут стать саммиты «Большой двадцатки» (G20). Присутствие на нём стран Азии, Африки и Латинской Америки, наряду с традиционно участвующими государствами Европы и Северной Америки, создаёт благоприятные условия для продвижения российского взгляда на мировые проблемы.

В этом контексте особую значимость приобретает задача формирования общей азиатско-африканской экономико-политической системы, которая могла бы объединить страны Востока вокруг общих институтов, норм,

⁶ Анализ последствий для Украины представлен А.В. Картуновым в статье о политике НАТО после начала спецоперации России. См.: Картунов А.В. 2022. Москве надо готовиться к длительному противостоянию с Вашингтоном. *Независимая газета*. 29 мая.

ценностей и культурных представлений. Подобная система должна включать не только формальные политико-экономические структуры, но и учитывать специфические особенности сознания, религиозных традиций, мировоззренческих установок и исторических практик азиатско-африканских обществ, вплоть до сохранения элементов родовых и традиционных форм социальной организации⁷.

Как постоянный член Совета Безопасности ООН Россия могла бы сыграть ключевую роль в инициировании и поддержке такой организационной структуры. Сегодня отсутствие платформы для обсуждения общих проблем азиатских и африканских стран создаёт впечатление сознательного игнорирования этих регионов западными государствами и недостаточной активности самих восточных стран в рамках ООН.

На этом фоне особое значение приобретает применение специфических восточных методов политического и экономического взаимодействия. Такие методы доказали свою эффективность в государствах Азии и пограничных евразийских стран. Их главной особенностью является стремление к достижению консенсуса между разнородными социальными и экономическими группами: элитами («мировой верх»), средним классом (включая Китай, Индию, транзитные и нефтедобывающие государства, страны АСЕАН), наиболее бедными слоями общества («мировой низ»), а также теневыми структурами («континентальные подполья»: зоны влияния исламистских группировок, мафии, нарко-трафика и контрабанды).

В широком понимании азиатско-африканское общество представляет собой сообщество жителей стран Востока, объединённых общей идентичностью, признающих необходимость экономического и культурного взаимодействия с Западом, однако отказывающихся мириться с его доминирующим положением. Западные элиты по-прежнему стремятся регулировать международные отношения, исходя из базовых первичных инстинктов и интересов: стремления к силовому превосходству, военно-политическому доминированию, контролю над экономическими ресурсами и глобальному влиянию. Подобный подход вызывает растущее неудовлетворение со стороны таких ведущих незападных держав, как Китай, Индия, Бразилия и Южная Африка.

Организация Объединённых Наций в XXI в. существенно изменила свой образ и постепенно превращается в институт, воспринимаемый как антироссийский и находящийся под сильным влиянием США и западноевропейских стран. Североамериканские и европейские государства после 2014 г. подчинили свои международно-политические стратегии главной цели — обеспечить поражение России в её конфликте с Украиной и НАТО⁸.

⁷ В какой-то мере в «третьем мире» это указывает на наличие параллелей с Движением неприсоединения, возникшем в 1961 г. в Югославии и действующем сегодня.

⁸ См. (Будущее мировой политики... 2020: 10–35). Написано в духе подчёркивания «относительной близости» подходов американских, британских и российских исследователей.

В свою очередь, российская внешняя политика ставит перед собой обратные задачи: не допустить победы западного блока и Украины, а также завершить переориентацию своих экономических и политических связей с Запада на Восток. Этот подход предполагает рациональное переосмысление внешнеполитических приоритетов России, основанное на внимательном изучении и учёте возможных реакций и позиций восточных государств по вопросам дальнейших отношений между Россией и Украиной.

Информационная политика: российско-азиатский опыт

В третьем десятилетии XXI в. произошли существенные изменения в восприятии незападных стран как самостоятельных участников международной системы. Сегодня восточные государства способны самостоятельно формулировать и выдвигать собственные концептуальные тезисы в международных организациях, включая Организацию Объединённых Наций. Вместе с тем в современном мировом дискурсе по-прежнему преобладает высокомерное и пренебрежительное отношение Запада к восточным и евразийским странам, несмотря на впечатляющие достижения Китая, Индии, России, Турции, Южной Кореи, Малайзии и ряда арабских стран, прежде всего в экономической и военной сферах.

Для западного политического порядка, особенно начиная с 2014 г., характерны идеологизированность и повышенный уровень критики в отношении России и Китая, направленной на утверждение западных представлений о демократии и «территориальной целостности евразийского пространства». При этом либеральные ценности и методы управления конфликтами отошли на второй план. Эмоциональная и зачастую целенаправленно формируемая негативная реакция на действия Москвы, управляемая западными медиаструктурами, закрепила образ России как агрессивного и жёсткого государства, якобы не способного принять и разделить предлагаемый Западом образ жизни и культурные ориентиры.

Первые проявления подобной стратегии Запада стали заметны ещё летом 2008 г. во время российско-грузинского конфликта⁹. Уже тогда информационная политика США и Европейского союза была направлена против России, причём наблюдалась практически полная синхронизация действий американских и европейских медиакорпораций, создающая впечатление единого сценария информационной атаки. Однако в тот период российская сторона, казалось, не придавала должного значения происходящему.

⁹ Авто был тогда в поездке в Швеции и Норвегии и все это наблюдал по местному телевидению и радио. Описывая суть конфликта в Грузии, ни в одном из зарубежных комментариев не была даже упомянута проблема южных осетин, которая были сутью конфликта! Целенаправленная пропаганда!

События 2014 г. стали продолжением и логичным развитием западной информационной политики. С этого момента информационные атаки на Россию, Китай, Иран и Беларусь воспринимались в Москве уже совершенно иначе, что способствовало формированию и реализации российских контрмер. В информационном противостоянии Россия стала использовать незападные подходы и методы ведения коммуникационной политики, которые учитывали специфику незападного мышления и восприятия событий международной политики.

Информационные сообщения и материалы восточных информационных агентств и государственных источников Китая, Северной Кореи, Вьетнама, Ирана и стран СНГ стали распространяться в России с большей свободой, чем материалы западных агентств. Это не означает полного отказа от западных источников («Франс-пресс», «Ассошиэйтед пресс», «Рейтер»), которые по-прежнему доступны восточной аудитории, однако граждане России и Китая, как правило, воспринимают и интерпретируют эти материалы с большой осторожностью.

Важным элементом современной информационной политики становится стратегия сопровождения, которая представляет собой психологическое воздействие, систематически используемое Западом в отношении России и государств Востока. В ответ на это Москва ставила задачу добиться эффекта перенасыщения западной аудитории украинской тематикой, рассчитывая на то, что со временем у зрителей и читателей произойдет естественное ослабление интереса к данному вопросу. Предполагалось, что внимание западной публики постепенно вернется к традиционно доминирующим темам повседневности: экономике, интернет-технологиям, культуре, спорту и религиозной жизни. Одновременно целью информационной политики России являлся постоянный мониторинг восприятия западными и внутренними аудиториями фактов о реальной ситуации на линии соприкосновения. Для этого использовались материалы российских телеканалов, радиостанций, новостных агентств, а также личные свидетельства очевидцев — российских граждан, военнопленных украинских солдат и представителей иных национальностей, оказавшихся в зоне конфликта. При этом следует учитывать, что не все подобные свидетельства могли быть полностью проверены.

Ситуация в восприятии Россией международной информационной политики изменилась по нескольким направлениям. Во-первых, было окончательно осознано, что западные медиакомпании действуют скоординированно против России. Во-вторых, Москва активно использует весь доступный информационный ресурс против западной трактовки событий. В-третьих, переориентация внешней политики России на Восток предполагает, что восточные государства в полной мере осознают сложность международного положения, в котором оказалась Россия. Это проявляется в демонстрации лояльности со стороны стран СНГ, Китая, Индии, государств арабского мира, Ирана, стран Юго-Восточной

Азии и Северной Корее, которые воздерживаются от поддержки и распространения информационных установок, транслируемых западными государствами и СМИ.

Сегодняшняя цель России больше не заключается в расширении влияния на Европу, поскольку значительная часть европейского информационного и культурного пространства уже прочно интегрирована в американскую зону влияния. Важно определить восточную границу этого американо-европейского «конгломерата процветания».

Россия обратилась к Востоку в значительной степени под влиянием необходимости компенсировать ресурсы и возможности, потерянные в результате разрыва отношений с Западом. Москва интеллектуально и информационно противостоит США, Канаде и странам Западной и Центральной Европы, опираясь на сотрудничество с Востоком и на богатую историческую, культурную и цивилизационную традицию азиатских государств (Китая, Индии, арабских стран, Ирана, Таиланда, Малайзии и Индонезии).

В странах Востока активно обсуждается степень надёжности Москвы как международного партнёра, а также культурная специфика российского опыта взаимодействия православных, исламских, иудейских, буддистских и атеистических сообществ. Перед государствами Азии и Африки сегодня стоит важная задача: через изучение и осмысление исторического и политического опыта Евразии выработать собственный азиатско-африканский подход к восприятию и адаптации цивилизационных стандартов, предложенных Западом. Россия, со своей стороны, стремится внести вклад в формирование взаимопонимания между Западом и Востоком по этим вопросам.

Заключение

Россия сегодня последовательно анализирует и активно осваивает те новые перспективы и возможности, которые открываются перед ней благодаря усилению взаимодействия со странами Востока и евразийского пограничья. Этот процесс сопровождается существенным изменением её отношений с государствами Запада. Отношения России с западными странами прошли через глубокую трансформацию и приобрели преимущественно военно-политический характер, что подтверждается рядом официальных заявлений российских представителей и принятием новой Концепции внешней политики 2023 г. По всей видимости, в ближайшей перспективе именно этот формат будет преобладающим.

Происходящие перемены в международной системе требуют не только практической переориентации политики России, но и принципиального переосмысления того, как государства Востока и евразийского пограничья видят и оценивают глобальные проблемы и собственную роль в их решении. Это невозможно без серьёзной эволюции теоретических подходов и концепций, отражающих незападный опыт и культурно-исторические особенности восточных обществ.

Сегодня особенно важно сформировать и развить самобытную восточную традицию теоретического осмысления международных отношений, которая способна не просто предложить альтернативу западным моделям, но и выступить основой для конструктивного межкультурного диалога.

Для России, позиционирующей себя как евразийская держава, участие в создании и продвижении такой незападной теоретической модели является одной из наиболее приоритетных задач. Вклад России в развитие взаимопонимания между Западом и Востоком и в построение общей платформы для решения глобальных проблем может стать значимым фактором стабилизации международной системы в XXI в. В конечном итоге, успешность данного подхода будет зависеть от способности восточных и евразийских государств консолидировать усилия и выступить с едиными позициями по ключевым вопросам современности.

Об авторе:

Алексей Демосфенович Богатуров – доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Редакционной коллегии журнала «Международные процессы». Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: alebog@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.8:321.01:316.42
Received: February 10, 2025
Accepted: June 15, 2025

The East in Russian Foreign Policy Thought: Rethinking the International Order

 A.D. Bogaturov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-46-65](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-46-65)

International Trends Journal

Abstract: The conflict in Ukraine has revealed stark divergences in how Western and non-Western states interpret global crises. With few exceptions, countries of Asia, Africa, and Latin America have refrained from supporting Western sanctions against Russia, choosing instead positions of neutrality or cautious engagement. These responses reflect not only pragmatic interests but also the persistence of alternative civilizational perspectives that challenge the presumed universality of Western categories in international relations. This article argues that the new geopolitical reality compels Russia to balance confrontation with a hostile European environment against the consolidation of cooperative ties with Asian and African partners.

From Moscow's perspective, the international system now appears bifurcated into two blocs: a Western one marked by institutional discipline and pragmatic cohesion, and an Eastern one shaped by national traditions, distinct models of economic growth, and resilient cultural frameworks. The analysis highlights three interrelated themes. First, it emphasizes the growing importance of conceptualizing a non-Western perspective within Russian scholarship, one that critically reassesses the translation of Western terms and recognizes the cultural specificities of Eastern societies. Second, it points to the need for an institutional platform under United Nations auspices to articulate an independent Eastern civilizational narrative and strengthen non-Western cooperation. Third, it identifies cognitive and decision-making styles in Eastern societies as a distinctive factor shaping political practice and international interaction. The article concludes that developing a coherent inter-civilizational code, grounded in Eurasian, Asian, and African experiences, is essential for constructing alternative theoretical frameworks of international relations and for redefining the global order beyond Western paradigms.

Keywords: Russia, foreign policy, Russia-Ukraine conflict, sanctions, East, Latin America, non-Western approaches, Asian UN platform, Eurasian identity, inter-civilizational dialogue, international relations theory, information policy

About the author:

Alexei D. Bogaturov – Doctor of Political Science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Editorial Board of the journal *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*. Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76.
E-mail: alebog@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- ASEAN *v nachale XXI veka: Aktual'nye problemy i perspektivy* [ASEAN at the Beginning of the 21st Century: Current Issues and Prospects]. 2010. Otv. red.: E.V. Kobelev, G.M. Lokshin, N.P. Maletin. Moscow: Forum. (In Russian).
- Bogaturov A.D. 2022. *Prikladnoj analiz mezhdunarodnoj politiki. Situacii i konflikty. 1992–2021 gg.* [Applied Analysis of International Politics. Situations and Conflicts. 1992–2021]. Moscow: Aspekt press. (In Russian).
- Borovskij Yu.V. 2024. Vzglyad nastupatel'nogo realizma i liberalizma na vneshnyuyu politiku SSHa [The View of Offensive Realism and Liberalism on U.S. Foreign Policy]. *Polis. Political Studies*. №1. P. 21–35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03
- Budushchee mirovoj politiki: tekhnologii, konflikty, instituty* [The Future of Global Politics: Technology, Conflicts, and Institutions]. 2020. Red. sostav. Sushencov A.A., Fomin I.A., Uolfort U.K. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
- Degterev D.A. 2017. *Teoretiko-igrovoj analiz mezhdunarodnyh otnoshenij* [Game-Theoretic Analysis of International Relations.]. Moscow: Aspekt press. (In Russian).
- Naumkin V.V. 2020. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-civilizaciya? [Non-West Model: Does the Civilization-State Exist?] *Polis. Political Studies*. №4. P. 78–93. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06
- Naumkin V.V. 2021. Sovremennyy konvergentnyj arabskij nacionalizm v zerkale istoricheskoy pamyati [Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory]. *Polis. Political Studies*. №6. P. 42–59. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2021.06.04

Popov V. 2007. Al'yans civilizacij [Alliance of Civilizations]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. №8. (In Russian).

Cheshkov M.A. 2005. *Globalizaciya kak nauchnoe znanie* [Globalization as Scientific Knowledge]. Moscow: NOFMO. P. 65–66. (In Russian).

Chumakov A.N. 2010. *Globalizaciya. Kontury celostnogo mira* [Globalization. The Contours of a Holistic World]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы. 2010. Отв. ред.: Е.В. Кобелев, Г.М. Локшин, Н.П. Малетин. Москва: Форум.

Богатуров А.Д. 2022. *Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты. 1992–2021 гг.* Москва: Аспект пресс.

Боровский Ю.В. 2024. Взгляд наступательного реализма и либерализма на внешнюю политику США. *Полис*. №1. С. 21–35. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03

Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты. 2020. Ред. состав. Сушенцов А.А., Фомин И.А., Уолфорт У.К. Москва: Весь мир.

Дегтерев Д.А. 2017. *Теоретико-игровой анализ международных отношений*. Москва: Аспект пресс.

Наумкин В.В. 2020. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис*. №4. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06

Наумкин В.В. 2021. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. *Полис*. №6. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.04

Попов В. 2007. Альянс цивилизаций. *Международная жизнь*. №8.

Чешков М.А. 2005. *Глобализация как научное знание*. Москва: НОФМО. С. 65–66.

Чумаков А.Н. 2010. *Глобализация. Контуры целостного мира*. Москва: Проспект.

БРИКС в трансформирующейся политической организации мира

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Внимание научного сообщества к проблематике БРИКС обусловлено кардинальными переменами, происходящими в мире, поиском новых путей построения политического взаимодействия. В этом отношении БРИКС представляет собой относительно новую структуру, которая в значительной степени ориентирована на развитие Глобального Юга.

Гипотеза исследования заключается в том, что формирующаяся по сетевому принципу новая политическая организация мира будет иметь более сложную структуру, чем конфигурация мирового порядка, которую образуют ведущие государства в виде одного или нескольких полюсов, как это обычно представляется. БРИКС развивает свою сетевую структуру. В результате происходящих изменений наблюдается структурное соответствие организационного принципа БРИКС и структурой политической организации мира. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: существует ли соответствие между этими двумя организационными структурами и, если да, то что необходимо сделать БРИКС для усиления своих позиций в складывающейся новой политической организации мира.

Изначально БРИКС ставил перед собой экономические задачи. В итоге БРИКС стал занимать уверенные позиции в глобальном управлении в сфере экономики. Затем рамки деятельности объединения расширились. В сферу интересов БРИКС, хотя и не в качестве центральных, стали входить социальные вопросы, такие как образование, здравоохранение, что побудило БРИКС активно включиться в решение политических вопросов.

Оказывается, что политическая организация мира и БРИКС всё в большей степени трансформируются в сетевые структуры. Это соответствие структурных организаций теоретически позволяет БРИКС сначала вписаться в политическую организацию мира, а затем и дальше трансформировать её. Для этого БРИКС имеет необходимые ресурсы, а также опыт сетевого и цифрового взаимодействия. В то же время успешная реализация устремлений БРИКС выстраивать контуры новой политической организации мира возможна лишь при использовании «силы идей», т. е. предложений по тому, какой должна быть эта новая политическая организация мира.

В целом же БРИКС может и в дальнейшем участвовать в глобальном управлении, быть одним из звеньев сетевой политической организации мира, причём довольно крупным звеном, а может стать архитектором новой политической организации мира, предложив её контуры и принципы функционирования.

УДК: 327.39:321.01:338.22

Поступила в редакцию: 15.04.2025

Принята к публикации: 12.07.2025

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, мировой порядок, политическая организация мира, Глобальный Юг, «сила идей», сетевая организация, ресурсы БРИКС

Исследования, связанные с БРИКС, стали сегодня одними из наиболее интенсивно разрабатываемых как в российских, так и в зарубежных изданиях. Представляется, что такой интерес к БРИКС обусловлен прежде всего тем, что можно назвать турбулентностью современного мира, о которой писал ещё в конце прошлого столетия Дж. Розенау (Rosenau 1990), а также трансформацией политической организацией мира (Лебедева 2016), поиском новых путей её организации. В этих условиях БРИКС как одна из относительно недавно возникших структур привлекает внимание. При этом БРИКС анализируется не только по экономическим параметрам деятельности, но также с точки зрения участия данного объединения в глобальном управлении и её роли в мировом порядке.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае БРИКС рассматривается прежде всего в качестве единой организационной структуры, а не в смысле совокупности отдельных государств, как в ряде работ (см., напр., Коваль, Мартин 2017), поскольку подъём стран БРИКС не означает ещё подъём БРИКС как группы (Li 2019). Хотя вклад каждой страны в понимание роли БРИКС в современном мире, безусловно, важен для анализа. Кроме того, речь идёт преимущественно об основной группе пяти стран БРИКС, т. е. до масштабного увеличения численности объединения, поскольку пока сложно сказать, как будет развиваться БРИКС в расширенном составе.

БРИКС в качестве международного объединения, занимающая значимое место в мировой экономике, влияет тем самым на глобальное управление. Меньшее число работ посвящено анализу роли БРИКС в мировом порядке, причём это в основном зарубежные исследования. Мнения авторов и по вопросам БРИКС в глобальном управлении, и по вопросам о его роли в мировом порядке нередко оказываются прямо противоположными (Колдунова 2014). Основания для такого разброса точек зрения, как видится, заключаются в том, что, во-первых, авторами чётко не определяется, что имеется в виду под глобальным управлением и мировым порядком. Глобальное управление при анализе в нём роли БРИКС в большинстве случаев, во-первых, понимается, скорее, как управление, осуществляемое государствами или международными организациями и (или) межгосударственными объединениями. Во-вторых, имплицитно предполагается, что глобальное управление осуществляется Западом. При этом точки зрения на то, может или не может БРИКС противостоять Западу нередко оказываются полярными (см., напр., Стункель 2015; Brutsch, Para 2013; Simons 2024). Вместе с тем существует более широкое определение глобального управления, которое не рассматривает его в терминах противопоставления

«Запад – Незапад», а включает в себя «взаимодействие государств, бизнеса, гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов...»¹. Данное определение предполагает сложные взаимоотношения акторов в мире.

Мировой порядок в исследованиях по БРИКС, как правило, также понимается как западный (либеральный) порядок, включающий западные институты, такие как МВФ, и Всемирный банк. При этом мировой порядок обычно рассматривается как некая структура (структуры), образованная ведущими государствами мира. Важным моментом оказывается то, что большинство авторов под глобальным управлением имеют в виду современное его состояние. Что касается мирового порядка, то он, скорее, видится как будущее или как желаемое будущее. Наконец, мировой порядок выступает, прежде всего, как некая структура (однополярная, многополярная и т. п.), в то время как глобальное управление предполагает деятельность акторов в той или иной структуре. В большинстве исследований сама структура и деятельность в ней представляется как единое целое.

Сами страны БРИКС также по-разному относятся к развитию своего объединения. Одни полагают, «что необходимо принимать участие в глобальном управлении при действующем мировом порядке, то есть интегрироваться в западный миропорядок; другие считают, что нужно не только реформировать существующий международный режим, но и создавать новый мировой порядок» (Цинсун 2015: 281).

В данном исследовании мировой порядок определяется как часть современной политической организации мира, которая наряду с межгосударственными отношениями включает Вестфальские принципы и политические системы государств мира (Лебедева 2016). При этом исходная позиция заключается в том, что важно различать структуру (политическую организацию мира) и деятельность/взаимодействие в этой структуре, т. е. глобальное управление.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что формирующаяся по сетевому принципу новая политическая организация мира будет иметь иную, более сложную структуру, чем конфигурация мирового порядка, которую образуют ведущие государства мира в виде одного или нескольких полюсов, как это обычно представляется. БРИКС развивает свою сетевую структуру. В результате наблюдается структурное соответствие между организационной структурой БРИКС и структурой политической организации мира. В связи с этим исследовательский вопрос формулируется следующим образом: существует ли соответствие между этими двумя организационными структурами и, если да, то что необходимо сделать БРИКС для усиления своих позиций в складывающейся новой политической организации мира?

¹ Харкевич М.В. 2023. Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами. *Сайт РСМД*. 5 декабря. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/?sphrase_id=175180472 (дата обращения: 10.08.2025)

В теоретическом плане основой данного исследования, выступает институционализм, предполагающий регулирование взаимодействия между акторами БРИКС (как государственными, так и негосударственными) путём формирования структур, а также основных принципов и правил. Тем самым институционализм используется как объяснительный принцип. В то же время ставится вопрос о возможности усиления влияния БРИКС в мире. Для этого выдвигается предложение о необходимости обратиться к «силе идей», что отвечает конструктивизму.

Основные подходы к изучению БРИКС в глобальном управлении и мировом порядке

Формирование БРИКС не было одномоментным. С начала своего образования БРИКС претерпела ряд изменений и прошла несколько этапов своего становления. Группа развивалась и уточняла свою роль в глобальном управлении и, начиная «с 2009 г. страны БРИКС постарались переосмыслить своё положение на мировой арене» (Rached, Rodrigues de Sá 2024: 26). Очевидно, что на разных этапах своего развития данная группа ставила свои задачи и по-разному вписывалась в глобальное управление.

Д.Д. Киртон и М.В. Ларионова выделяют три этапа в развитии БРИКС. Пер-вый этап, продолжавшийся с 2008 по 2013 гг., характеризуется определением приоритетов, а также созданием институтов, формулированием повестки дня, расширением за счёт ЮАР, формированием идентичности. На втором этапе (2014–2018 гг.) стороны сохраняют единство, несмотря на наличие напряжён-ности. На этом этапе создаётся банк БРИКС (Новый банк развития), в повестку дня включаются вопросы, связанные с реформой ООН и глобальным управ-лением, развивается второй трек дипломатии в области гуманитарной дипло-матии, устанавливаются связи с рядом африканских государств. Третий этап, начавшийся в 2019 г. и продолжившийся в период COVID-19, побудил груп-пу заняться проблемами здравоохранения, социальными вопросами, а в годы после пандемии – цифровой экономикой и инновационными технологиями (Киртон, Ларионова 2022).

Несколько иные этапы в развитии БРИКС выделяет О. Стункель, ориенти-руясь на саммиты БРИКС (Stuenkel 2021). Однако независимо от того, какой кри-терий берётся при выделении этапов, очевидно, что БРИКС постепенно расши-ряет задачи по глобальному управлению. И если изначально задачи ставились более узкие – преодоление экономического кризиса, охватившего мир в 2008 г., то затем задачи формулируются не как реакция на то или иное событие, а как проактивные действия, направленные на создание желаемого будущего.

На втором этапе, согласно классификации этапов, предложенной Д.Д. Киртон и М.В. Ларионовой, БРИКС не столько претендовала на принци-пиальные изменения глобального управления, сколько пыталась воздействовать

на имеющиеся уже структуры. О. Стункель пишет: «Однако анализ действий стран БРИКС явно свидетельствует о том, что они гораздо больше стремятся к сохранению статус-кво, чем можно было бы подумать по их заявлениям. К примеру, призывы реформировать избирательную систему в МВФ вовсе не нацелены на подрыв Бреттон-Вудской системы. Напротив, БРИКС сыграл ключевую роль в обеспечении её жизнеспособности» (Стункель 2015). Близкой точки зрения придерживается китайский исследователь В. Цинсун, подчёркивая, что БРИКС не наносит ущерба Бреттон-Вудской системе. Причём даже если группа бросит вызов этой системе, результат будет минимальный (Цинсун 2015). При этом ряд авторов указывают на то, что в глобальном управлении происходит сдвиг от центра управления, находящегося на Глобальном Севере, к центру Глобального Юга (Simons 2024).

И тем не менее оценки роли БРИКС в глобальном управлении неоднозначны. Прежде всего, следует иметь в виду, что по мере развития страны БРИКС начинают воспринимать его как нечто большее, чем только экономическое объединение. Так, Е.В. Колдунова отмечает, что Россия видит БРИКС как новый центр политического влияния, Китай – как способ формирования единой позиции в международных организациях, а «Бразилия ожидает, что БРИКС может стать площадкой для обсуждения торговых и экономических вопросов в целом, актуальных проблем развития стран объединения, связанных с территориальным фактором (региональные экономические диспропорции, отношения центр – периферия и т. д.)» (Колдунова 2014: 62). При этом китайские планы по формированию единой позиции странами БРИКС, похоже, реализуются. Так, в исследовании, проведенном М. Папа, Ж. Ханом и Ф. О’Доннеллом, показано, что в период с 2009 по 2021 г. наблюдается сближение стран БРИКС по 47 ключевым политическим вопросам. Причём особенно явно в тех случаях, когда их позиции противостоят позиции США. В качестве механизмов конвергенции политик стран БРИКС авторы выделяют три механизма, которые дополняют друг друга: 1) гармонизация политики на уровне всей группы (совместные заявления лидеров; отчёты экспертов, рекомендации, аналитические документы; совместные планы действий и рабочие группы; юридически обязывающие соглашения и создание формальных институтов); 2) транснациональная коммуникация (между лидерами государств, министрами и чиновниками, а также представителями негосударственных структур); 3) создание групп внутри БРИКС (например, Россия – Индия – Китай по вопросам безопасности, или Бразилия – ЮАР – Индия – Китай по вопросам изменения климата) (Папа, Хан, O'Donnell 2023).

Данные, полученные М. Папа, Ж. Ханом и Ф. О’Доннеллом, хорошо согласуются с результатами работы О. Харитоновой и Ю. Архангельской, которые, проанализировав голосование в ГА ООН, обнаружили, что с созданием БРИКС произошло сближение позиций стран этого объединения при голосовании (Kharitonova, Arkhangelskaya 2025).

Роль БРИКС в глобальном управлении не могла не вызвать дискуссии относительно её осуществления, а также возможностей по сравнению с другими институтами глобального управления, прежде всего «Группой двадцати» и «Группой семи» и рядом других структур. Например, М. Ревизорский видит новую триаду глобального управления в виде «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС (Ревизорский 2015).

По сравнению с «Группой семи» БРИКС позиционируется как незападное объединение. В этом отношении БРИКС вызывает доверие многочисленных стран Глобального Юга. Кроме того, деятельность БРИКС, в том числе создание и функционирование Нового банка развития, который существует за пределами Бреттон-Вудской системы (Petrone 2020), экономическое взаимодействие со странами Юга и т. п., ориентирована именно на развитие этого глобального региона. «БРИКС последовательно выступает в качестве катализатора, стимулирующего, одобряющего, побуждающего и поддерживающего изменения ООН, МВФ и Всемирного банка, а также ВТО и создающего собственную институциональную систему» (Ларионова 2018: 8). В то же время БРИКС не ограничивает свою деятельность финансовыми, торговыми аспектами, а также вопросами развития, как это было изначально (Simons 2024).

М.В. Ларионова и А.В. Шелепов показывают, что, несмотря на имеющиеся противоречия внутри БРИКС и «Группы семи», обе структуры влияют на «Группу двадцати» в международной финансовой сфере, путём формирования своих коалиций в «Группе двадцати». Кроме этого, в БРИКС создали «новые институты и правила, как собственные (Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, Механизм межбанковского сотрудничества БРИКС, Соглашение о предоставлении кредитных линий в национальных валютах и др.), так и совместно с другими партнёрами (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, где Китаю, Индии и России принадлежат крупнейшие пакеты акций)» (Ларионова, Шелепов 2019: 63). При этом БРИКС не противопоставляет себя «Группе 20». Напротив, БРИКС подчёркивал центральную роль G20 в борьбе с экономическим кризисом посредством беспрецедентного уровня координации усилий². В целом БРИКС попытался увеличить свою долю голосов в процессах принятия решений в Бреттон-Вудских институтах и, таким образом, ограничить доминирование США в глобальной экономической и финансовой архитектуре (Nuruzzaman 2020). Это ему в принципе удалось.

Кроме того, важно отметить наличие не только созданных институтов БРИКС, но и процесс инвестирования данного объединения в проекты развивающихся стран (Yanano Mangani 2024), что позволяет развивать Глобальный Юг и тем самым определять направления глобального управления. В дополнение

² II BRIC Summit – Joint Statement, April 16, 2010. URL: http://www.brics-ysf.org/sites/default/files/1st_Summit.pdf

к этому, БРИКС, будучи транснациональным объединением (Конкин 2016; Кузнецов 2016), особенно в его современном расширенном составе открывает возможность глобального сотрудничества стран не-Запада.

Мировой порядок и политическая организация мира: узловые параметры

Участие той или иной международной организации, межгосударственного объединения в глобальном управлении или, по крайней мере, влияние на глобальное управление – вопрос достаточно очевидный. Сложнее дело обстоит по поводу мирового порядка. Во-первых, если глобальное управление ориентировано на современное состояние мира, то мировой порядок, скорее, – на то, что должно сложиться в будущем. Во-вторых, мировой порядок по-разному понимается различными авторами, анализирующими БРИКС.

Мировой порядок как некий социальный конструкт ассоциируется в основном с Западным мироустройством. М. Ревизорский выделяет два уровня, с вызовами на которых сталкивается сегодня мировой порядок: глобальный и национальный. На глобальном уровне мировому порядку бросают вызов многочисленные страны Глобального Юга, в частности БРИКС, которые, оказавшись на периферии процессов принятия решений на глобальном уровне в силу колониальной зависимости в прошлом, степени экономического развития и т. п., стремятся воздействовать на современную мировую политику. БРИКС, а также другие растущие державы пытаются изменить мировой порядок путём создания новых институтов, формирования многосторонности на международных форумах. Мировой порядок на национальном уровне подрывается развитием популизма, который характеризуется критикой международного сотрудничества, противодействием регулированию в рамках международных институтов, негативным отношением к мигрантам и т. п. (Ревизорский 2019).

Российские авторы чаще всё же ограничиваются обсуждением БРИКС в глобальном управлении и обходят стороной вопросы о его роли в мировом порядке, хотя работ по определению и выявлению контуров нового мирового порядка в целом в России много. Возможно, это обусловлено тем, что российские исследователи, занимающиеся вопросами БРИКС, более ориентированы на прикладные работы. За рубежом, напротив, немало рассуждений о роли БРИКС в мировом порядке. Обычно логика в них выстраивается следующим образом: БРИКС бросил вызов западной системе не только в плане глобального управления, но и в плане будущего мирового порядка.

Литература по проблематике мирового порядка весьма обширна и в мире, и в России. Само понимание того, что собой представляет мировой порядок, крайне разнообразно (см., Фененко 2023). Тем не менее большинство исследователей определяют мировой порядок как структуру ведущих государств мира. После окончания Второй мировой войны сложившийся мировой порядок был

биполярным. Его распад так и не привёл к единому пониманию того, какой именно мировой порядок пришёл или должен прийти ему на смену. Ряд исследователей БРИКС указывают на то, что данное объединение представляет альтернативу западно-центристскому, либеральному мировому порядку (Rodriguez-Triossi 2024). В то же время существуют и иные точки зрения. Так, Л. Ли полагает, что БРИКС демонстрирует смещение экономического центра мира с севера на юг. В этом плане БРИКС будет играть всё более значимую роль в изменении экономического мирового порядка. Однако это не означает ни свержение западного мирового порядка, ни формирование антизападного блока (Li 2019).

Л. Ли обращает внимание на разницу в понимании мирового порядка странами Запада и БРИКС, выделяя три составляющих в подходах. Во-первых, согласно Л. Ли, Запад понимает мировой порядок как либеральный во главе с Соединёнными Штатами. БРИКС в качестве объединения и отдельных стран ориентируются на многополярность и подчёркивают равенство между государствами. Во-вторых, страны Запада воспринимают систему альянсов США как неотъемлемую часть мирового порядка. БРИКС подчёркивает центральную роль ООН. Наконец, в-третьих, Запад исходит из универсальности западной либеральной модели, в то время как БРИКС видит культурное разнообразие мира (Li 2019: 504).

В значительной степени такое различие в восприятии действительно присутствует в мире. Однако, не следует полностью отождествлять мировой порядок с западной моделью. Либеральный мировой порядок предполагает в том числе, рациональность (как некую обобщённую сумму различных интересов), нормативность (единые для всех участников стандарты и нормы), открытость (а не изоляционизм) (Кортунов 2016). В итоге с этим соглашается и Л. Ли, отмечая, что, «несмотря на вышеуказанные различия, страны БРИКС сходятся с западным пониманием либерализма, основанным на правилах, многосторонности и открытости в управлении миром. В странах БРИКС и других развивающихся государствах в настоящее время играют важную роль в поддержании существующих многосторонних механизмов ООН, МВФ, Всемирный банк, ВТО и Парижское соглашение об изменении климата» (Li 2019: 504).

Впрочем, если иметь в виду, что в основе современной мировой политики лежат Вестфальские принципы с ведущим принципом национального суверенитета, сформулированные в Европе в середине XVII в., то мировой порядок, как бы мы его ни определяли: многополярный, новая биполярность (США – КНР), однополярный во главе с США, является в настоящее время действительно западным. Парадоксально, но цель БРИКС, как её определяет З. Лэйди, – «подорвать гегемонистские притязания Запада, защищая принцип, которому эти притязания, как считается, больше всего угрожают, а именно политический суверенитет государств (Laidi 2012: 614).

Основная проблема, как представляется, заключается в том, что в настоящее время не только межгосударственные отношения, образующие мировой порядок, определяют политическую организацию мира. Они составляют лишь её часть. Кроме этого, политическую организацию мира образуют как минимум ещё две составляющие: Вестфальские принципы и политические системы различных государств мира. Все три пласта политической организации мира с конца XX в. подвергаются трансформации (Лебедева 2016). В конце XX в. многие писали об эрозии Вестфальских принципов, в начале XXI в. – о мировом порядке и смене политических систем государств в различных регионах мира (наиболее очевидным примером здесь являются страны Латинской Америки, продемонстрировавшие сначала левый поворот, а потом – правый). То, что процессы трансформации происходят одновременно на всех уровнях политической организации мира, выпало из фокуса внимания исследователей. А вместе с тем невозможно определить роль и возможности БРИКС без понимания процессов трансформации политической организации мира в целом.

Перестройка политической организации мира, по всей видимости, идёт по направлению мультилетарализма – взаимодействия государств, негосударственных акторов, международных организаций, структур бизнеса, форумов и т. п. (Хаас 2008; Лебедева 2024). В результате политическая организация мира трансформируется из иерархической, в основе которой лежат Вестфальские принципы, в сетевую (Рис. 1). Тренд развития сетевых отношений в мировой политике в последние десятилетия хорошо описан за рубежом (см., напр., Slaughter 1997), а в последние годы и в отечественной литературе, в том числе, с применением математических методов анализа (Дегтерёв 2015).

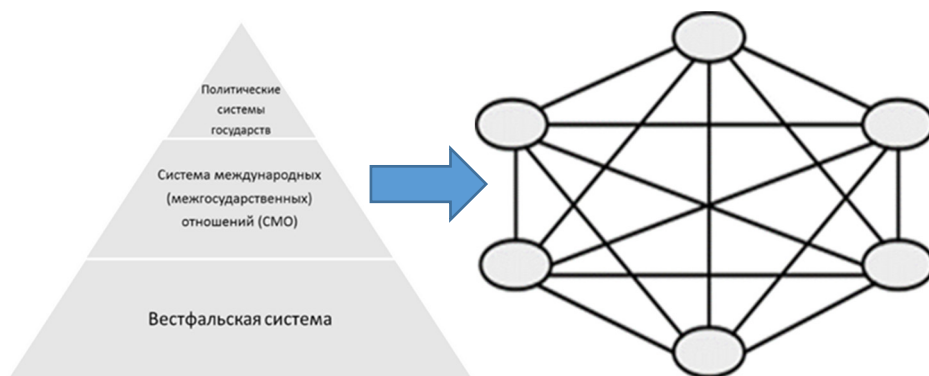

Рис. 1. Трансформация политической организации мира

Fig. 1. Transformation of the World's Political Organization

Перспективы и возможности БРИКС в глобальном управлении и формировании новой политической организации мира.

Как правило, когда речь идёт о том, что позволяет странам БРИКС активно участвовать в глобальном управлении и выстраивании мирового порядка, ссылаются на то, что в объединении проживает более половины населения земного шара, оно обладает обширными территориями, КНР является одной из крупнейших экономик мира, КНР и России обладают ядерным оружием (Rodriguez-Triocci 2024) и т. п. Кроме того, отмечается, что БРИКС начинала свою деятельность после финансового кризиса 2008 г. с утверждения о необходимости реформирования западных финансовых институтов, которые способствовали развитию кризиса. Так, З. Лэйди увидел истоки формирования БРИКС в финансовом кризисе 2008 г., с одной стороны, в процессе глобализации – с другой (Laidi 2012). Глобализация с её информационными и коммуникационными технологиями способствовала развитию трансрегионализма. В свою очередь, глобальный экономический кризис 2008 г. не только дал импульс к реформированию международных финансовых институтов, но и во многом содействовал возвращению национального государства в мировую политику. Экономическая составляющая была и в том, и в другом случае очевидна. Поэтому изначально речь шла о БРИКС в глобальном управлении именно в экономической сфере и в экономическом мировом порядке. Необходимо отметить, что при этом сам Запад стал сдавать глобальные экономические позиции в XXI в. Как пишет Е. Родригерс-Триоцци, главный вызов либеральному мировому порядку исходит скорее изнутри, чем извне. После финансового кризиса 2008 г. экономические и социальные проблемы во многих развитых странах усилились (Rodriguez-Triocci 2024). Это хорошо согласуется с идеями М. Ревизорского, который говорит о стремлениях на двух уровнях изменить мировой порядок: межгосударственном, где инициаторами выступают растущие державы, и национальном, «где механизмы сотрудничества были подорваны силами популизма» (Ревизорский 2019: 39).

Иными словами, БРИКС в политической организации мира оказывает влияние на межгосударственный уровень, обычно понимаемый как мировой порядок, а также на уровень национальных государств. В большинстве исследований по БРИКС при этом речь идёт об экономическом воздействии.

В то же время в последние годы всё чаще обращается внимание на то, что деятельность БРИКС выходит за пределы экономических рамок и включает в себя кроме экономических и финансовых аспектов, политические вопросы и вопросы безопасности, а также культурные и человеческие обмены (Simons 2024). Проблематика, затрагиваемая БРИКС, охватывает, в том числе, вопросы высшего образования (создан Сетевой университет БРИКС), школьного образования (Садыков, Учаев 2024), влияния стран БРИКС на глобальное здравоохранение

(Jakovljevic, Ekkert, Mikerova, Reshetnikov 2019), а также устойчивого развития (Морозкина, Скрыбина 2021; Ступенькова, Кашуро 2023). В результате наличие экономических параметров, людских ресурсов побуждают БРИКС к тому, чтобы получить политический доступ к глобальным процессам установления правил (Jash 2017). Среди ресурсов ряд авторов называют, кроме того, «мягкую силу» и взаимодействие со странами Глобального Юга. Хотя отмечается, что «мягкая сила» БРИКС уступает «мягкой силе» западных стран (Petrone 2020).

Одновременно БРИКС активно формирует сетевые взаимоотношения (Ревизорский 2015; Кузнецов 2020), что отвечает современной тенденции развития политической организации мира. Д.А. Кузнецов пишет, что «БРИКС отличается высокой концентрацией ресурсов в сети, действующей на основе группового интереса, основанного на культуре консенсуса, обеспечивающей устойчивость и стабильность действия сети даже в условиях внутриполитических изменений и двусторонних противоречий» (Кузнецов 2020: 129).

Цифровизация БРИКС³ (Игнатов 2024) позволяет усиливать и развивать сетевые отношения объединения (впрочем, как и политической организации мира в целом), а также многостороннего и многоуровневого сотрудничества. Это направление позволяет БРИКС более активно участвовать в глобальном управлении, а также формировать будущее политической организации мира.

Таким образом, наблюдается соответствие организационных структур как политической организации мира, так и БРИКС, которые всё больше трансформируются в сетевое взаимодействие. Очевидно, что и многие другие региональные объединения развивают сетевые отношения, например, ЕС. Однако особенность и преимущество БРИКС здесь заключается в трансрегионализме самого объединения, которое охватывает почти все регионы мира. Исключение составляют Европа и Северная Америка. Насколько сетевое преобразование мира и сетевые отношения изоморфны, сказать пока сложно. Тем более, что обе сетевые структуры находятся в процессе становления. Пока можно отметить следующие общие моменты: 1) усиление трансграничности; 2) вовлечение в сетевое взаимодействие государств и негосударственных акторов.

Если исходить из сетевой структуры политической организации мира, то БРИКС хорошо вписывается в неё в качестве формирующихся параллельных структур глобального управления, о которых писал М. Цёрн, обозначив это явление как контринституционализация. Суть данного явления заключается в том, что вместо реформирования плохо работающих международных институтов, создаются новые, параллельные им структуры (Zurn 2018), в данном случае – структуры БРИКС.

³ Игнатов А. 2024. Расширение БРИКС и перспективы сотрудничества стран объединения в вопросах развития цифровой экономики. *Сайт РСМД*. 22 ноября. URL: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rasshirenie-briks-i-perspektivy-sotrudnichestva-stran-obedineniya-v-voprosakh-razvitiya-tsifrovoy-ek/?sphrase_id=175179524 (дата обращения: 10.08.2025)

Достаточно ли имеющихся ресурсов и развитых сетевых отношений для того, чтобы БРИКС стала важнейшим звеном глобального управления и структурой, формирующей новый мировой порядок, а точнее новый тип политической организации мира? Прежде всего, если иметь в виду, что глобальное управление включает в себя самое широкое взаимодействие государственных и негосударственных акторов, то необходимо усилить роль негосударственных акторов БРИКС. Нельзя сказать, что сфера деятельности негосударственных акторов вообще отсутствует, скорее, она находится в некоторой тени.

Очень важный аспект затрагивает Я. Лисоволик. Он отмечает, «чтобы БРИКС стала основой для нового миропорядка, этот блок должен предложить другим странам мировой экономики новые парадигмы развития глобального масштаба»⁴. Существенным моментом здесь является то, чтобы эти парадигмы охватывали не только экономические вопросы, но и представляли собой идеи для нового типа политической организации мира.

Почти четверть века тому назад И. Маннерс выдвинул представление о нормативной силе Европейского союза, суть которой заключается в том, что ЕС способен создавать и распространять некие нормы, т. е. обладает нормативной силой. Причём эти нормы действуют не только внутри ЕС, но Европейский союз руководствуется ими и вовне (Manners 2002).

Может ли БРИКС представить свои в данном случае идеи и выступить с собственной силой – «силой идей»? Ответ на заданный вопрос не является однозначным. В отличие от нормативной силы «идейная сила» не предполагает неких норм в качестве образца или моделей. Тем не менее в странах БРИКС был сформулирован ряд идей, которые могут лечь в основу таких представлений. Например, в отечественной социальной науке был предложен принцип диалогичности (Бахтин 1979), который, как представляется, сегодня крайне актуален для мировой политики и международных отношений. Ещё один пример: в советский период была выдвинута идея мирного сосуществования систем с различным общественным строем. Несмотря на то, что эта идея не получила должной теоретической разработки и представляла собой продолжение классовой борьбы (Красин 1961), в настоящее время она может быть вновь актуальной, имея в виду развитие и сосуществование цивилизаций с различными ценностями. Очевидно, что для применения сегодня этой идеи необходимо её серьёзное обоснование и развитие. В свою очередь, Китай выступил с концепцией «Сообщества единой судьбы человечества», ориентированной на сотрудничество, взаимное уважение при сохранении множества различий. Несмотря на некую идеалистичность этих идей в их настоящем виде, они могут быть доработаны и доведены до практического использования.

⁴ Лисоволик Я. 2022. БРИКС как основа нового миропорядка: каковы перспективы? *Сайт РСМД*. 12 апреля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-kak-osnova-novogo-miroporyadka-kakovy-perspektivy/> (дата обращения: 10.08.2025)

Масштабное и быстрое расширение БРИКС в 2024 г., а затем и присоединение к нему Индонезии в начале января 2025 г. может стать вызовом для объединения, поэтому важно не упустить возможность сосредоточиться на разработке «силы идей» БРИКС, что, в свою очередь, будет способствовать, укреплению идентичности и на этой основе – сплочению самого объединения.

Заключение

БРИКС как структура в настоящее время, несомненно, включена в глобальное управление и оказывает влияние прежде всего на экономические процессы в мире. В последние годы экономические рамки становятся всё более тесными для БРИКС, что влечёт за собой стремление к активному участию в решении политических вопросов. При этом политическая организация мира и БРИКС всё в большей степени трансформируются в сетевые структуры. Это соответствие структурных организаций теоретически позволяет БРИКС сначала вписаться в современную политическую организацию мира, а затем дальше трансформировать её. Для этого БРИКС имеет ряд необходимых ресурсов, а также опыт сетевого и цифрового взаимодействия, которые приобретают особую актуальность в современных условиях.

В то же время успешная реализация устремлений БРИКС выстраивать контуры новой политической организации мира возможна лишь при использовании «силы идей», т. е. предложений по тому, какой должна быть эта новая политическая организация мира. Кроме того, важным направлением деятельности БРИКС должна стать активизация негосударственных акторов, а также широкое взаимодействие их, как и БРИКС в целом, с различными государствами и негосударственными акторами по всему миру. Большое значение для координации этой работы должна иметь дальнейшая цифровизация БРИКС.

В целом же БРИКС может участвовать в глобальном управлении и быть одним из звеньев сетевой политической организации мира, причём довольно крупным звеном, а может стать архитектором новой политической организации мира, предложив её контуры и принципы функционирования.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Статья подготовлена по гранту РНФ № 25-28-00822 «БРИКС в трансформирующемся мире: проблемы акторности и перспективы развития в новом составе». Автор выражает искреннюю благодарность Д.А. Кузнецову, М.В. Харкевичу и В.А. Дмитриевой за высказанные замечания и предложения.

UDC: 327.39:321.01:338.22

Received: April 15, 2025

Accepted: July 12, 2025

BRICS in the Transforming Political Organization of the World

 M.M. Lebedeva[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84)

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: Scholarly attention to BRICS has intensified amid accelerating transformations of the international system and the search for alternative models of global order. Established as an economic coalition, BRICS has progressively expanded its remit, positioning itself as a platform for the Global South and as an actor with growing political and normative ambitions. This article advances the argument that the political organization of the world is undergoing a shift from hierarchical to networked forms. Such a transformation produces configurations more complex than the familiar imagery of unipolarity or multipolarity dominated by great powers. BRICS itself increasingly reflects this networked logic, not least through practices of digital and institutional connectivity, thereby exhibiting a structural affinity with the broader reconfiguration of world politics. The analysis proceeds from a central research question: does this structural correspondence enable BRICS to strengthen its international role, and if so, by what means? Empirically, the article traces BRICS's trajectory from an economic coalition that consolidated influence in global economic governance to a multidimensional grouping whose agenda now encompasses social, political, and developmental issues. Conceptually, it situates BRICS within debates on global governance, world order, and the changing logics of institutional design. The article concludes that BRICS possesses the demographic, economic, and institutional resources, as well as experience in networked and digital cooperation, necessary to embed itself in the emerging order. Its capacity to shape this order, however, will depend on mobilizing the "power of ideas": advancing persuasive normative visions for the principles and structures of a new world political organization.

Keywords: BRICS; global governance; world order; Global South; networked institutionalism; normative power; power of ideas; digital governance

About the author:

Marina M. Lebedeva – Doctor of Science (Political Science), Professor, Head of World Politics Department, 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia.

E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00822, "BRICS in the Transforming World: Problems of Actorhood and Prospects of Development in the New Composition." The author is grateful to D.A. Kuznetsov, M.V. Kharkevich, and V.A. Dmitrieva for their valuable comments and constructive suggestions.

References:

- Brutsch C., Papa M. 2013. Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*. 6(3). P. 299–327.
- Jakovljevic M.B., Ekkert N.V., Mikerova M.S., Reshetnikov V.A. 2019. BRICS Nations Growing Impact on the Global Health Sector. *MGIMO Review of International Relations*. 12(6). P. 150–166. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-150-166
- Jash A. 2017. The Emerging Role of BRICS in the Changing World Order. *IndraStra Global*. №6. P. 1–11. DOI: 10.6084/m9.figshare.5143222 URL: https://www.researchgate.net/publication/373862540_The_Emerging_Role_of_BRICS_in_the_Changing_World_Order
- Kirton J., Larionova M. (2022) The First Fifteen Years of the BRICS. *International Organisations Research Journal*. 17 (2). P. 7–30 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-02-01 https://iorj.hse.ru/data/2022/10/21/1735543865/1%20Kirton_Larionova.pdf
- Kharitonova O., Arkhangelskaya U. 2025. UN General Assembly Voting as the Indicator of BRICS Consolidation. *Social Science Research Network (SSRN)* URL: https://ssrn.com/abstract=https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5134460
- Laidi Z. 2012. BRICS: Sovereignty Power and Weakness. *International Politics*. 49(5). P. 614–632.
- Li L. 2019. BRICS: A Limited Role in Transforming The World. *Strategic Analysis*. 43(6). P. 499–508. URL: <https://sci-hub.se/10.1080/09700161.2019.1677017>
- Manners I. 2002. Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 40(2). P. 235–258.
- Nuruzzaman M. 2020. Why BRICS is no Threat to the Post-War Liberal World Order. *International Studies*. 57(1). P. 51–66. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0020881719884449?journalCode=isqa>
- Papa M., Han Zh., O'Donnell F. 2023. The Dynamics of Informal Institutions and Counter-Hegemony: Introducing a BRICS Convergence Index. *European Journal of International Relations*. №29. DOI: 10.1177/13540661231183352. URL: https://www.researchgate.net/publication/373362978_The_dynamics_of_informal_institutions_and_counter-hegemony_introducing_a_BRICS_Convergence_Index
- Petrone F. 2020. Three Ways to Explore the BRICS (Possible) Impact on the Future Global Order. *The Rest: Journal of Politics and Development*. 10(2). P. 6–20. URL: <https://therestjournal.com/wp-content/uploads/2020/08/The-Rest-Vol.10-No.2.pdf#page=6>
- Rached G., Rodrigues de Sá R. 2024. BRICS 15 Years On: Challenges and Opportunities for Emerging Countries in the Shifting Global Institutional Landscape. *MGIMO Review of International Relations*. 17(1). P. 26–45. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-26-45
- Rodriguez-Triocci E. 2024. What about the BRICS? Examining Power Politics in a Changing World Order. *Journal of Political Power*. 17(1). P. 21–41.
- Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.
- Simons G. 2024. BRICS and the Geo-Economic Aspects of Engineering a New Global Order. *TPQ*. P. 116–123. URL: <http://turkishpolicy.com/article/1245/brics-and-the-geo-economic-aspects-of-engineering-a-new-global-order>
- Slaughter A.-M. 1997. The Real New World Order. *Foreign affairs*. 76(5). P. 183–197. URL: https://cooperative-individualism.org/slaughter-anne-marie_the-real-new-world-order-1997-sept.pdf
- Stuenkel O. 2021. *The BRICS and the Future of Global Order*. The 2-nd edition. Lexington Books. 272 p.

Yanano Mangani D. 2024. BRICS as a Catalyst for Global Governance Transformation: Beyond Western Perceptions. *MGIMO Review of International Relations*. 17(1). P. 46–64. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-46-64

Zürn M. 2018. *A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford University Press. 312 p.

Bakhtin M.M. 1963. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetsky pisatel. 2nd edition. 167 p. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1963_problemy_poetiki_dostoevskogo.shtml (In Russian).

Degtyarev D.A. 2015. Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy [Network Analysis of International Relations]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 6(4). P. 119–138. (In Russian).

Koval' A.G., Martin P. 2017. Strany BRIKS v global'nom ekonomicheskom upravlenii na primere ikh uchastiya v VTO [BRICS Countries in Global Economic Governance on the Example of Their Participation in The WTO]. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 1(38). P. 111–121. DOI: 10.15688/jvolsu3.2017.1.13 (In Russian).

Koldunova Ye.V. 2014. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii [The Role of the BRICS Countries in Global Governance]. *Comparative Politics*. 1(14). P. 60–64. (In Russian).

Konkin A.A. 2016. Transregional'noye partnortsvo stran BRIKS v otechestvennykh issledovaniyakh [Transregional Partnership of BRICS Countries in Domestic Research]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(48). C. 123–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-123-133 (In Russian).

Kortunov A. 2016. Neizbezhnost' strannogo mira. Rossiya v global'noy politike [The Inevitability of a Strange World]. *Russia in Global Politics*. July 16. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288> (In Russian).

Krasin Yu.A. 1961. *Mirnoye soshchestvovaniye – forma klassovoy bor'by* [Peaceful Coexistence – a Form of Class Struggle]. Moscow: Gospolitizdat. 82 p. (In Russian).

Kuznetsov D.A. 2016. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii [The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization]. *Comparative Politics*. 7(2). P. 14–25. (In Russian).

Kuznetsov D.A. 2020. Setevaya tekstura mirovoy politiki: transregionalizm BRIKS [Network Texture of World Politics: BRICS Transregionalism]. *World Economy and International Relations*. 64(11). P. 124–131. (In Russian).

Larionova M.V. 2018. «Gruppa dvadtsati», BRIKS i ATEs v sisteme mezhdunarodnykh institutov. Khoroshiye novosti dlya global'nogo upravleniya [The Group of Twenty, BRICS and APEC in the System of International Institutions. Good News for Global Governance]. *International Organisations Research Journal*. 13(1). P. 7–33. (In Russian and English).

Larionova M.V., Shelepov A.V. 2019. «Gruppa dvadtsati», BRIKS i «Gruppa semi» v global'nom ekonomicheskom upravlenii [The Group of Twenty, BRICS, and the Group of Seven in Global Economic Governance]. *International Organisations Research Journal*. 14(4). P. 48–71. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03 URL: <https://iorj.hse.ru/data/2019/12/25/1524777779/%D0%9B%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (In Russian and English).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Ideal'nyy shtorm». [Sistem of Political Organization of the World: "Perfect Storm"]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). С. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144 URL: <https://vestnik.mgi-mo.ru/jour/article/view/518/518> (In Russian).

Lebedeva M.M. 2024. V poiskakh novogo mirovogo poryadka: interesy aktorov mirovoy politiki [In Search of a New World Order: Interests of World Politics Actors]. *Political Science*. №2. P. 102–123. DOI: 10.31249/poln/2024.02.05. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/1077/973> (In Russian).

Morozkina A. K., Skryabina, V. Yu. 2021. BRIKS i partnerstvo v interesakh ustoychivogo razvitiya: perspektivy rasshireniya trgovli s naimeneye razvityimi stranami [BRICS and Partnership for Sustainable Development: Prospects for Expanding Trade with Least Developed Countries]. *International Organisations Research Journal*. 16(1). С. 85–106. (In Russian and English).

Revizorskiy M. 2019. Kak izbezhat' «mirovoy skorbi»: global'noye upravleniye i dvoynoy vyzov budushchemu mnogostoronnosti [How to Avoid "World Sorrow": Global Governance and the Double Challenge to the Future of Multilateralism]. *International Organisations Research Journal*. 14(4). С. 28–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-02. (In Russian and English).

Revizorskiy M. 2015. «Gruppa semi vos'mi»-«Gruppa dvadtsati»-BRIKS: novaya triada v global'nom upravlenii? ["Group of Seven/Eight" – "Group of Twenty" – BRICS: A New Triad in Global Governance?]. *International Organisations Research Journal*. 10(4). С. 29–48. (In Russian and English).

Sadykov R.R., Uchayev Ye.I. 2024. Pomoshch' shkol'nomu obrazovaniyu v povestke Novogo banka razvitiya [Assistance to School Education in the Agenda of the New Development Bank]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(6). С. 175–204. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204. (In Russian).

Stunkel' O. 2015. «Bol'shaya semerka» i BRIKS v mire posle Kryma [The Big Seven and BRICS in the World after Crimea]. *Russia in Global Politics*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/bolshaya-semerka-i-briks-v-mire-posle-kryma/> (In Russian).

Feneno A. 2023. Mirovoy poryadok kak teoretiko-metodologicheskaya kategoriya [World Order as a Theoretical and Methodological Category]. *International processes*. 21(1). P. 6–42. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.8 (In Russian).

Haas R. 2008. Epokha bespolyarnogo mira [The Era of a Non-Polar World]. *Russia in Global Politics*. №4. July-August. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epokha-bespolyarnogo-mira/> (In Russian).

Qingsun W. 2015. Rol' BRIKS v global'nom upravlenii i transformacii mirovogo poryadka: kitajskij vzglyad [The Role of BRICS in Global Governance and Transformation of World Order: The Chinese View]. *Public Administration. Electronic Bulletin*. №48. P. 273–286. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Бахтин М.М. 1963. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советский писатель. 2-е издание. 167 с. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1963_problemy_poetiki_dostoevskogo.shtml

Дегтярев Д.А. 2015. Сетевой анализ международных отношений. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6(4). С. 119–138.

Киртон Д., Ларионова М. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества. *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17 (2). С. 7-30 (на русском и английском языках).

Коваль А.Г., Мартин П. 2017. Страны БРИКС в глобальном экономическом управлении на примере их участия в ВТО. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3: Экономика. Экология. 1(38). С. 111–121. DOI: 10.15688/jvolsu3.2017.1.13

Колдунова Е.В. 2014. Роль стран БРИКС в глобальном управлении. *Сравнительная политика*. 1(14). С. 60–64. URL: https://www.researchgate.net/publication/281669265_THE_ROLE_OF_BRICS_IN_GLOBAL_GOVERNANCE

Конкин А.А. 2016. Трансрегиональное партнёрство стран БРИКС в отечественных исследованиях. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(48). С. 123–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-123-133

Кортунов А. 2016. Неизбежность странного мира. *Россия в глобальной политике*. 16 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>

Красин Ю.А. 1961. *Мирное сосуществование — форма классовой борьбы*. Москва: Госполитиздат. 82 с.

Кузнецов Д.А. 2016. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. *Сравнительная политика*. 7(2). С. 14–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transregionalizma-problemy-terminologii-i-kontseptualizatsii/viewer>

Кузнецов Д.А. 2020. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(11). С. 124–131.

Ларионова М.В., Шелепов А.В. 2019. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении. *Вестник международных организаций*. 14(4). С. 48–71. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03 URL: <https://iorj.hse.ru/data/2019/12/25/1524777779/%D0%9B%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>

Ларионова М.В. 2018. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 13(1). С. 7–33.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО – университета*. 2(47). С. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144 URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518>

Лебедева М.М. 2024. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики. *Политическая наука*. №2. С. 102–123. DOI: 10.31249/poln/2024.02.05. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/1077/973>

Морозкина А.К., Скрыбина В.Ю. 2021. БРИКС и партнёрство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 16(1). С. 85–106.

Ревизорский М. 2019. Как избежать «мировой скорби»: глобальное управление и двойной вызов будущему многосторонности. *Вестник международных организаций*. 14(4). С. 28–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-02.

Ревизорский М. 2015. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? *Вестник международных организаций*. 10(4). С. 29–48.

Садыков Р.Р., Учаев Е.И. 2024. Помощь школьному образованию в повестке Нового банка развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(6). С. 175–204. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204.

Стункель О. 2015. «Большая семерка» и БРИКС в мире после Крыма. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/bolshaya-semerka-i-briks-v-mire-posle-kryma/>

Ступенькова З. Е., Кашуро И. А. 2023. Страны БРИКС и цели в области устойчивого развития Организации Объединённых Наций. *Россия и современный мир*. 3(120). С. 206–225.

Фененко А. 2023. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория. *Международные процессы*. 21(1). С. 6–42. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.8

Хаас Р. 2008. Эпоха бесполярного мира. *Россия в глобальной политике*. №4. Июль-август. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/>

Цинсун В. 2015. Роль БРИКС в глобальном управлении и трансформации мирового порядка: китайский взгляд. *Государственное управление. Электронный вестник*. №48. С. 273–286.

Beyond the Multitude: State–Society Alliances as a Strategy Against Big Tech’s Digital Hegemony

Xiong Jie

International Communication Research Institute, East China Normal University

Abstract: This article critically examines the limitations of prevailing Western critiques of American Big Tech’s digital hegemony, particularly those influenced by the theoretical framework of Antonio Negri and Michael Hardt. While the Negrian emphasis on the “multitude” and identity-based struggles has contributed to recognizing the multiple contradictions—racial, gendered, and class-based—that are reproduced and amplified in digital spaces, its categorical rejection of the sovereign state as a counter-hegemonic actor has led to a persistent strategic impasse. Through an extensive review of critical literature and empirical cases, the study analyses various forms of spontaneous, bottom-up resistance—including platform cooperativism, peer-to-peer networks, blockchain-based initiatives, algorithm audits, and public education campaigns—and demonstrates their inability to meaningfully challenge Big Tech’s monopolistic control. Using Robert Cox’s tripartite model of global power (Empire, sovereign state, and civil society), the article argues that effective resistance to digital hegemony requires alliances between the state and non-co-opted segments of civil society. The analysis extends to the Global South, where the combination of Big Tech dominance and NGO-mediated civil society often undermines state-led digital sovereignty efforts. The case of China is presented as a noteworthy counterexample: since 2016, the Chinese government has placed political limits on domestic Big Tech, implemented people-centered regulatory policies, and maintained sovereign control over its digital space. While not without its contradictions, this model demonstrates that a state–society alliance can achieve tangible results in countering the Empire’s digital power. The article concludes that overcoming digital hegemony requires moving beyond spontaneity-based paradigms toward structured, state-supported strategies—particularly in the Global South—capable of addressing the political-economic foundations of Big Tech’s global dominance.

Keywords: Digital Hegemony; Negrian Framework; State–Civil Society Alliance; Global South; Digital Sovereignty

UDC: 32:004.9:316.32:327(100)

Received: May 20, 2025

Accepted: July 11, 2025

In recent years, the digital hegemony dominated by American Big Tech has emerged as a formidable global challenge. A substantial body of scholarship demonstrates that these corporations have not only established economic monopolies but have also, at a socio-cultural level, perpetuated and deepened inequalities and systems of oppression along multiple axes, including race, class, and gender. In response, numerous strands of critical scholarship and resistance movements have arisen in the West. Among them, a particularly influential intellectual current is rooted in the thought of the Italian philosopher Antonio Negri and his long-time collaborator Michael Hardt. This context gives rise to a pressing set of questions: despite being underpinned by a sophisticated leftist theoretical framework, why do these resistance practices—centred on the spontaneous struggles of the “multitude”—consistently prove ineffective in confronting entrenched digital hegemony? And what might constitute a more viable path of resistance?

Critical research on digital hegemony has produced valuable insights. Zuboff (2020) has articulated its underlying economic logic as “surveillance capitalism,” while scholars such as Noble (2018), Eubanks (2019), and Benjamin (2020) have empirically revealed how algorithms and big data perpetuate and entrench social injustice. Building on this foundation, authors including Scholz (2013) and Fuchs (2013) have analysed the structural exploitation of “digital labour” embedded within the capitalist system that sustains this hegemony. Yet, with regard to strategies of resistance, much of the prevailing critical discourse has been shaped by the theoretical contributions of Hardt and Negri (2001, 2011), which place their hopes in the capacity of the multitude to reclaim control over the digital commons through decentralised, self-organising struggles—exemplified by initiatives such as platform cooperativism.

This article contends that a significant gap persists in the literature. While these alternative strategies are widely discussed, they have repeatedly failed in practice, and academic debate has not sufficiently interrogated the structural reasons for this recurring failure. More crucially, because Negrian theory rejects the state apparatus *a priori*, this line of critique systematically neglects the potential role of the state in constructing counter-hegemonic alliances. As a result, the “struggle of the multitude” remains mired in a real-world impasse.

To address this gap, the present study employs a critical literature review. Its aim is not merely to catalogue existing scholarship, but to systematically analyse how the Negrian intellectual tradition—particularly its conceptualisations of strategies of struggle, forms of organisation, and the role of the state—has profoundly shaped Western critiques of digital hegemony. This analysis argues that such influence has ultimately led to a dual impasse, both theoretical and practical. To facilitate this critique, the article draws on the political theory of Cox (2007), especially his framework describing the dynamic interplay between “Empire,” sovereign states, and civil society. This perspective serves as a lens through which to expose the structural power asymmetries confronting Negrian-style resistance.

The central argument of this article is that overcoming Big Tech's digital hegemony requires moving beyond the spontaneist paradigm of the "multitude" as conceived in Negrian theory. While this framework has illuminated important dimensions of inequality and oppression in digital spaces, its reliance on isolated civil society action renders it structurally incapable of confronting the formidable "Empire" coalition formed by the United States state apparatus in alliance with transnational technology corporations. A more viable counter-hegemonic strategy, this article contends, lies in forging robust state–civil society alliances capable of mobilising political, economic, and technological resources at a scale commensurate with the challenge. The analysis concludes by suggesting that, while the European Union's experience provides a useful preliminary reference, China's model of digital governance offers a more compelling example of the successful construction and operation of such an alliance—one that warrants closer scholarly attention and critical evaluation.

The Problem's Roots: The Negrian Framework and Digital Hegemony Critiques

Since 2010, numerous Western scholars have criticised the digital hegemony of Big Tech — almost all of which are American—whose economic scale rivals that of nation-states and whose global influence is profound. These critiques underscore that the digital sphere monopolised by Big Tech reproduces and amplifies entrenched forms of discrimination and oppression within Western, and particularly American, society. Vulnerable groups are disadvantaged across multiple dimensions, including race, ethnicity, gender, sexual orientation, occupation, and income. Such findings have drawn sustained attention from progressive Western scholars and social movements.

The intellectual influence of the contemporary leftist philosopher Antonio Negri, in collaboration with Michael Hardt, is particularly evident in this critical discourse. Their theory of Empire is especially instructive for analysing "capitalist activities that operate directly on a global plane" (Mezzadra & Neilson 2019: 100–101) — a description that aptly captures the operational logic of today's Big Tech. Ross (2013) observed that the work of "commentators of the Italian school" (principally Negri and his associates) on capitalism's control over immaterial labour offers valuable insights into "the new model of capital accumulation represented by Facebook" from a Marxist perspective. Similarly, in his review of Shoshana Zuboff's *The Age of Surveillance Capitalism*, Morozov characterised Zuboff as "the American heir to Italian Autonomist Marxism" and wryly remarked that "if Negri taught at Harvard Business School, he would sound just like Zuboff"¹. This quip is revealing in its recognition that information technology enables the "Great Other" to exercise pervasive control over the biopolitical production of the "multitude".

¹ Capitalism's New Clothes: Evgeny Morozov. 2019. *The Baffler*. URL: <https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov> (accessed 10.08.2025).

Beyond its insights into Empire's totalising control over immaterial labour, several other aspects of the Negrian theoretical tradition have exerted a marked influence on contemporary critiques of digital hegemony.

Consciousness of Contradiction

Negri contends that class contradiction is neither the sole nor the primary contradiction, instead emphasising the multiplicity of social antagonisms. He argues that “no one domain or social organization takes priority over the others... It is no longer possible to lead or even conceive of revolutionary action in a single domain”, by which he specifically means that contradictions relating to race, gender, and sexual orientation should be addressed on an equal footing with class and economic contradictions. This position is far from universally accepted among leftist thinkers. Miliband (1985), for example, maintained that “in capitalist society, no other groups, movements or forces are remotely capable of mounting as effective and formidable a challenge to the existing structures of power and privilege as organised labour”. Yet he immediately qualified this by noting, “this is not to say... that the women's movement, the black movement, the peace campaigners, the ecologists, the gay movement and others are of no importance”.

Guided by this sensitivity to multiple contradictions, Western — particularly American — critics have been alert to the ways in which the injustices experienced by groups such as Black people and women are exacerbated and reinforced by digital technologies. This perspective has not only drawn considerable interest from Western audiences but has also underpinned a wide-ranging and multidimensional critique of digital hegemony.

Struggle Strategy

Negri consistently champions the spontaneist struggles of the “multitude” and rejects organised forms of conflict. He maintains that “democracy is understood only through democratic action. We must... proceed democratically toward democracy”. He also praises Gramsci's concept of the “passive revolution,” identifying “peaceful street demonstrations, exodus, media mobilisations, strikes, transgressing gender norms, silence, irony, and the like” as legitimate modes of struggle for the multitude (Hardt & Negri 2011: 363–368). Guided by this philosophy of resistance, Western critics have proposed a diverse array of methods.

Yet, as Amin has observed in his critique of Negri, “all the rebellions of the subaltern—or the multitude—have failed”. In a manner almost resembling a self-fulfilling prophecy, the various strategies of struggle advocated by these critics have yielded negligible results: a handful of American Big Tech firms have continued to expand their near-monopoly over the global — excluding China — digital sphere, while the structural injustices identified by their critics show little sign of abating. Struggles conducted without the intervention of powerful institutional actors have, in practice, exerted minimal influence on the entrenched dominance of Big Tech.

Organisational Method

The core reason for Negri's opposition to organised conflict lies in his categorical rejection of all forms of the state apparatus. In his view, "the multitude does not see the state as a realm of freedom but as a den of domination" (Hardt & Negri 2011: 355). He goes so far as to claim that socialists are "nothing but scoundrels" and that leftist leaders "want to be bosses, and since they cannot be bosses in a private capacity, they become bosses in the public capacity of the state" (Negri & Valvola Scelsi 2006: 32–43). Negri further insists that "the objective that Lenin and the soviets posed for an elite, vanguard, insurrectional activity must today be expressed by the desire of all" (Negri & Hardt 2014).

Yet Negri remains notably vague on how this "desire of all" should be organised and translated into concrete political action. Some critics of digital hegemony have sought to employ technological innovations — such as peer-to-peer networks and blockchain systems — as direct instruments for articulating this collective will. However, these initiatives have without exception reached an impasse, failing to mount any substantial challenge to the entrenched digital dominance of Big Tech.

State Participation

Ultimately, Negri adopts a passive and ambiguous stance toward transitional arrangements preceding the achievement of communism. He rejects the common transitional solutions that emerged from the anti-imperialist struggles and national independence movements of the twentieth century — such as socialist and nationalist states—regarding socialism as merely a vehicle for left-wing leaders to "be the boss" under the aegis of the state, without offering any genuine democratic improvement over capitalist society. He characterises the Soviet socialist experience as "a bad memory" (Negri & Valvola Scelsi 2006: 26). In his conceptualization, globalization has reached a stateless stage: imperialism has evolved into a centerless yet omnipresent Empire, rendering obsolete the transitional strategies of confronting imperialism through socialist or nationalist states. Accordingly, the multitude, he argues, should advance "democratically" and directly toward a communist society.

However, as Amin incisively observes, Negri denies that imperialism has a center, yet "the powers that be in Washington are perfectly clear about where that center is".² As forty-nine countries in the Global North are increasingly integrated into a unified imperialist bloc under U.S. leadership, for states in the Global South to abandon the option of state-led strategies is effectively to forgo the possibility of development and even the defense of sovereignty — thereby exposing themselves to renewed forms of re-colonization³. In the context of efforts by Global South countries to resist the digital

² Capitalism's New Clothes: Evgeny Morozov. 2019. *The Baffler*. URL: <https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov> (accessed 10.08.2025).

³ Cernadas G., Erskog M.N., Moreno T., et al. 2024. Hyper-Imperialism: A Dangerous Decadent New Stage. *Tricontinental*. URL: <https://thetricontinental.org/studies-on-contemporary-dilemmas-4-hyper-imperialism/> (accessed 10.08.2025).

hegemony of American Big Tech, the challenge of constructing state capacities capable of countering digital colonialism and reclaiming control over digital technologies from Global North capital has become particularly acute.

This article argues that progressive Western scholars and social movements critiquing contemporary digital hegemony are demonstrably influenced by the Negrian intellectual tradition. This influence equips them to recognize and critique digital hegemony through the lenses of race and gender, but also leads them to avoid, often deliberately, engaging with the role of the state — especially the socialist state — in digital governance. As a result, they fail to meaningfully explore pathways toward dismantling digital hegemony. The predicament of the “struggle of the multitude” with regard to digital hegemony thus serves as a microcosm of the broader dilemma faced by a segment of Western leftist intellectuals, represented by Negri, whose practical strategies of resistance are weak and whose proposals for viable alternatives remain absent.

Consciousness of Contradiction: Comprehending Digital Hegemony Through Multiple Contradictions

In the United States — where political discourse places strong emphasis on identity politics and social diversity — beginning with widely recognised social prejudices relating to race, gender, and other factors can be an effective way to raise awareness of the negative impacts of digital hegemony within American society. Data scientist O’Neil (2016: 23) draws a direct link between racism and digital technology, observing that “racism is the sloppiest of predictive models, driven by messy data collection and spurious correlations, reinforced by institutional inequality, and contaminated by confirmation bias.” Given the cognitive limitations of the human brain in acquiring and processing information, “labelling” or stereotyping is a common behavioural pattern. As digital technologies have become deeply embedded in daily life, with data collection and correlation analysis increasingly automated through algorithms and software systems, a critical question arises: has this “sloppy predictive model” been eliminated in the digital age?

Research by American scholars in recent years suggests otherwise. The large-scale application—and frequent abuse—of data and predictive algorithms has not only failed to reduce racial prejudice but has, in fact, reinforced and intensified pre-existing social injustices. For example, in the United States, Black individuals are more likely to be algorithmically classified as potential criminals, charged higher insurance premiums, and denied coverage more frequently (Benjamin 2020). In another instance, a researcher who searched for “black girls” on Google received results dominated by pornographic content (Noble 2018). Comparable patterns affect other ethnic minorities and vulnerable groups: Asian students are more likely to be recommended expensive test-preparation courses, and job advertisements directed toward men display higher salaries than those shown to women. Moreover, studies reveal that low-income groups in the United States—many of whom are people of colour—are subjected to automat-

ed, systemic discrimination through “big data policing,” facing heightened barriers to accessing social welfare programmes such as housing and healthcare, experiencing restrictions on mobility, and even seeing their children’s credit scores negatively affected (Eubanks 2019).

These examples demonstrate that entrenched societal prejudices become deeply embedded within algorithmic systems through the selection and training of data, and subsequently manifest in a variety of ways in digital environments. Without overt malice or the use of derogatory language, and simply by failing to address the biases embedded in historical datasets, it becomes possible to construct a covert, algorithmic analogue of the Jim Crow laws—one that operates seamlessly within the architecture of the digital sphere.

Guided by Negri’s emphasis on the multiplicity of contradictions, one can approach the critique of digital hegemony—conceived as an extension of capitalist hegemony—through the lens of identity politics. Marx had long demonstrated that racial antagonism in the Western world has been inextricably bound to the capitalist system from its inception:

Direct slavery is the pivot of bourgeois industry, in the same way that machinery, credits, etc., are. Without slavery you have no cotton; without cotton you have no modern industry. It is slavery that has given the colonies their value; it is the colonies that have created world trade, and it is world trade that is the pre-condition of large-scale industry. Thus, slavery is an economic category of the greatest importance. (Marx 1976: 167)

Marx (1977: 414) further insisted that the struggle against racism must be understood within the broader struggle of the proletariat: “Labour cannot emancipate itself in the white skin where in the black it is branded.” In contemporary society, digital technologies profoundly shape both the productive forces and the relations of production. When the global digital space — excluding China — is effectively monopolised by a small number of American Big Tech corporations, the fundamental contradiction of the capitalist system, that between labour and capital, inevitably manifests in this arena.

As Scholz (2013) notes in the foreword to *Digital Labour*, the internet “is increasingly turning people into resources for the economic benefit of a few oligarchic owners.” The crowdsourcing model of work — later reframed as the “gig economy” — has dismantled full-time employment relationships, fragmenting them into discrete, distributed tasks. This compels workers to compete for lower pay per task, erodes working conditions, and undermines the protection of labour rights (Ross 2013). Platforms such as Uber and Amazon Mechanical Turk separate workers from both the purchasers of their services and from one another, thereby accelerating the decline of traditional forms of unionisation (Srnicsek 2021). While workers in some less-developed regions may initially benefit from the new income opportunities such platforms provide, these piece-rate jobs, unprotected by labour legislation, quickly revert to subsistence-level remuneration (Casilli 2017).

As core instruments of Empire's rule, American Big Tech firms go beyond the traditional capitalist exploitation of labour's surplus value. By extracting data value, they turn billions of internet users worldwide into objects of exploitation. Scholars have argued that when users access digital services for "free," their usage behaviour generates vast quantities of data, which constitute a key component of the platform's market value. In this sense, free use is not a gift from the platform but an instance of unpaid labour for it. Users who participate in online discussions (Terranova 2013), fans who create content for their idols (Kosnik 2013), and bloggers who produce regular posts (Dean 2013) all serve as unpaid digital labourers in distinct ways. Even the largest group—users who produce no content but remain addicted to games and social media—are, as Jack Linchuan Qiu (2016) terms them, "iSlaves," trapped by "digital addictive substances" while providing uncompensated labour to platforms. Fuchs (2013) calls this "an extreme form of exploitation," arguing that consumers on digital platforms work entirely without pay, rendering their rate of exploitation effectively infinite. Through their monopoly over digital platforms, Big Tech corporations convert user-generated data from across the globe into proprietary assets.

The value of data lies primarily in its predictive capacity. At the core of machine learning technology is the use of Bayesian statistical methods to predict a user's future behaviour based on historical data. This capability enables digital platforms both to guide and intervene in user behaviour and to employ computer programs that imitate or replace human actions — forming the basis of what is commonly termed "artificial intelligence". The performance of artificial intelligence depends on multiple factors, including algorithmic sophistication and hardware capacity. However, the most decisive factor is the volume of data: the larger the dataset used to "train" an artificial intelligence system, the higher its demonstrated level of "intelligence" and the greater its efficiency and accuracy in performing information-processing tasks traditionally carried out by humans. This relationship is the principal reason data has come to be described as "the new oil".

Operating on the premise that "data is a valuable resource", researchers have emphasised the intrinsic connection between Big Tech's data extraction practices and the capitalist mode of production. Thatcher et al. (2016) argue that the essence of big data lies in dispossessing data from its creators, transforming it into quantifiable user information that can be packaged and sold, and deploying it for the Taylorist disciplining of users—where citizens equipped with smart devices become *de facto* sensors in the capitalist production apparatus. While mass surveillance was initially justified in the name of counter-terrorism and national security, Big Tech soon discovered that the "behavioural surplus" extracted from such data could generate enormous profits, giving rise to what Zuboff (2020) terms "surveillance capitalism".

In sum, guided by the theory of multiple contradictions advanced by Negri and other Western leftist philosophers, critics have successfully identified the conflicts between Big Tech and a range of social groups, thereby mapping the contours of digital

hegemony under capitalism. In this respect, Negri's thought has offered valuable guidance in constructing the critical problem consciousness necessary for the study of digital hegemony.

Struggle Strategy: The Ineffectiveness of the Spontaneous Struggles of the Multitude

After recognizing that multiple contradictions—including those of ethnicity, gender, and class — were being entrenched and exacerbated in the digital sphere, a range of American scholars and social movements sought to connect these dynamics with the now-mainstream identity politics struggles in the United States and with broader popular protests such as the Black Lives Matter movement. Their aim was, in McIlwain's (2021) words, to “take IT to the streets, and in doing so foment a revolution that would drastically disrupt, shake, or even tear down America's racial order”. Notably, these struggles share a defining characteristic: they emphasize peaceful, non-confrontational methods and mobilize civil, non-political forces for spontaneous forms of resistance.

One major category of such efforts focuses on public education to raise awareness about digital technologies and the Big Tech corporations that control them. The Detroit Digital Justice Coalition's DiscoTech (“discovering technology”) events, for instance, seek to demystify technology and mobilize communities to question and reshape the “data-driven” decisions that affect their lives. Similarly, the “Our Data Bodies” (ODB) project documents experiences of data-based discrimination from the perspective of marginalized communities. The online magazine *The New Inquiry* developed an application called *White Collar Crime Risk Zones*, which ostensibly “uses machine learning to predict where financial crimes are most likely to occur across the US” — a satirical inversion of the algorithmic discrimination routinely targeting people of color and low-income populations (Benjamin 2020).

Other initiatives have targeted specific problems revealed by the deployment of digital technologies. The “Stop LAPD Spying Coalition” is a grassroots campaign opposing the Los Angeles Police Department's use of digital tools to discriminate against and surveil people of color and low-income communities (Eubanks 2019). “Black Girls Code” seeks to equip young African American girls with programming skills, aiming to challenge the exclusion of Black women from Silicon Valley (Noble 2018).

Several organizations have also explored third-party “black box” audits of Big Tech's algorithms. The “Auditing Algorithms” project aimed to cultivate a technically capable community to investigate and evaluate these systems (Benjamin 2020), while the “Non-Aligned Technologies Movement” (NATM) advanced the concept of an “Algorithm Observatory” to identify and expose the harms embedded in Big Tech's algorithmic designs⁴. However, the websites for both initiatives are no longer maintained.

⁴ Mejias U.A. 2020. To Fight Data Colonialism, We Need a Non-Aligned Tech Movement. *Al Jazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/9/8/to-fight-data-colonialism-we-need-a-non-aligned-tech-movement> (accessed 10.08.2025).

The most recent development in this field is the Algorithmic Impact Methods Lab (AIMLab), launched by the Data & Society organization in May 2023. AIMLab's objective is to develop the auditing methodologies necessary to assess the societal impacts of increasingly ubiquitous automated decision-making systems, thereby enabling greater algorithmic accountability. The effectiveness of this initiative remains to be seen⁵.

Some organisations have sought to extend trade unionism into the digital sphere, aiming to organise dispersed gig workers into collective entities capable of defending labour rights against platform-based exploitation. Europe's largest trade union, IG Metall, has pursued this objective through its "Fair Crowd Work" platform, which educates workers about the exploitative conditions in the gig economy. These "digital unions" have achieved occasional successes, such as a 2015 ruling requiring the U.S.-based platform Homejoy to classify its workers as employees, and a 2016 UK court decision obliging the food delivery company Deliveroo to pay the minimum wage (Casilli 2017). However, these victories have been limited in scope, and the overall conditions of gig workers have seen little substantial improvement. In particular, "digitalised" unions have struggled to mount effective challenges against major platforms such as Uber and Amazon. For example, Dynamo — a "quasi-union" spontaneously formed by workers on Amazon's Mechanical Turk — never amassed more than a few hundred members at its peak and has been inactive since 2020, with its website now defunct.

According to Negri's theoretical framework, the vulnerable groups subjected to oppression across multiple dimensions — race, ethnicity, gender, sexual orientation, occupation, income, and others — collectively constitute the "multitude." The "communicative, collaborative, and affective labour" of the multitude, along with their social life more broadly, form what he terms "biopolitical production". In the postmodern global economy, biopolitical production, rather than industrial factory labour, has become the primary source of wealth creation (Hardt & Negri 2001). Because such production is not simple, repetitive, mechanical work but instead immaterial labour that demands emotional and intellectual engagement, as well as autonomous and responsible collaboration, it inherently fosters unity among the multitude. This unity, in Negri's vision, enables them to reclaim the "commons" through autonomous movements independent of representative systems or vanguard parties. In these movements, the instruments of resistance are not limited to armed struggle but also include "peaceful street demonstrations, exodus, media mobilisations, strikes, transgressing gender norms, silence, irony, and the like" (Hardt & Negri 2011: 363–368). Viewed through this theoretical lens, the struggles outlined above against systemic discrimination in the digital sphere closely align with Negri's conception of resistance.

⁵ Chatterjee M. 2023. Algorithms Get a New Watchdog. *Politico*. URL: <https://www.politico.com/newsletters/digital-future-daily/2023/07/12/algorithms-get-a-new-watchdog-00105939> (accessed 10.08.2025).

In practice, however, these non-confrontational, spontaneous struggles have had little substantive impact on the Big Tech corporations that exercise monopolistic control over the digital sphere. While public education campaigns can raise awareness among segments of the population, their influence on corporate behaviour remains minimal. Digital technologies and algorithms are overwhelmingly controlled by a small number of dominant firms, such as Alphabet (Google's parent company) and Meta (Facebook's parent company). The vast power disparity between these corporations and the "multitude" enables them to disregard civil society's demands with near-total impunity.

The fate of earlier initiatives illustrates this dynamic. The "Auditing Algorithms" and "Algorithm Observatory" projects, both designed to scrutinise and hold platforms accountable, received no engagement from Big Tech and ultimately lost momentum. In another case, Yeshimabeit Milner, founder of the "Data for Black Lives" organisation, addressed an open letter to Facebook calling for three specific commitments: anonymising user data and submitting it to a public data trust; collaborating with technical experts and ethicists to create a "Code of Data Ethics"; and hiring Black data scientists and research scientists. As anticipated, Facebook did not respond, and no evidence has emerged to suggest any implementation of Milner's proposals. Two years later, the platform's hate speech detection algorithm still displayed stark racial biases: while antisemitic content was reliably removed, defamatory and racist language directed at Black people and other people of colour frequently remained unpunished.

The persistent failure of such spontaneous, civil-society-led initiatives in the digital space raises a critical question: are these shortcomings the result of contingent factors, or do they reveal deeper, structural causes? This article contends that the latter is the case: these outcomes are rooted in the Negrian intellectual tradition's unrealistic overestimation of direct democracy and its categorical rejection of the role of the state in governance.

Organisational Method: The Dead End of Technology-Based Direct Democracy Attempts

Negri contends that organisational forms such as traditional trade unions and vanguard parties primarily serve the interests of a minority — typically unionised workers. In contrast, he argues, biopolitical production demands a new form of organisation, one that "can overcome all the divisions of the old trade unions and represent the commonality of labour in all its economic, political, and social dimensions," and one "capable of representing every single individual who contributes to the creation of social wealth" (Negri & Hardt 2014). Throughout his works, Negri consistently stresses the imperative of "proceeding democratically toward democracy," advocating that the multitude conduct its struggles through direct democracy rather than relying on any

vanguard organisation or state authority. Yet, under the technological conditions of his time, the mechanisms for realising this vision of direct democracy remained vague — one of the reasons his ideas have frequently been criticised as impractical.

The development of digital technology appeared to offer a potential means of operationalising Negri's vision. With the proliferation of software development tools, cloud computing, and, more recently, blockchain, the question arose: could the general public spontaneously organise to build digital platforms that genuinely served their collective interests? For years, scholars and practitioners have explored the possibility of creating an alternative ecosystem of digital technologies and economic models outside Big Tech's infrastructure, with the aim of fundamentally reshaping labour organisation within the capitalist framework.

More than a decade ago, Bauwens (2013) proposed the creation of “non-capitalist, community-supportive, and use-value-driven entities” to protect and strengthen the commons. His proposed solution was a peer-to-peer (P2P) economy that would connect producers and consumers directly via the internet, eliminating intermediaries such as distributors or employing firms. In Bauwens's view, P2P constituted a viable working model for the new era's labour force, particularly knowledge workers, who would no longer be tied to a fixed workplace but could pursue highly flexible career paths, transitioning “from being hired hands to independent free agents and then entrepreneurs”. However, at the time, Uber was only in its infancy, and Bauwens could scarcely have foreseen that the path he envisioned for “using technology to remove the intermediary” would, within a few years, contribute to the emergence of pervasive “cybermediaries” (Jallat & Capek 2001), the “Uberisation” of multiple industries, and the widespread erosion of labour rights in the gig economy.

Costanza-Chock (2020) identifies several strategic approaches to resisting the “Uberisation of everything.” Among these, the one that initially attracted the greatest attention was “platform cooperativism,” a concept championed by media studies scholar and activist Trebor Scholz and others. This model calls for workers to own and operate their own digital labor platforms — “platform co-ops” — organized as cooperatives but functioning through digital network infrastructures. Since 2014, Scholz and his colleagues have convened an annual conference on platform cooperativism for nine consecutive years, the most recent of which was held in Thiruvananthapuram, the capital of Kerala, India. Around this conference, a global community of practice has emerged; as of February 2024, the Platform Cooperativism Consortium's website listed 548 platform co-op projects across 51 countries.

However, Srnicek (2021) warns that “all the traditional problems of co-ops (e.g., the necessity of self-exploitation under capitalist social relations) become massively exacerbated” in the digital sphere, owing to the monopolistic nature of platforms, the dominance of network effects, and the immense financial and technological resources of incumbent companies. Even if all relevant software were open-source, a platform like Facebook would still be able to mobilize its existing data reserves, entrenched network effects, and substantial capital to repel any cooperative challenger. Put more

bluntly, even with the best intentions, emergent platform co-ops must first solve the problem of economic sustainability—a task rendered increasingly formidable by the pervasive dominance of Big Tech monopolies.

These concerns are far from theoretical; they have been borne out in practice. The Green Taxi Cooperative in Denver, Colorado — once the largest taxi company in the city and the second-largest worker cooperative in the United States — was unable to withstand competition from Uber and declared bankruptcy in 2022⁶. Another high-profile example, the music platform cooperative Resonate, has fallen largely silent and faces the likelihood of closure⁷. Although the ten cooperative principles promoted by platform cooperativism, such as “ownership by those who create the value” and “decent pay and income security”⁸, remain normatively compelling, building a self-sustaining platform in the shadow of entrenched monopolies is an immense challenge. Without a solid economic foundation, even the most attractive vision risks becoming a castle in the air.

In 2017, the price of Bitcoin surged from just over \$900 to nearly \$20,000⁹, fueling a speculative boom in digital cryptocurrencies and inspiring new possibilities for platform cooperatives struggling with chronic financial fragility. At the 2018 Platform Cooperativism conference in Hong Kong, the project *Musicoi*n presented its model of paying musicians directly in a blockchain-based cryptocurrency, thereby circumventing exploitation by monopolistic platforms¹⁰. At its peak, the value of *Musicoi*n’s cryptocurrency rose to 119 times its initial issue price¹¹. In the years that followed, more blockchain-based platform co-ops emerged. While the dominant narrative framed blockchain as a tool enabling Decentralized Autonomous Organizations (DAOs) and distributed cooperatives¹², a significant driver of this proliferation was the rapid appreciation of many cryptocurrencies—mirroring Bitcoin’s trajectory — which brought substantial financial windfalls to their issuers. When the cryptocurrency bubble deflated, enthusiasm for “blockchain-based platform co-ops” similarly diminished.

A retrospective look at more than a decade of initiatives—from P2P networks to platform cooperativism — reveals a clear preference among advocates for “self-organization.” Hardt and Negri argue that because biopolitical production has supplanted traditional industrial production as the dominant mode of production, the methods

⁶ Wingerter J. 2022. Taxi Co-Op Files for Chapter 11 Bankruptcy. *BusinessDen*. URL: <https://businessden.com/2022/04/20/taxi-co-op-files-for-chapter-11-bankruptcy/> (accessed 10.08.2025).

⁷ Related Discussions Can Be Found on Resonate’s User Forum. URL: <https://community.resonate.coop/t/delete-artist-account/3745/2> (accessed 10.08.2025).

⁸ Scholz T. 2016. Platform Cooperativism: Challenging the Corporate Sharing Economy. *Rosa Luxemburg NYC*. URL: https://rosalux.nyc/wp-content/uploads/2020/11/RLS-NYC_platformcoop.pdf (accessed 10.08.2025).

⁹ Higgins S. 2017. From \$900 to \$20,000: Bitcoin’s Historic 2017 Price Run Revisited. *CoinDesk Latest Headlines RSS*. URL: <https://www.coindesk.com/markets/2017/12/29/from-900-to-20000-bitcoins-historic-2017-price-run-revisited/> (accessed 10.08.2025).

¹⁰ Roundtable II: Blockchain for Co-Ops. 2021. *Platform Cooperativism Consortium*. URL: <https://platform.coop/events/conference-2018/roundtable-ii-blockchain-for-co-ops/> (accessed 10.08.2025).

¹¹ Musicoi Price Today – Musicoi Price Chart & Market Cap (n.d.). *CoinCodex*. URL: <https://coincodex.com/crypto/musicoi/?period=ALL> (accessed 10.08.2025).

¹² Poux P. 2023. What Are Blockchain-Based Platform Cooperatives? *Platform Cooperativism Consortium*. URL: <https://platform.coop/blog/what-are-blockchain-based-platform-cooperatives/> (accessed 10.08.2025).

by which the multitude resists capital must also adapt. They emphasize the design of mechanisms and frameworks that can democratically resolve conflicts within the multitude, rather than relying on the leadership of a Leninist-style vanguard: “when the technical composition of labor has changed so profoundly, any proposal for a vanguardist political composition is, in the best of cases, anachronistic” (Hardt & Negri 2011: 350–352). Technological innovations such as P2P networks, mobile internet, cloud computing, and blockchain have made the creation of decentralized, self-organizing democratic structures theoretically possible.

In practice, however, multiple waves of attempts to build alternative digital systems for the multitude have failed to produce meaningful results. These democratically oriented, spontaneously organized movements — lacking secure political and economic foundations — face opposition from adversaries with state-level economic capacity and political influence. The experience of the past decade suggests that the former has yet to devise a viable strategy for challenging the entrenched monopolistic hegemony of the latter.

Continuing along this path of democratic, spontaneous innovation, Tim Berners-Lee, inventor of the World Wide Web, has sought to use decentralized technology to dismantle Big Tech’s monopoly over data. His proposed solution, *Solid*, enables users to extract their personal data from web platforms and store it in software or devices called “Pods.” Users may then grant platforms permission — potentially in exchange for payment — to access this data, thereby retaining control and benefiting directly from its use¹³. Mhlambi (2020) argues that this approach resonates with the African concept of *Ubuntu*: users voluntarily contribute data to train artificial intelligence for the benefit of the entire community, without transferring it directly to Big Tech. Yet *Solid* has encountered challenges similar to those faced by platform cooperativism. Big Tech has ignored Berners-Lee’s vision entirely; no major monopolistic digital platform supports *Solid*, much less seeks users’ permission to access data through it. As in the case of Facebook’s response to potential competitors, a platform that can crush opposition through its monopoly has no incentive to cooperate — let alone to surrender its most valuable asset.

In sum, over the past two decades — ranging from P2P initiatives to blockchain projects, from platform cooperativism to *Solid* — a segment of technically skilled practitioners has conducted successive experiments in direct democracy, seeking to build alternative digital solutions capable of attracting large user bases and thereby challenging the dominance of Big Tech. Yet these initiatives have failed to exert any meaningful influence on monopolistic digital corporations; most have struggled simply to survive. It must be acknowledged that when Big Tech commands economic resources on a scale comparable to that of a nation-state and exercises enormous influence over public opinion—shaping, and in some cases even affecting, political

¹³ Lohr S. 2021. He Created The Web. Now He’s out to Remake the Digital World. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/10/technology/tim-berners-lee-privacy-internet.html> (accessed 10.08.2025).

processes—the spontaneous organization of the populace faces formidable structural obstacles in creating viable competing platforms. Regulating Big Tech, therefore, is highly likely to require the mobilization of state power.

In Cox's (2007) political theory, *Empire* — the singular hegemonic position of the United States and the hard and soft power that sustain it — alongside the sovereign state in the Westphalian sense and civil society together comprise the prevailing configuration of global power. These three forces are not independent entities; rather, they intersect, overlap, and at times merge. Alliances between any two—whether temporary or long-term—generate new power configurations that shape both the construction and governance of digital space. If one fails to grasp the dynamic interplay among these forces, and instead frames *Empire* and the “multitude” organized as civil society as fixed, opposing poles, one cannot adequately conceptualize a viable strategy for dismantling digital hegemony.

State Participation: Rejecting State Involvement in Building Digital Space

As summarized in the preceding section, the solution advocated by many critics of digital hegemony is to mobilize the power of the “multitude” to effect change through bottom-up action. In practice, such initiatives have succeeded in raising public awareness — particularly in the West — about the nature and harms of digital hegemony. However, they have largely failed to alter the underlying structures of power. Faced with the dual challenge that Big Tech has little incentive for self-reform and that alternative technological solutions struggle to survive in market competition, some scholars have emphasized the importance of involving the state and government in addressing this issue.

State participation in shaping the digital sphere can take various forms, differing in their depth of intervention. A more limited form involves legislating and regulating the conduct of businesses operating in digital markets. A more expansive approach entails formulating industrial policies to guide the development of the digital sector or even engaging directly in digital infrastructure through state-owned assets and enterprises. The former model aligns with the liberal conception of the state as a “night-watchman” and is generally preferred by Western countries. The latter is more frequently criticized — often labelled “socialism” or described as “the state advancing as the private sector retreats” — and continues to be viewed with suspicion by a segment of Western left-wing scholars, notably Negri. In practice, however, Western states acting as “night-watchmen” in their regulation of Big Tech have not achieved notable success. For countries in the Global South, which are latecomers and structurally disadvantaged in the fields of information and digital technology, domestic digital spaces are already dominated by a handful of American Big Tech firms; in such circumstances, legislation alone is manifestly insufficient to counter entrenched digital hegemony.

Madden et al. (2017) note that consumer privacy protections in the United States remain markedly weaker than those under the European Union's General Data Protection Regulation (GDPR) of 2016, and legislative progress has been sluggish. The primary reason lies in the United States' stronger "emphasis on individual liberty and corporate innovation." In other words, in the legislative calculus, the "personal dignity" of consumers ranks below the protection of corporate interests—especially those of Big Tech. This situation persists to the present. The prospects for the American Data Privacy and Protection Act (ADPPA), intended to rival the GDPR as a global de facto standard, remain uncertain¹⁴. At the state level, efforts such as those by Maine State Representative Maggie O'Neil — who sought to enact stricter data privacy legislation — have been blocked by private sector opposition. Her criticism that Big Tech firms "write their own laws" in order to "use our data as they please"¹⁵ encapsulates the structural legislative impasse that characterizes U.S. data privacy policy.

Paradoxically, a 2011 McKinsey research report on the era of big data also recommended legislation to protect user privacy—on the grounds that such regulation would strengthen user confidence and thereby enable companies to collect even more data¹⁶. In other words, even if the United States were to pass the ADPPA, as Madden et al. (2017) have advocated, the monopolistic hold of Big Tech over data would remain largely unchallenged. Zuboff (2020) likewise observes that despite Europe's more advanced privacy and data protection legislation, and its comparatively stronger anti-monopoly stance, companies such as Facebook and Google operate with equal impunity there. Given the structural reality that Europe lacks internet firms capable of competing with American Big Tech, this outcome is unsurprising.

Srnicek (2021: 70) further acknowledges that even if the state were to regulate Big Tech's monopolistic practices, labor exploitation, and privacy violations, such measures would be "unimaginative and would have very little effect" unless they addressed the underlying structural conditions. He therefore proposes that the state invest resources in building publicly owned and controlled internet platforms, treating them as a public utility. Yet a review of global critical scholarship on digital hegemony reveals that proposals for "state-led digitalization" are rare; and where they do appear, they are often mentioned only briefly and without substantive elaboration. The dominant tendency in this body of work is to emphasize the agency of the "multitude" while largely neglecting the role of the state—an omission that is analytically significant.

¹⁴ Parks G.T. and Del Sesto R.W. 2023. US Data Privacy Legislation: Could a Federal Law Be on The Horizon? *Morgan Lewis*. URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2023/07/us-data-privacy-legislation-could-a-federal-law-be-on-the-horizon> (accessed 10.08.2025).

¹⁵ Quinlan K. 2024. Maine Could Have Strongest Data Privacy Law in Nation IF Bill Passes. *StateScoop*. URL: <https://statescoop.com/maine-strongest-data-privacy-law-2024/> (accessed 10.08.2025).

¹⁶ Manyika J., Chui M., Brown B., et al. 2011. Big Data: The Next Frontier for Innovation, Competition, and Productivity. *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation> (accessed 10.08.2025).

Couldry and Mejias (2019) contend that the state's interest in digitalization stems solely from its desire to "exercise surveillance powers to intimidate its citizens or to damage their interests in more subtle ways." This deep-seated suspicion of all forms of state power aligns with the position of Hardt and Negri (2011: x, 164–165), who argue that the state operates by constructing and reinforcing the national identity of "the people," thereby undermining the commonality of the multitude. Within the capitalist social systems of Europe and the United States, such concerns about the state's coercive and ideological functions are not without merit. Yet, when confronted with Big Tech — an industry deeply embedded in the core of the capitalist state's power — reform movements that cannot secure state support inevitably reach an impasse.

According to Lenin's analysis, imperialism represents the "highest stage of capitalism," in which monopoly organisations mature within Western capitalist states and expand globally, competing for markets through colonialism. This expansionary logic is now being replayed in the digital domain. In their critique of ubiquitous computing, Dourish and Mainwaring (2012) note that the development and dissemination of digital technology reproduces a Wallersteinian "core-periphery" structure: technologies created in industrialised Western countries—particularly the United States—are uncritically transplanted into the developing states of the Global South. In this context, "development" for the Global South entails replicating Western technological applications wholesale, effectively opening domestic digital spaces to Big Tech and enabling the unilateral extraction of data resources.

Facebook's *Free Basics* initiative in the Global South, especially in Africa, illustrates this dynamic. While presented as a means of providing free internet access, it has been shown to function as a large-scale system for data extraction and digital experimentation (Nothias 2020) — akin to the railways constructed by former colonial powers in their territories for the purpose of transporting mineral resources. It is no coincidence that much of the infrastructure linking the digital space of the Global South—servers, data centres, and submarine cables—follows the same colonial routes established centuries ago, creating vertical connections between periphery and imperial core. Within this infrastructural framework, data exchanges between Asia and Africa must pass through the United States, delivering the "behavioural surplus" to American Big Tech firms (Couldry & Mejias 2019).

From a Global South perspective, Kwet (2019) observes that American Big Tech monopolises the entire industrial chain of data collection, transmission, storage, analysis, and use—from hardware to software to so-called "cloud computing". "As with typical colonialism", he writes, "data is also exploited as a raw material by imperialist powers". Because there are no universally accepted accounting standards for valuing data assets, the precise economic value extracted from the Global South through the colonial appropriation of "data minerals" remains unknown. Nevertheless, the World Economic Forum estimates that, as of 2022, the digital economy accounts for over 15% of global GDP—more than USD 15 trillion. Even using this as a conservative baseline, the annual value of uncompensated data appropriated from the Global South

by American Big Tech could plausibly reach hundreds of billions, and potentially even one trillion U.S. dollars. This underscores the urgent need for rigorous, quantitative analysis of this economic phenomenon.

In 1979, Mustapha Masmoudi, then Tunisian Minister of Information and later a member of UNESCO's MacBride Commission, observed: "There is an appalling imbalance in the flow of news and information between the North and the South, an imbalance where the flow from the developed countries to the developing world is enormous, while the reverse flow is minuscule" (Masmoudi 1979). In the age of the internet and digitalisation, this imbalance has taken on new dimensions. News and information still flow predominantly from developed countries to the nations of the Global South, but now data — an increasingly valuable asset — flows in vast quantities from the Global South to developed countries, especially to a handful of data technology giants in the United States.

South Africa, one of the more developed states in the Global South, offers a telling example. It has 45.34 million active internet users (70.8% of the population) and 26 million active social media users (40.6%)¹⁷. Among the twenty most visited websites in South Africa, eleven belong to American Big Tech firms, accounting for 86.4% of total web traffic; South Africa's own websites account for only 5.4%¹⁸. Six of the ten most popular smartphone applications in the country are American, with only one — developed for Capitec Bank—originating locally¹⁹. Yet Capitec's information systems run on Microsoft Azure and Amazon AWS cloud services²⁰, meaning that its data is also stored and processed under the control of American Big Tech.

In reality, outside the United States — and particularly in the Global South—rejecting state involvement in the governance of digital space would amount to enacting a form of digital "shock therapy", delivering the vulnerable digital markets of these countries directly into the hands of American Big Tech, which already maintains a position of overwhelming monopoly. Unsurprisingly, this position aligns with the view of the World Economic Forum: "governments just need to be able to access company-owned data remotely; it does not matter where the data is stored"²¹. In practice, this prescription perpetuates the status quo in which the overwhelming majority of Global South states hand over control of their data to U.S. technology corporations.

¹⁷ Statista Research Department. 2025. South Africa: Digital Population 2024. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/685134/south-africa-digital-population/> (accessed 10.08.2025).

¹⁸ Top Websites in South Africa – June 2025 Most Visited & Popular Rankings. 2025. *Semrush*. URL: <https://www.semrush.com/website/top/south-africa/all/> (accessed 10.08.2025).

¹⁹ Top Free Apps Ranking – Most Popular Apps in South Africa. 2022. *SimilarWeb*. URL: <https://www.similarweb.com/apps/top/google/store-rank/za/all/top-free/> (accessed 10.08.2025).

²⁰ CAPITEC Careers: Derick Schmidt, Product Head. 2022. *Capitec*. URL: <https://www.capitecbank.co.za/blog/articles/your-career/capitec-careers-derick-schmidt-product-head-client-data-platform/> (accessed 10.08.2025).

²¹ Flanagan A.J., AlSaeed N. and Warren S. 2020. A Roadmap for Cross-Border Data Flows: Future-Proofing Readiness and Cooperation in the New Data Economy. *World Economic Forum*. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_A_Roadmap_for_Cross_Border_Data_Flows_2020.pdf (accessed 10.08.2025).

As Schiller (1992) noted more than fifty years ago, in circumstances where the United States possesses absolute technological superiority, the doctrine of “free flow of information” — which denies weaker nations the right to regulate the movement of information — functions as “a channel for imposing a way of life and values on weaker nations”. Yet, as previously noted, most Western researchers — working in the intellectual lineage of Negri — lack confidence in the state under capitalism (a category encompassing most Global South countries) and remain unwilling to envisage state power as a legitimate instrument for the governance of digital space.

As Harvey (2009) argues in his critique of *Commonwealth*, “[subverting the existing structures of capitalism and providing an alternative one] is too great a task for a flat, self-organising movement of autonomous beings to accomplish”, and “their argument offers no concrete strategy for... the revolutionary transformation of the material basis of everyday life”. This criticism aptly captures the predicament confronting the various spontaneous struggles of the multitude in the digital sphere. From denouncing Facebook’s racial discrimination to attempting third-party audits of Big Tech algorithms; from exposing the extraction of data resources and appropriation of behavioral surplus to experimenting with technologies like *Solid* to return personal data to users; from P2P networks to platform cooperativism — none of these efforts have significantly dented Big Tech’s hegemonic power.

Their repeated setbacks are not accidental but systemic and rooted in theory. The categorical rejection of any form of sovereign state participation in the construction and governance of digital space has left such movements structurally incapable of mounting a serious challenge. In this sense, a discourse and practice that excludes the state has, paradoxically, become complicit in sustaining Big Tech’s dominance, reinforcing the perception — time and again — that the status quo is immutable.

As previously discussed, disregarding the role of the sovereign state within the current global configuration of political power—and expecting the “multitude” or civil society to confront the “Empire” single-handedly — constitutes a theoretical flaw that has left many Western researchers in a conceptual dead end when seeking strategies to dismantle American digital hegemony. A frequent phenomenon in the Global South is the convergence of American Big Tech — a key pillar of the U.S. tech–military–intelligence complex and thus a concrete embodiment of *Empire* — and segments of civil society (often NGOs) in jointly rejecting state involvement in the governance of digital space. A telling example is Google’s \$300 million “investment” in Latin America to “provide economic opportunities and digital skills training to NGOs”, of which \$250 million consisted of credits redeemable only for Google advertising. This is a classic case of *Empire* and civil society collaborating to obstruct sovereign state efforts to strengthen domestic digital infrastructure and governance capacity²². In such a con-

²² Google.org Commits \$300 Million for Digital Skills in Latin America. 2022. *PND*. URL: <https://philanthropynewsdigest.org/news/google-org-commits-300-million-for-digital-skills-in-latin-america> (accessed 10.08.2025).

text, the portion of civil society that has not been co-opted by *Empire* must form an alliance with the third vertex of the power configuration—the sovereign state—if there is to be any realistic prospect of jointly confronting imperial hegemony.

In this regard, Dean (2019) critiques Negri's vision as "a platform for demands with no vehicle, no substance — Then who is to make the demand?" She adds that "as we learned from Lenin... without the leadership of the Party, it is very difficult for the people to see the situation clearly... Their actions are co-opted and diverted, channeled and packaged to support the system they oppose." It is not difficult to envision that in non-socialist, non-communist-led countries—such as India or Brazil—a social-democratic government should assume the responsibility of allying with and guiding the "multitude". Kavada (2019) advances a complementary strategy of "appropriating the capitalist digital machine": imposing taxes on global internet giants and compensating the public for their unpaid digital labor on online platforms through a universal basic income. Such a policy could create a resource base for alternative digital solutions, including platform cooperatives and P2P production. Crucially, Kavada stresses that to realize such strategies, the Left can no longer "be afraid of... state power," as any alternative developed without the state's support will remain marginalized and economically unsustainable.

Conclusion

It is perhaps no coincidence that among the dozens of scholars critically examined in this article, none could be described as Luddites advocating the abandonment of the internet and a return to a pre-digital era. Given that ceasing the large-scale use of smartphones and social networks is not a viable option, there are essentially only two conceivable paths forward: either to regulate existing (and future) Big Tech firms so that they serve, rather than harm, the broadest segments of the population; or to build alternative digital platforms and, from the standpoint of ownership, ensure that such platforms do not revert to the familiar capitalist trajectory.

After considering the unsuccessful experiences of platform cooperativism, the Non-Aligned Technologies Movement, *Solid*, and other attempts to create alternative digital platforms, Srnicek's concern about whether such initiatives can survive in a capitalist environment appears all the more prescient. Moreover, the vast majority of these alternative platforms have been organized as enterprises; if they were to grow to the scale of hundreds of millions of users, there is no structural mechanism within capitalism to guarantee that they would remain faithful to their founding principles rather than evolving into another iteration of Big Tech. As Fuchs has observed, digital hegemony is essentially the projection of the capitalist system into the digital realm, and any fundamental solution must therefore seek to transform the underlying social system. This raises a crucial question that deserves far greater scholarly attention: what would a socialist, publicly owned — or at least publicly beneficial — digital platform look like?

According to the “Digital Dependency Index” published by the University of Bonn, China is the only country other than the United States to possess a relatively independent information infrastructure. All other states must rely on foreign-owned platforms and related technologies for their digital activities, with most economies almost entirely dependent on foreign platforms — overwhelmingly those of U.S. origin (Mayer & Lu 2023). In contrast to the vision promoted by Big Tech, the Davos elite, and the authors of *Commonwealth* — who depict cyberspace as a “global common” existing beyond national sovereignty — the Chinese government has consistently treated cyberspace as a natural extension of its sovereign territory. In 2007, then-President Hu Jintao, during a collective study session of the CPC Central Committee Politburo, first introduced the expression “cyberspace” and proposed “to make the internet a new channel for disseminating advanced socialist culture, a new platform for public cultural services, and a new space for the healthy spiritual and cultural life of the people”. This formulation clearly continued Deng Xiaoping’s principle, articulated at the 14th National Congress of the CPC (1992), of “grasping with both hands, and keeping both hands firm” in the development of material and spiritual civilization: the online world is not an autonomous realm independent of the material world, but an extension of physical space, and thus falls firmly within the scope of state sovereign control. Since the 18th National Congress of the CPC (2012), the new generation of national leadership under Xi Jinping has repeatedly emphasized that “the internet is not a lawless place,” reaffirming this conceptual approach. Compared to the recommendations of the World Economic Forum, this conception of cyberspace more closely reflects the position and priorities of the Global South.

Against this backdrop, discussion among global critics of American Big Tech’s digital hegemony regarding China’s experience in building and governing its digital space is strikingly limited — if not entirely absent. This general silence is noteworthy. Meijas (2020) asserts that China — like the United States — is “another power center of data colonialism”. Fuchs (2015) likewise contends that “commercial and profit-driven logic dominates the Chinese internet and Chinese social media, just as it dominates the American internet”. Jack Linchuan Qiu (2016) describes how Foxconn in China and Apple in the United States form an alliance within the broader framework of the global capitalist system, transforming both workers and consumers into “iSlaves”. Such perspectives — framing Chinese digitalization as essentially no different from that of the United States — may have contributed to the reluctance of many critics to consider the Chinese experience as a potential model for countering the digital hegemony of American Big Tech.

Lü Xinyu (2018) recalls that China’s internet sphere in the 2000s was initially controlled and embedded within global hegemony — particularly through the persistence of Cold War discourse into the post-Cold War era. Following the strict containment of attempted Western-style “colour revolutions”, the sphere evolved into one dominated by the market and by data monopolies established by domestic Big Tech firms such as Baidu, Alibaba, and Tencent (collectively known as BAT) — the same “commer-

cial and profit-driven logic” identified by Fuchs. However, a significant turning point came with the 2016 *Speech at the Symposium on Cybersecurity and Informatisation Work*, which set a political ceiling on the activities of Chinese internet enterprises. The government explicitly required that the development of the internet and informatization “must implement a people-centered development philosophy”. In the years since, under this policy framework, the Chinese state has implemented a series of regulatory measures and policy guidelines directed at its Big Tech sector, addressing in concrete terms several of the harms of digital hegemony outlined earlier in this article.

Is China constructing the “alternative internet under an alternative model of social relations” that Fuchs envisions? Answering this question requires sustained theoretical and empirical investigation — far beyond the scope of this article. Yet at least phenomenologically, it is observable that over the past decade, the Chinese government (and the ruling party) has forged an alliance with its population — though not necessarily in the form of “civil society” as understood in the Western context — to counter the digital hegemony of the *Empire*, achieving notable results. These cases, and the theoretical insights they offer into the current configuration of global power, merit careful attention from researchers.

About the author:

Jie Xiong – Director of Global South Center, International Communication Research Institute, East China Normal University. North Zhongshan Rd. 3663 200051 Shanghai, China.
E-mail: gigix1980@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

УДК: 32:004.9:316.32:327(100)
Поступила в редакцию: 20.05.2025
Принята к публикации: 11.07.2025

Преодолевая ограничения «множества»: союз государства и общества против цифровой гегемонии техногигантов

Сюн Цзе

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-85-109](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-85-109)

Научно-исследовательский институт глобальной коммуникации Восточно-Китайского педагогического университета

В статье рассматриваются ограничения преобладающих в западной науке подходов к анализу цифровой гегемонии американских технологических корпораций, сформированных под влиянием теоретического наследия Антонио Негри. Подчёркивается, что акцент Негри на «множестве» и борьбе, основанной на идентичности, способствовал выявлению и осмыслению целого ряда противоречий — расовых, гендерных и классовых, — воспроизводимых и усиливаемых в цифровом пространстве. Вместе с тем категорическое отрицание роли суверенного государства как субъекта борьбы с гегемонией привели эти подходы к устойчивому стратегическому тупику.

На основе обширного анализа критической литературы и эмпирических примеров исследуются различные формы стихийного сопротивления «снизу – вверх» — платформенные кооперативы, пиринговые сети, блокчейн-инициативы, аудит алгоритмов, просветительские кампании — и показывается их неспособность существенно поколебать монопольное положение Big Tech.

Опираясь на «акторный треугольник» глобального управления Роберта Кокса (*Империя*, суверенное государство, гражданское общество), автор обосновывает, что эффективное противодействие цифровой гегемонии возможно лишь при формировании альянса государства и некооптированных сегментов гражданского общества. Отдельное внимание уделено странам Глобального Юга, где сочетание доминирования Big Tech и опосредованного через НПО гражданского общества зачастую подрывает усилия государств по обеспечению цифрового суверенитета. В качестве контрпримера рассмотрен опыт Китая, где с 2016 г. государство установило политические ограничения для национальных Big Tech, реализовало ориентированную на народ регуляторную политику и сохранило суверенный контроль над цифровым пространством. Несмотря на некоторые внутренние противоречия, данный опыт демонстрирует, что альянс государства и общества способен приносить ощутимые результаты в противостоянии цифровой мощи *Империи*.

В заключение делается вывод, что преодоление цифровой гегемонии требует отхода от парадигм, ориентированных на спонтанность, в пользу стратегий, поддержанных государством, — особенно в странах Глобального Юга.

Ключевые слова: цифровая гегемония; Антонио Негри; коалиция государства и гражданского общества; Глобальный Юг; цифровой суверенитет

Об авторе:

Сюн Цзе (Xiong Jie) – директор Центра Глобального Юга Научно-исследовательского института глобальной коммуникации Восточно-Китайского педагогического университета. Адрес: КНР, 200051, Шанхай, Северная Чжуншаньская дорога (North Zhongshan Rd.), 3663. E-mail: gigix1980@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Bauwens M. 2013. Thesis on Digital Labor in an Emerging P2P Economy. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory. Essay*, New York: Routledge.
- Benjamin R. 2020. *Race after Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code*. Cambridge: Polity.
- Casilli A. 2017. Digital Labor Studies Go Global. *International Journal of Communication*. №11. P. 3934–3954.

- Costanza-Chock S. 2020. *Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Couldry N. and Mejias U.A. 2019. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Cox R.W. 2007. 'The International' in Evolution. *Millennium: Journal of International Studies*. 35(3). P. 513–527. DOI: 10.1177/03058298070350030901
- Dean J. 2013. Whatever Blogging. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 162–188.
- Dean J. 2019. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics. Chandler D. and Fuchs C. (eds). *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*. Essay. London: University of Westminster. P. 171–182.
- Dourish P. and Mainwaring S.D. 2012. UBICOMP's Colonial Impulse. *Proceedings of the 2012 ACM Conference on Ubiquitous Computing*.
- Eubanks V. 2019. *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. New York, NY: Picador.
- Fuchs C. 2013. Class and Exploitation on the Internet. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 263–279.
- Fuchs C. 2015. Baidu, Weibo and Renren: The Global Political Economy of Social Media in China. *Asian Journal of Communication*. 26(1). P. 14–41. DOI: 10.1080/01292986.2015.1041537
- Hardt M. and Negri A. 2001. *Empire*. Harvard University Press.
- Hardt M. and Negri A. 2011. *Commonwealth*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Harvey D., Hardt M. and Negri A. 2009. Commonwealth: An Exchange. *Artforum*. 48(3).
- Jallat F. and Capek M.J. 2001. Disintermediation in Question: New Economy, New Networks, New Middlemen. *Business Horizons*. 44(2). P. 55–60. DOI: 10.1016/S0007-6813(01)80023-9
- Kavada A. 2019. The Movement Party – Winning Elections and Transforming Democracy in a Digital Era : Reflections on Paolo Gerbaudo's Chapter. Chandler D. and Fuchs C. (eds). *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*. Essay. London: University Of Westminster. P. 199–204.
- Kosnik A.D. 2013. Fandom as Free Labor. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 123–142.
- Kwet M. 2019. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race & Class*. 60(4). P. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Lü X. 2018. "Archaeologies of the Future" in the New Media Era: The Reform of Chinese Media in the Perspective of Communication Political Economics. *Journal of Shanghai University (Social Sciences Edition)*. 35(1). P. 121–140.
- Madden M., Gilman M., Levy K., et al. 2017. Privacy, Poverty, and Big Data: A Matrix of Vulnerabilities for Poor Americans. *Washington University Law Review*. 95(1). P. 53–125.
- Marx K. 1976. The Poverty of Philosophy. *Marx-Engels Collected Works*. Essay. New York: International Publishers.
- Marx K. 1977. *Capital: A Critique of Political Economy*. New York: Penguin.
- Masmoudi M. 1979. New World Information Order. *Journal of Communication*. 29(2). P. 172–179.
- Mayer M. and Lu Y.-C. 2023. Digital Autonomy? Measuring the Global Digital Dependence Structure. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.4404826

- McIlwain C.D. 2021. *Black Software: The Internet and Racial Justice, from the AFROnet to Black Lives Matter*. New York: Oxford University Press.
- Mezzadra S. and Neilson B. 2019. *The Politics of Operations: Excavating Contemporary Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Mhlambi S. 2020. From Rationality to Relationality: Ubuntu as an Ethical and Human Rights Framework for Artificial Intelligence Governance. *Carr Center Discussion Paper Series*. №9.
- Miliband R. 1985. The New Revisionism in Britain. *New Left Review*. №150.
- Negri A. and Hardt M. 2014. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Books.
- Negri A. and Valvola Scelsi R. 2006. *Goodbye Mr. Socialism*. Milano: Feltrinelli.
- Noble S.U. 2018. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press.
- Nothias T. 2020. Access Granted: Facebook's Free Basics in Africa. *Media, Culture & Society*. 42(3). P. 329–348. DOI: 10.1177/0163443719890530
- O'Neil C. 2016. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Crown.
- Qiu J.L. 2016. *Goodbye iSlave: A Manifesto for Digital Abolition*. Chicago: University of Illinois Press.
- Ross A. 2013. In Search of the Lost Paycheck. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 13–32.
- Schiller H.I. 1992. *Mass Communications and American Empire*. Westview Press.
- Scholz T. 2013. Introduction: Why Does Digital Labor Matter Now? Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 1–9.
- Srnicek N. 2021. *Platform Capitalism*. Malden, Massachusetts: Polity Press.
- Terranova T. 2013. Free Labor. Scholz T. (ed.). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. Essay. New York: Routledge. P. 44–75.
- Thatcher J., O'Sullivan D. and Mahmoudi D. 2016. Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data. *Environment and Planning D: Society and Space*. 34(6). P. 990–1006. DOI: 10.1177/0263775816633195
- Zuboff S. 2020. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs.

Влияние китайско-американского соперничества на безопасность в Персидском заливе

Н.Н. Бобкин

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН)

Стратегические и экономические интересы Пекина, а также необходимость в стабильных поставках энергоресурсов укрепили сотрудничество между КНР и странами Персидского залива. Эта система характеризуется сложной архитектурой взаимосвязей, включающей в себя не только прямые торговые потоки, но и политические альянсы, инвестиционные проекты и инфраструктурные инициативы. Рост влияния Китая и ослабление позиций США могут существенно изменить военно-политическую ситуацию. Прибрежные арабские государства, несмотря на исторически сложившиеся тесное сотрудничество с США, стремятся избежать однозначного выбора между Вашингтоном и Пекином. Цель исследования — определить, как стратегическое соперничество между США и КНР, которое представляет собой сложный комплекс взаимодействий, где у каждой стороны свои роли и стратегии, влияет на международные отношения и безопасность в субрегионе Персидского залива. Для этого автор оценивает изменения в концептуальных подходах руководства США к стратегической конкуренции с КНР, а также рассматривает основные принципы внешней политики Китая, которые позволяют ему усиливать влияние в субрегионе. Далее анализируется, как напряжённость между Саудовской Аравией и Ираном воздействует на региональную стратегию КНР и, как следствие, на отношения между Вашингтоном и Пекином. Анализ влияния соперничества США и Китая на стратегии ОАЭ проводится как в контексте двусторонних отношений, так и в региональном аспекте. Особое внимание уделяется тому, как Эмираты поддерживают баланс в отношениях с этими странами и укрепляют свои позиции в качестве регионального лидера. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что Пекин усиливает свои позиции в Персидском заливе благодаря собственной политике и важной геополитической тенденции, которая отражает формирование многополярности в этом субрегионе. В условиях растущей конкуренции между великими державами Китай демонстрирует способность эффективно участвовать в региональных делах. Государства Персидского залива не хотят делать выбор между США и Китаем, а стремятся сохранить свою независимость. Однако в вопросах обороны и безопасности они вынуждены полагаться на помощь Соединённых Штатов.

Ключевые слова: стратегическое соперничество между США и Китаем, биполярность и многополярность, региональные отношения, государства Персидского залива, Иран, безопасность

УДК: 327.5:327.82(73+510:536)
Поступила в редакцию: 20.02.2025
Принята к публикации: 11.06.2025

В международных отношениях XXI в. одной из ключевых проблем является растущее соперничество между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Вашингтон стремится сохранить свой статус единственной сверхдержавы в мире, однако подъём Китая бросает вызов гегемонии США. Пекин стремится к созданию многополярного мира, в котором у него будет возможность оказывать влияние, сравнимое с другими странами.

В ответ на эти изменения среди американских политиков сложилось широкое согласие о том, что Ближний Восток больше не является ключевым направлением американской стратегии. В разных администрациях стратегические приоритеты были смещены в сторону Европы и Азии, что отражает общую тенденцию к соперничеству между великими державами на глобальном уровне.

Многие аналитики утверждают, что за последние два десятилетия произошли значительные изменения в ключевых национальных интересах США, которые требуют переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) для противодействия вызовам, связанным с усилением Китая. Они считают, что именно в Азии необходимо сосредоточить основные военные, экономические и дипломатические ресурсы США (Blackwill, Fontaine 2024).

Выполнение этих намерений периодически прерывалось кризисными явлениями на Ближнем Востоке. Рост ИГИЛ¹, гражданская война в Сирии и обострение отношений с Ираном вынуждали Вашингтон активно вмешиваться в ситуацию в регионе и поддерживать значительное военное присутствие. Это существенно воздействует на международные связи в регионе в целом и в районе Персидского залива в частности, где политика США всё больше сосредотачивается на противодействии растущему влиянию Китая. Данный подход стал не только основой региональной деятельности правительства США, а также ключевым элементом в многочисленных исследованиях американских учёных.

В их числе можно назвать доклад «Соперничество великих держав и конфликт на Ближнем Востоке», в котором представлены итоги исследования конкуренции между США, Китаем и Россией за влияние в регионе (Rhoades, Treyger 2023). В монографии Стивена Кука «Соперничество крупных держав на Ближнем Востоке» сделан вывод, что эпоха, когда США безраздельно доминировали, подошла к концу. Теперь регион открыт для воздействия со стороны не только великих держав, но и крупных государств и региональных соперников (Cook 2021).

Среди работ, опубликованных в последние годы, также можно выделить исследование, проведённое Марком Линчем, который указывает на то, что американская гегемония оказывала значительное влияние на политику Ближнего

¹ Организация запрещена в РФ.

Востока на протяжении многих десятилетий, однако в последнее время это влияние ослабело (Lynch 2024). Джон Альтерман отмечает, что подход США к решению региональных проблем, связанных с Китаем, является деструктивным, поскольку вся вина возлагается на китайскую сторону (Alterman 2024: 12, 14).

Среди китайских специалистов интерес вызывают труды Ню Синьчуня. Изучая сценарии соперничества США и Китая на Ближнем Востоке, он утверждает, что региональные трения между двумя державами до сих пор оставались относительно ограниченными, отчасти из-за диверсифицированных форм взаимодействия (Niu 2022). Этот автор отмечает также, что основные интересы Китая на Ближнем Востоке имеют экономическую составляющую, но не ограничиваются ею. Кроме того, существуют и другие аспекты, политические, стратегические и вопросы безопасности, которые переплетаются и вступают в противоречие с экономическими интересами (Niu 2021). Ню Синьчунь приходит к заключению, что конкуренция с США не является определяющим фактором в формировании внешнеполитического курса Китая на Ближнем Востоке. Однако, по его мнению, глобальное соперничество между Китаем и США оказывает значительное влияние на отношения Пекина с ближневосточными государствами, на которые усиливается давление со стороны США с целью склонить их к выбору между двумя соперничающими сторонами (Niu 2025).

Шэ Ганчжэн анализирует ситуацию на Ближнем Востоке как на глобальном, так и на региональном уровне, учитывая растущее соперничество между Китаем и США (She 2021). Он также исследует роль Персидского залива в долгосрочной перспективе внешней политики Китая. Отмечается, что обострение китайско-американского соперничества, возможное ослабление регионального влияния США и усиление значимости Персидского залива могут побудить Китай к более активному участию в делах региона (Fardella, She 2024).

В данной работе были также использованы результаты исследований Джона Фултона, изложенные в монографии «Отношения Китая с монархиями Персидского залива» (Fulton 2018), а также в научной статье, посвящённой углублению связей Китая с Ираном (Fulton 2021).

В отечественной литературе рассмотрению вопросов, связанных с соперничеством США и КНР, уделяется значительное внимание. Исследователи анализируют современные отношения между двумя странами, их экономическую и военную мощь, а также геополитические интересы и последствия для мирового сообщества. Кроме того, изучается влияние американо-китайских отношений на другие страны и регионы, включая Ближний Восток.

В рамках рассматриваемой темы заслуживает внимания работа И.А. Истомина, в которой анализируется, как США реагируют на усиление Китая (Истомин 2024). В работе С.Г. Лузянина и Ю.Н. Алексеевой изучается китайская политика на Ближнем Востоке в экономическом и политическом аспектах. Особое внимание уделяется роли инициативы «Один пояс, один путь» в укреплении связей с Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираном (Лузянин, Алексеева 2024).

В исследовании о взаимодействии Китая со странами ССАГПЗ в энергетике, торговле и инвестициях авторы подчёркивают, что эти отношения выходят за рамки экономики и связаны со стратегическими интересами Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что усиливает его влияние в Персидском заливе (Савичева и др. 2022).

Н.Ю. Сурков рассматривает возможность того, что сближение Саудовской Аравии с Китаем и Россией может стать альтернативой стратегическому союзу с США (Сурков 2022). В работах Г.Г. Косача проводится анализ эволюции внешней политики Саудовской Аравии (Косач 2019), а также исследуется трансформация внешней политики королевства, в основе которой лежит противостояние с Ираном (Косач 2022). Исследование, проведённое Т.И. Тюкаевой, посвящено анализу подходов, применяемых Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром в контексте формирования системы регионального и мирового устройства (Тюкаева 2024).

В своём предыдущем изучении современного состояния регионально-го соперничества между США и Китаем на Ближнем Востоке автор пришёл к выводу, что США по-прежнему играют важную роль в регионе. Однако в ближайшие годы Китай будет усиливать своё влияние, особенно благодаря тесным связям Пекина с арабскими государствами Персидского залива и Ираном (Бобкин 2024).

В данном исследовании предпринимается попытка переосмыслить процесс формирования стратегического противостояния между двумя державами — Китаем и США — и его влияние на их внешнеполитические стратегии и военную политику в контексте перехода к многополярному мироустройству. Для достижения этой цели проводится анализ ключевых аспектов китайско-американских противоречий в отношениях с государствами Персидского залива, исследуется их динамика в контексте современных реалий, оценивается текущее состояние американо-китайского соперничества и определяются возможные направления развития.

Завершение эпохи однополярного мира, находившегося под эгидой Соединённых Штатов, и продолжающийся процесс перераспределения влияния в международной системе представляют собой ключевые факторы, способствующие возрождению конкуренции между крупнейшими державами. В работе анализируется, приведёт ли это соперничество в регионе Персидского залива к продолжению конкурентного сосуществования или же оно может усилить конфронтацию. Хотя конфликт и не является неизбежным, важно осознавать вероятность его возникновения и понимать, как можно предотвратить нарастание напряжённости.

Автор следовал парадигме неореализма, включая теорию баланса сил и региональных комплексов безопасности. Этот подход предполагает, что внешняя политика государства определяется логикой международной системы и распределением силы между странами. Теория «властного транзита» также оказалась

полезной. Она помогла лучше понять роль и место Китая, который превращается в сверхдержаву на мировой арене. Для комплексного анализа исследуемых вопросов был применён междисциплинарный подход, интегрирующий теоретические и эмпирические знания из различных научных областей. В рамках данного исследования использовались общенаучные методологические инструменты, такие как методы анализа и синтеза, классификация и ранжирование, а также системный и структурный подходы. Это позволило не только расширить методологическую базу исследования, но и выявить новые тенденции в динамике международных отношений и безопасности в исследуемом субрегионе.

Эволюция американских стратегий в отношении конкуренции с Китаем

Завершение эпохи однополярного мира, где доминировали США, и продолжающийся процесс перераспределения власти в международных отношениях привели к возрождению соперничества между великими державами. Эта эпоха представляет собой конкуренцию великих держав из трёх государств, где США, Китай и Россия борются за международный статус и власть, и где траектория относительной власти от долго доминировавшей Америки к любому из соперников остаётся незавершённой и далеко не определённой. Тем не менее в последние годы аналитики всё чаще говорят о конкуренции великих держав (*Great Power Competition*). Для описания этого процесса используются разные термины: «геостратегическая конкуренция», «всеобъемлющая конкуренция», «соперничество великих держав» и другие². Эти дискуссии, помимо разнообразия мнений, демонстрируют, что мы наблюдаем трансформацию в мировом порядке, а также подчёркивают важность конкуренции как ключевого фактора в современной геополитической обстановке.

В США после окончания Холодной войны осознали новую реальность, когда подъём Китая стал особенно заметен. Процесс стартовал с избрания Барака Обамы в 2008 г., когда он стремился сократить американское присутствие на Ближнем Востоке, и ему удалось вывести войска из Ирака. Госсекретарь Хиллари Клинтон предложила «разворот» в сторону Азии, что стало удобным предлогом для этого³. США планировали усилить свои позиции по шести ключевым направлениям⁴: укрепить двусторонние альянсы в сфере безопасности, углубить сотрудничество с новыми мировыми державами, включая Китай, активизировать взаимодействие с региональными многосторонними институтами, расширить торговые и инвестиционные связи, создать масштабное

² О применении термина “great power competition” в XXI в. см.: Friedman U. 2019. The New Concept Everyone in Washington Is Talking About. *The Atlantic*. 06.09. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/08/what-genesis-great-power-competition/595405/> (accessed 30.01.2025).

³ Clinton H. 2011. America's Pacific Century. *Foreign Policy*. 11.11. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed 30.01.2025).

⁴ Ibid

военное присутствие и продвигать демократические ценности и права человека. Однако администрация Обамы не планировала в полной мере переходить к стратегическому соперничеству с Китаем. В том числе, это было связано с надеждой на то, что стратегия вовлечения Китая в международные процессы принесёт свои плоды и сделает Пекин «ответственным участником международной системы» (Zoellick 2020).

Тем не менее концепция конкуренции великих держав оказала заметное влияние на политику администрации Обамы. В 2014 г. министр обороны Чак Хейгел, размышляя об «агрессии России» в Европе и «конкуренции восходящих держав» в АТР, выразил беспокойство, что «устойчивые и возрастающие державы бросают вызов мировому порядку, который американское лидерство помогло создать после Второй мировой войны»⁵. К 2015 г. заместитель министра обороны Роберт Уорк регулярно говорил о «конкуренции великих держав», подчёркивая свои усилия по поддержанию военного превосходства над противниками⁶.

Однако многие республиканцы выражали недовольство тем, что Обама воздерживался от более чёткого обозначения конкурентных целей в отношениях с Пекином, в частности, не планировал дополнительного размещения американских войск⁷. Поворотный момент наступил с избранием Дональда Трампа, который выражал недовольство политикой американских лидеров, обвиняя их в слабости и отсутствии решительности в мире, где каждый стремится защитить свои интересы⁸. Военный теоретик Х.Р. Макмастер стал советником по национальной безопасности, обозначив мир не как «глобальное сообщество», а как «конкурентную арену»⁹. Ему было поручено возглавить разработку Стратегии национальной безопасности (СНБ) администрации Трампа.

Решение сделать вопрос соперничества между крупными государствами одним из основных в новой СНБ было поддержано президентом, высокопоставленными чиновниками его администрации и главами ключевых оборонных ведомств. В СНБ 2017 г. Китай, наряду с Россией, упоминается как «ревизионистская держава», стремящаяся бросить вызов США не только в экономическом и военном отношении, но и путём использования киберпространства и новых технологических достижений¹⁰.

⁵ Reagan National Defense Forum Keynote. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. 2014. *U.S. Department of Defense*. 15.11. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/606635/reagan-national-defense-forum-keynote/> (accessed 30.01.2025).

⁶ Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum. 2015. *Center for a New American Security (CNAS)*. 14.12. URL: <https://www.cnas.org/publications/transcript/remarks-by-defense-deputy-secretary-robert-work-at-the-cnas-inaugural-national-security-forum> (accessed 30.01.2025).

⁷ Saunders P.J. 2021. America's Evolving Approach to Great Power Competition. *Valdai Club Foundation*. 17.02. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/america-s-evolving-approach-to-great-power/> (accessed: 30.01.2025).

⁸ Friedman U. 2016. How Donald Trump Could Change the World. *The Atlantic*. 07.11. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/trump-election-foreign-policy/505934/> (accessed 30.01.2025).

⁹ McMaster H.R., Cohn G. 2017. America First Doesn't Mean America Alone. *The Wall Street Journal*. 30.05. URL: <https://www.wsj.com/articles/america-first-doesnt-mean-america-alone-1496187426> (accessed 30.01.2025).

В Стратегии национальной обороны (СНО), представленной в начале 2018 г., предлагается аналогичный прогноз, в котором утверждается, что «главным вызовом процветанию и безопасности США является возрождение долгосрочной стратегической конкуренции», в которой противники Америки «хотят сформировать мир в соответствии с их авторитарной моделью — получение права вето на экономические, дипломатические и решения по безопасности других стран»¹¹. Элбридж А. Колби, заместитель помощника министра обороны по стратегии и развитию вооружённых сил, объяснил, что «это не стратегия конфронтации, но это стратегия, которая признаёт реальность конкуренции»¹². Министр обороны США Джеймс Мэттис, комментируя этот документ, подчеркнул, что США продолжают вести кампанию против террористов, но «конкуренция великих держав, а не терроризм, теперь является главным фокусом национальной безопасности США»¹³.

В СНБ и СНО администрации Трампа, тесно увязывая новую эпоху конкуренции великих держав с национальной безопасностью, американские политики подчёркивают, что эта конкуренция прежде всего связана с военным противостоянием с Китаем¹⁴. Однако, несмотря на связь оборонной политики с конкуренцией, она не требует, чтобы военные действия были её главным приоритетом, подчёркивается, что государства сами решают, как эту конкуренцию интерпретировать (Wendt 1992).

В начале 2021 г. администрация президента Джозефа Байдена столкнулась с новой реальностью усиливающейся глобальной конкуренции великих держав, которая заметно влияла на основные модели геостратегического взаимодействия. Очевидно, что мир становится всё более многополярным, и в нём есть три ведущие державы. Соединённые Штаты занимают лидирующую позицию в этом триумvirате, Китай становится всё более сильным конкурентом, а Россия стремится сохранить своё влияние. В совокупности развивающиеся стратегические цели Китая и России несовместимы с теми, которые были установлены американской властью в эпоху после Второй мировой войны¹⁵.

¹⁰ National Security Strategy of the United States of America. 2017. *Trump White House*. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 30.01.2025).

¹¹ 2018 National Defense Strategy Summary. URL: <https://media.defense.gov/2020/May/18/2002302061/-1/-1/2018-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-SUMMARY.PDF> (accessed 30.01.2025).

¹² Garamone J. DoD Official: National Defense Strategy Will Rebuild Dominance, Enhance Deterrence. *DoD News*. URL: <https://www.jcs.mil/Media/News/News-Display/Article/1419390/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/> (accessed 30.01.2025).

¹³ Baron K. 2018. Mattis: Pentagon Shifting Focus to Great Power Competition — 'Not Terrorism'. *Defense One*. 19.01. URL: <https://www.defenseone.com/policy/2018/01/mattis-declares-pentagon-will-shift-focus-great-power-competition-not-terrorism/145305/> (accessed 30.01.2025).

¹⁴ Kausikan B. 2023. Navigating the New Age of Great-Power Competition. *Foreign Affairs*. 12.09. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-great-power-competition-russia-guide> (accessed 30.01.2025).

¹⁵ Garamone J. 2021. Deterrence Ensures Great Power Competition Doesn't Become War, Milley Says. *U.S. Department of Defense*. 07.12. URL: www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2865253/deterrence-ensures-great-power-competition-doesnt-become-war-milley-says/ (accessed 30.01.2025).

Несмотря на то, что Китай и Россия в роли основных конкурентов США часто рассматриваются вместе, две страны с такими существенно разными экономическими потенциалами не могут представлять сопоставимые вызовы для американского доминирования. В этом контексте Китай рассматривается как единственный потенциальный соперник, способный объединить свои экономические, дипломатические, военные и технологические ресурсы для того, чтобы бросить вызов существующей международной системе. Россия же характеризуется как страна, стремящаяся усилить своё влияние в мире и играть более активную роль на международной арене¹⁶. Об этом сказал госсекретарь Энтони Блинкен в своей речи о внешней политике в начале марта 2021 г.: «Вызов, брошенный Китаем, иной. Китай — единственная страна, обладающая экономической, дипломатической, военной и технологической мощью, чтобы серьёзно бросить вызов стабильной и открытой международной системе — всем правилам, ценностям и отношениям, которые заставляют мир работать так, как мы хотим, потому что это в конечном итоге служит интересам и отражает ценности американского народа¹⁷.

Особое внимание администрации Байдена к конкуренции великих держав привело к попытке преодолеть разные подходы в деятельности Госдепартамента и Министерства обороны. В начале 2023 г. Объединённый комитет начальников штабов США выпустил новый документ по стратегии США под названием «Совместная концепция конкуренции» (Joint Concept for Competing)¹⁸. В документе приведена переоценка как необходимости глобального подхода к конкуренции, так и угроз, исходящих от потенциально враждебных России и Китая, и некоторых других государств, таких как Иран и Северная Корея.

Во вступительном слове генерал Милли, председатель Объединённого комитета начальников штабов США, ясно дал понять, что американская стратегия не может быть направлена исключительно на победу в военном смысле. Он процитировал Генри Киссинджера, который отметил: «Цель не в том, чтобы победить, а в том, чтобы увеличить свои возможности и ограничить возможности противника. Важно стремиться к постоянному стратегическому прогрессу¹⁹».

Представленная концепция рассматривает долгосрочную стратегическую конкуренцию как «постоянную и длительную борьбу, которая происходит между двумя или более противниками, стремящимися преследовать несовместимые интересы, не обязательно вступая в вооружённый конфликт друг с другом»²⁰.

¹⁶ Lynch T., Saunders P. 2020. Contemporary Great Power Geostategic Dynamics: Relations and Strategies. *Strategic Assessment*. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2404308/3a-contemporary-great-power-geostrategic-dynamics-relations-and-strategies/> (accessed 30.01.2025).

¹⁷ Blinken A. 2021. A Foreign Policy for the American People. *Department of State*. 03.03. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (accessed 30.01.2025).

¹⁸ Joint Concept for Competing. 10.02.2023. URL: <https://drive.google.com/file/d/13WAYsbN5fyF-guDZH94UwDwoR1XW-wQQx/view> (accessed 30.01.2025).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

Комментируя это определение, Энтони Кордесман предлагает своё понимание «конкуренции» и «соперничества». По его мнению, соперничество — это отношения между двумя или более субъектами (государствами), которые регулярно конкурируют, в то время как конкуренция — это действие, предпринимаемое для оспаривания господства в определённой области²¹.

Таким образом, как термин «конкуренция великих держав» подразумевает соперничество, окрашенное антагонизмом и враждебностью. Это так, хотя некоторые официальные лица США пытались придать этой концепции позитивный оттенок²². Именно соперничество описывает взаимную конкуренцию между двумя или более государствами за господство. В этом противостоянии XXI в. конкуренция вытесняет сотрудничество и побуждает антагонистов преследовать собственные интересы.

В условиях глобальной конкуренции между великими державами Ближний Восток оказывается одним из наиболее значимых регионов, где эта борьба проявляется особенно ярко. Политики США рассматривают Ближний Восток как арену противостояния между Америкой и Китаем, а также в меньшей степени Россией. Хотя последние администрации США посылали неоднозначные сигналы о повороте в другие регионы мира, американцы занимают лидирующие позиции. Сверхдержава по-прежнему сохраняет своё преимущество в получении, доступе, базировании и пролёте, имея более 34000 человек личного состава по всему региону, а также имеет абсолютное превосходство в экспорте основных видов вооружений²³. Дальнейшее военное присутствие США в регионе теперь рассматривается через призму нарратива о конкуренции великих держав²⁴.

Конкуренция с США и внешнеполитический курс КНР в регионе

Конкуренция великих держав и рост влияния Китая происходят почти одновременно и становятся двумя ключевыми факторами, определяющими политику Пекина на Ближнем Востоке. Однако, в китайском подходе стратегическое соперничество с США не выступает в качестве определяющего фактора при формировании внешнеполитического курса.

²¹ Cordesman A. 2023. The U.S. Joint Chiefs New Strategy Paper on Joint Concept for Competing. *Center for Strategic and International Studies*. 17.03. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-joint-chiefs-new-strategy-paper-joint-concept-competing> (accessed 30.01.2025).

²² McMaster H.R., Cohn G. 2017. America First Doesn't Mean America Alone. *The Wall Street Journal*. 30.05. URL: <https://www.wsj.com/articles/america-first-doesnt-mean-america-alone-1496187426> (accessed 30.01.2025).

²³ Diaaeldin H. 2023. Great Power Competition and Rebalancing Acts in the Middle East. *Al Habtoor Research Centre*. 31.05. URL: <https://www.habtooresearch.com/programmes/great-power-competition-and-rebalancing-acts-in-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

²⁴ Garamone J. 2021. Great Power Competition Adds to Challenges in Middle East. *DOD News*. 09.02. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2498114/great-power-competition-adds-to-challenges-in-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

Высказывается мнение, что решающее значение имеют политические, экономические и военные соображения, обусловленные интересами Пекина в данной части мира (Niu 2022). Вместе с тем стратегическая конкуренция с США оказывает значительное воздействие на взаимоотношения Китая с ближневосточными странами. Перспектива дальнейшего усложнения отношений между Пекином, Вашингтоном и государствами Персидского залива становится всё более явной, и все участники этого процесса сталкиваются с новыми обстоятельствами, которые ведут к пересмотру их стратегий (Zhao 2022).

Для того чтобы усилить своё международное влияние, Китаю необходимо будет тщательно контролировать своё участие в региональных процессах. Это поможет избежать разочарования среди государств региона и минимизировать конфликты с внешними игроками, такими как США и ЕС (Gao, Liu 2020). Это имеет существенное значение, поскольку Ближний Восток приобретает важнейшее значение в формирующемся многополярном мире. Несмотря на то, что обе страны являются наиболее мощными в мире, ни одна из них не настроена объединять ресурсы или активизировать глобальные усилия для решения транснациональных проблем (Winkler 2023).

Не вызывает сомнений, что Китай стал в Персидском заливе полномасштабным конкурентом, способным оспорить экономическое, технологическое и военное лидерство США. Некоторые эксперты критикуют Белый дом за задержку «поворота в Азию», к которому стремились три администрации США²⁵. Но эти оценки упрощают геополитическую ситуацию, игнорируя прогресс Китая в других регионах. В действительности китайская стратегия является глобальной, и методы, применяемые в АТР, используются в других местах, включая Персидский залив.

Китай сыграл ключевую роль в нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией и активно работал с государствами Персидского залива на многосторонних форумах. Например, он возглавил усилия по их включению в западные международные организации, в т. ч. БРИКС²⁶ и ШОС²⁷. Саудовская Аравия и ОАЭ надеются получить экономическую выгоду от более тесных связей с Китаем и Россией в сфере энергетики, но также рассматривают членство в БРИКС как способ ускорить формирование многополярного мирового порядка, более благоприятного для их интересов (Gu 2023).

Несмотря на это, американские администрации стремятся оказывать давление на страны Персидского залива, чтобы те сделали выбор между Вашингтоном и Пекином. Однако эта стратегия не оправдала себя, так как не учитывает

²⁵ Mitchell A. 2019. The Middle East In An Era Of Great Power Competition. *The Hoover Institution*. 12.12. URL: <https://www.hoover.org/research/middle-east-era-great-power-competition> (accessed 30.01.2025).

²⁶ Shepherd Cr. 2023. Six Countries to Join BRICS Group; China Labels Expansion 'Historic'. *The Washington Post*, 24.08. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/08/24/brics-china-russia-expansion/> (accessed 30.01.2025).

²⁷ Janik S. 2020. The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. *U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 12.11. URL: <https://www.uscc.gov/research/shanghai-cooperation-organization-testbed-chinese-power-projection> (accessed 30.01.2025).

реальные изменения в геополитической обстановке в регионе. Страны Персидского залива не хотят отказываться от сотрудничества с другими партнёрами. Наличие разнообразных связей обеспечивает им определённую степень независимости и значительные торгово-экономические преимущества. Эти связи дополняют сотрудничество с Америкой в области безопасности, где США остаются бесспорным лидером, сохраняя широкое военное присутствие в Персидском заливе²⁸ и обеспечивая таким образом стратегическое превосходство над КНР.

В то же время Китай постепенно достигает паритета с США в экономическом, военном и технологическом потенциале. В 2024 г. США имели самую большую экономику с ВВП почти 29 трлн долл., а Китай – вторую с объёмом около 18,5 трлн долл.²⁹. Вашингтон финансирует 40,5% мировых военных расходов, Китай – 10%, Россия – 4,8%³⁰. Несмотря на то, что сила не обязательно трансформируется во влияние в новых геополитических условиях, растущий международный вес Китая становится всё более очевидным.

В 2013 г. Китай выступил с инициативой «Один пояс, один путь», крупнейшей в мире инфраструктурной программой³¹, что изменило его роль на Ближнем Востоке. К 2023 г. 147 стран, представляющих две трети населения и 40% мирового ВВП, приняли участие в этих проектах или заинтересовались ими³². В 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин подписал соглашения о стратегическом партнёрстве с Саудовской Аравией и Ираном с разницей в несколько недель.

Этот подход концептуально отражён в «Арабском политическом документе Китая»³³, в котором он «готов координировать стратегии развития с арабскими государствами, использовать преимущества и потенциалы друг друга, содействовать международному сотрудничеству в области производственных мощностей и укреплять сотрудничество». Центральное место занимает «модель сотрудничества 1+2+3», где «1» представляет энергетику, «2» — строительство инфраструктуры, торговлю и инвестиции, а «3» — ядерную энергетику, спутники и новые источники энергии³⁴. Хотя после публикации «Политический документ Китая по арабским странам» не привлёк значительного внимания из-за отсутствия подробностей, он отражает практические тенденции во взаимодействии Пекина с арабскими государствами.

²⁸ Masters J., Merrow W. 2024. U.S. Troops in the Middle East: Mapping the Military Presence. *Council on Foreign Relations*. 01.10. URL: <https://www.cfr.org/article/us-troops-middle-east-mapping-military-presence> (accessed 30.01.2025).

²⁹ The 20 Countries with the Largest Gross Domestic Product (GDP) in 2024. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/> (accessed 30.01.2025).

³⁰ The Military Balance 2024: Features. *International Institute for Strategic Studies (IISS)*. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (accessed 30.01.2025).

³¹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. 2023. *China's State Council Information Office*. 10.10. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773734.html (accessed 30.01.2025).

³² Countries of the Belt and Road Initiative (BRI). 2023. *The Green Finance & Development Center*. December. URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/> (accessed 30.01.2025).

³³ China's Arab Policy Paper. 2016. *State Council of the People's Republic of China*. January URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (accessed 30.01.2025).

³⁴ Ibid

Публикация документа предваряла первую поездку Си Цзиньпина на Ближний Восток в январе 2016 г., в ходе которой он посетил Саудовскую Аравию, Египет и Иран. Этот визит стал первым примером личного участия китайского лидера в государственной дипломатии в этом регионе³⁵. Переговоры председателя КНР в Эр-Рияде и Тегеране подчёркивали, что Китай демонстрирует невмешательство и уважение к отдельным странам. Было очевидно, что Пекин ставит стабильность в ПЗ превыше всего, отказываясь от поддержки своего давнего союзника Ирана в противостоянии с Саудовской Аравией.

Взаимодействие Китая с регионом всё больше распространяется на сферу безопасности. В сентябре 2022 г. Министерство иностранных дел Китая провело Второй форум по безопасности «Продвижение новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке». Глава внешнеполитического ведомства Ван И представил предложение из четырёх пунктов, включая «новую концепцию, базирующуюся на общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности, поощрении регионального доминирования, основанного на местной власти, приверженности принципам Устава ООН и диалогу»³⁶.

Китай проявляет осторожность, стремясь поддерживать хорошие отношения с ключевыми региональными державами. Он утверждает, что его дипломатия основывается на принципах невмешательства во внутренние дела других стран³⁷. Эти принципы, как надеется Китай, сделают его более привлекательным партнёром, чем США или европейские страны, которые связывают свою помощь с соблюдением прав человека и допускают внешнюю критику внутренних дел стран Персидского залива. Сохраняя дистанцию от внутренних дел своих партнёров, Пекину удалось выработать сбалансированный подход к Ирану и Саудовской Аравии.

Конкурирующие роли Ирана и Саудовской Аравии в стратегии Китая

Китай стал первой страной, лидер которой посетил Тегеран после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)³⁸ и его одобрения в ООН³⁹. Это событие имело ряд последствий, одним из которых стало растущее беспокойство Эр-Рияда относительно региональных амбиций Ирана.

³⁵ Xi Jinping in the Middle East, Treading New Ground. 2016. *China Daily*. 20.01. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/20/content_23170456.htm (accessed 30.01.2025).

³⁶ Gering T. 2023. Full Throttle in Neutral: China's New Security Architecture for the Middle East. *Atlantic Council*. 15.02. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/full-throttle-in-neutral-chinas-new-security-architecture-for-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

³⁷ Full Text: China and the World in the New Era. 2019. *The State Council, The People's Republic of China*. 27.09. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (accessed 30.01.2025).

³⁸ Joint Comprehensive Plan of Action, Vienna, 14 July 2015. *UN Security Council*. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/225/49/pdf/n1522549.pdf> (accessed 30.01.2025).

³⁹ Resolution 2231 (2015) on Iran Nuclear Issue. *UN*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/2231/background> (accessed 30.01.2025).

Как и другие участники СВПД, Китай стремился снизить напряжённость и предотвратить гонку ядерных вооружений. Однако сочетание различных факторов обострило саудовско-иранское соперничество⁴⁰, которое к 2016 г. распространилось по всему региону и привлекло новых союзников, повышая риск вооружённой конфронтации.

Страны Персидского залива были непреклонны в своём требовании, чтобы любое соглашение с Ираном выходило за рамки исключительно ядерной проблематики и охватывало также вопросы, связанные с ракетной программой Тегерана и его действиями, дестабилизирующими обстановку в регионе. Они выражали обеспокоенность тем, что Иран, воспользовавшись смягчением санкций, может усилить своё влияние, что, в свою очередь, привело к эскалации гонки вооружений в регионе (Borck 2021).

В период с 2015 по 2016 г. Саудовская Аравия занимала четвертое место среди стран с самыми значительными военными расходами после США, Китая и России. В 2016 г. она выделила на оборону 63,7 млрд долл.⁴¹, в то время как оборонный бюджет Ирана составлял лишь пятую часть от этой суммы, не превышая 12,5 млрд долл. Крупные поставки оружия из Китая в Иран, которые в 2012 г. сократились до менее 30 млн долл., перед визитом Си Цзиньпина в Тегеран в 2016 г. полностью прекратились⁴².

Китай сталкивается с серьёзной задачей поддержания баланса в отношениях с Ираном и Саудовской Аравией. Это обусловлено его высокой зависимостью от импорта энергоносителей из этих стран. С одной стороны, Пекин опасается возможного давления со стороны Соединённых Штатов на монархии Персидского залива с целью прекращения поставок нефти в Китай. С другой стороны, это повышает значимость поставок нефти из Ирана, который Китай рассматривает как страну, способную противостоять влиянию США. В 2023 г. регион обеспечил почти половину всего китайского импорта сырой нефти⁴³.

Ограничения, введённые Соединёнными Штатами в отношении экспорта иранской нефти, наглядно демонстрируют, насколько Китай зависит от поставок углеводородов из стран Персидского залива. Эти опасения Китая получили подтверждение после выхода США из СВПД и возобновления санкций на поставки нефти из Ирана⁴⁴. Импорт нефти из Саудовской Аравии

⁴⁰ Riedel B. 2016. What the Iran Deal Has Meant for Saudi Arabia and Regional Tensions. *The Brookings Institution*. 13.07. URL: <https://www.brookings.edu/articles/what-the-iran-deal-has-meant-for-saudi-arabia-and-regional-tensions/> (accessed 30.01.2025).

⁴¹ World Military Spending: Increases in the USA and Europe, Decreases in Oil-Exporting Countries. 2017. *SIPRI*. 24.04. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe> (accessed 30.01.2025).

⁴² Iran & China: Military Ties. 2023. *The United States Institute of Peace*. 28.06. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-military-ties> (accessed 30.01.2025).

⁴³ Downs E. 2024. China-Middle East Energy Relations. *Center on Global Energy Policy, Columbia University*. 19.04. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed 30.01.2025).

⁴⁴ Иран, несмотря на санкции США, остаётся третьим по величине экспортером нефти в Китай после Саудовской Аравии и России.

удвоился с августа 2018 г. до июля 2019 г., достигнув рекорда в 1 802 788 барр./день⁴⁵. Вероятно, в Пекине испытывают тревогу по поводу того, что страна слишком сильно полагается на один источник энергии⁴⁶.

В конце 2022 г. Си Цзиньпин вновь посетил регион, где в Саудовской Аравии состоялся первый саммит между Китаем и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Стороны приняли пятилетний план действий по развитию сотрудничества в 15 ключевых областях, включая политические и безопасные диалоги, экономическое партнёрство и культурное взаимодействие. Заключительное коммюнике саммита вызвало недовольство Ирана⁴⁷. В нём подчёркивалось⁴⁸, что отношения между странами должны основываться на международных нормах и разрешении споров мирными средствами.

На форуме Си Цзиньпин представил обновлённую стратегию Пекина в отношении ССАГПЗ⁴⁹. Китай предложил новое энергетическое уравнение для импорта нефти и газа через Шанхайскую биржу в китайской валюте. Пекин также выступил с инициативой открыть новые области для инвестиционного и финансового сотрудничества с использованием Системы трансграничных межбанковских платежей⁵⁰ для расчётов на основе юаней при бартере национальных валют.

В Соединённых Штатах намерения Пекина были расценены как потенциальная опасность для их глобальных интересов. Многие аналитики полагают, что если Китай сможет исключить использование доллара в международных финансовых операциях, это способно вызвать серьёзные сдвиги в мировой экономике и геополитической ситуации⁵¹. Кроме того, призывы главы КНР к активизации инновационного и технического сотрудничества, включая создание совместных центров для развития 5G и 6G-коммуникаций, а также к партнёрству в области космических исследований и спутниковых технологий, также были расценены в Вашингтоне как вызов их интересам.

⁴⁵ Nephew R. 2018. The US Withdrawal from the JCPOA: What to Look out for over the Next Year. *Center on Global Energy Policy, Columbia University*. November. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/pictures/FiveThingsComingUpranSanctions-CGEP_Commentary_110518.pdf (accessed 30.01.2025).

⁴⁶ Saudi Arabia is Dramatically Changing Its Oil Exports to China and the US. 2019. *CNBC*. 15.08. URL: <https://www.cnbc.com/2019/08/15/saudi-arabia-dramatically-changing-its-oil-exports-to-china-and-the-us.html> (accessed 30.01.2025).

⁴⁷ Iran summons China envoy over islands dispute statement with UAE. 2022. *Al Jazeera*. 11.12. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/12/11/iran-summons-china-envoy-over-disputed-islands-with> (accessed 30.01.2025).

⁴⁸ Joint Statement at the Conclusion of the Saudi-Chinese Summit. 2022. *Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia*. 09.12. URL: <https://www.mofa.gov.sa/en/ministry/statements/Pages/Joint-Statement-at-the-Conclusion-of-the-Saudi-Chinese-Summit.aspx> (accessed 30.01.2025).

⁴⁹ Aluwaisheg A. 2022. China and the GCC Plan for a Brighter Future in the Gulf. *Arab News*. 13.12. URL: <https://www.arab-news.com/node/2215611> (accessed 30.01.2025).

⁵⁰ Cross-border Interbank Payment System. *CIPS News Center*. URL: <https://www.cips.com.cn/cipsenmobile/7242/7256/34009/index.html> (accessed 30.01.2025).

⁵¹ Liu. Z. 2024. China Wants to Ditch the Dollar. *NOEMA*. 11.01. URL: <https://www.noemamag.com/china-wants-to-ditch-the-dollar/> (accessed 30.01.2025).

Визит Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию стал ярким примером стремительного роста китайско-саудовских отношений, что вызвало беспокойство у Тегерана. В ответ на это президент Ирана Эбрахим Раиси посетил Пекин в феврале 2023 г.⁵². Приглашение Раиси можно расценивать как стремление Китая предложить аналогичные перспективы сотрудничества иранской стороне.

Пекин и Тегеран заключили ряд соглашений, направленных на достижение целей в области двусторонней торговли и инвестиций. Страны основывались на ранее достигнутых договорённостях в рамках 25-летнего соглашения о стратегическом партнёрстве, подписанного в 2021 г.⁵³, в процессе реализации которого возникали трудности. Китайские инвесторы вложили всего 162 млн долл. в первый год президентства Раиси⁵⁴, несмотря на обещания в 400 млрд долл. инвестиций на 25 лет.

Анализируя взаимоотношения Ирана, Китая и Саудовской Аравии, можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, Китай стремится выступить в роли посредника между этими странами, стремясь развивать отношения с арабскими государствами Персидского залива без опасения столкнуться с негативной реакцией иранского руководства. Во-вторых, нестабильность и угроза военных действий сдерживают китайские инвестиции в Иран, создавая потенциальную угрозу для экономических интересов Китая в регионе. В этой обстановке Китай активно стремится к примирению между Эр-Риядом и Тегераном.

В марте 2023 г. Китай усилил свои позиции в регионе после подписания соглашения о примирении между Саудовской Аравией и Ираном⁵⁵. Хотя Пекин не был главным участником переговоров, его влияние на Тегеран и Эр-Рияд, в сочетании с политикой «нулевых врагов», сделало его подходящим кандидатом для обеспечения сделки. Ключевое значение имела политика президента Раиси, известная как «Взгляд на Восток», которая характеризуется особым вниманием к соседним странам. Она находит своё отражение в официальных концепциях Тегерана, таких как «политика соседства» и «азиатская политика»⁵⁶. Это не только способствовало повышению устойчивости Ирана к санкциям со стороны США, но и расширило геополитическое пространство для Тегерана в международных отношениях⁵⁷.

⁵² Xi Jinping Holds Talks with Iranian President Ebrahim Raisi. 2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 14.02. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/yzs_663350/xwlb_663352/202302/t20230216_11025776.html (accessed 30.01.2025).

⁵³ The Iran-China Comprehensive 25-Year Comprehensive Strategic Partnership: Challenges and Prospects. *International Institute for Iranian Studies*. URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/The-Iran-China-25-Year-Comprehensive-Strategic-Partnership-Challenges-and-Prospects.pdf> (accessed 30.01.2025).

⁵⁴ Iran's Raisi Leads Large Delegation in First State Visit to China. 2023. *Al Jazeera*. 17.02. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/2/13/irans-raisi-heads-large-delegation-in-first-state-visit-to-china> (accessed 30.01.2025).

⁵⁵ Joint Trilateral Statement by the People's Republic of China, the Kingdom of Saudi Arabia, and the Islamic Republic of Iran. 2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 10.03. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367487.html (accessed 30.01.2025).

⁵⁶ President Raisi at 1402 Nowruz Speech: 'Neighborhood Policy' and 'Balanced Diplomacy' will Continue in 1402. 2023. *Government of the Islamic Republic of Iran Official Website*. 22.03. URL: <https://irangov.ir/detail/409068> (accessed 30.01.2025).

Процесс постепенного сближения арабских монархий с Ираном продемонстрировал большую устойчивость, нежели предполагалось. Единственным государством в Персидском заливе, которое не восстановило в полной мере отношения с Тегераном, остаётся Бахрейн. Президент Раиси стал первым руководителем правительства Ирана, посетившим Саудовскую Аравию за более чем десятилетний период. Это событие произошло в контексте участия в саммите Организации исламского сотрудничества (ОИС), который состоялся в Эр-Рияде, спустя месяц после начала конфликта в секторе Газа⁵⁸. Возобновление полноценной работы посольств в Тегеране и Эр-Рияде, а также регулярные встречи официальных лиц Ирана и государств Персидского залива представляют собой редкий случай успеха для сторонников дипломатического урегулирования⁵⁹.

Масуд Пезешкиан, занявший пост президента Ирана после досрочных выборов, последовавших за трагической гибелью его предшественника Эбрахима Раиси в авиакатастрофе в мае 2024 г.⁶⁰, предпринимает активные шаги по укреплению сотрудничества с Китаем и Россией. Это оказывает значительное влияние на усиление напряжённости между Тегераном и странами Запада, в том числе в контексте регионального стратегического соперничества Вашингтона с Москвой и Пекином. Данная тенденция стала очевидной после заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Ираном и Россией в январе 2025 г.⁶¹, который последовал за аналогичным стратегическим соглашением Исламской Республики с Китаем, подписанным в марте 2021 г.

Иран, развивая сотрудничество с Китаем и Россией, демонстрирует, что пересмотрел своё отношение к европейским странам как к возможным посредникам в диалоге с Вашингтоном. Вместо этого он начал больше доверять государствам Персидского залива, которые уже выполняют эту роль. Саудовская Аравия, подобно Оману, выразила готовность стать посредником в переговорах между США и Ираном по вопросу разработки нового соглашения о ядерной программе⁶². Это событие отражает существенные изменения в сфере безопасности в регионе Персидского залива, особенно в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном.

⁵⁷ Azizi H. 2023. Iran's Policy and Its Relations with China and Russia. *The Middle East Council on Global Affairs (ME Council)*. 14.09. URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-policy-and-its-relations-with-china-and-russia-me-council/> (accessed 30.01.2025).

⁵⁸ Iran's President Visits Saudi Arabia for the First Time since the Two Mended ties. 2023. *New York Times*. 11.11. URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/11/world/middleeast/irans-president-visits-saudi-arabia-for-the-first-time-since-the-two-mended-ties.html> (accessed 30.01.2025).

⁵⁹ China-Brokered Saudi-Iran Deal Driving 'Wave of Reconciliation', says Wang. 2023. *Al Jazeera*. 21.08. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/8/21/china-brokered-saudi-iran-deal-driving-wave-of-reconciliation-says-wang> (accessed 30.01.2025).

⁶⁰ Martyrdom in the Line of Duty. 2024. *Tehran Times*. 20.05. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/498743/Martyrdom-in-the-line-of-duty> (accessed 30.01.2025).

⁶¹ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. 2025. *Официальном сайт Президента России*. 17.01. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 30.01.2025).

⁶² Saudi Arabia Seeks to Mediate between Trump and Iran on New Nuclear Deal. 2025. *CNN*. 16.02. URL: <https://edition.cnn.com/2025/02/16/middleeast/saudi-arabia-trump-iran-nuclear-deal-intl/index.html> (accessed 30.01.2025).

Когда в марте 2023 г. Иран и Саудовская Аравия договорились восстановить дипломатические отношения, это сближение казалось хрупким⁶³. Однако в настоящее время наблюдается заметное улучшение отношений между Эр-Риядом и Тегераном. Двустороннее взаимодействие между этими странами достигло такого уровня, что они начали реализовывать оборонные проекты⁶⁴.

Принимая во внимание напряжённость, существовавшую между сторонами до того, как отношения были нормализованы благодаря активной поддержке Китая, можно с уверенностью утверждать, что это является наглядным примером успешной дипломатической деятельности Пекина в регионе и определённым индикатором ослабления влияния Вашингтона на Эр-Рияд. С другой стороны, Тегеран остаётся надёжным гарантом от любых попыток Вашингтона ограничить экспорт нефти в Китай в условиях обострения китайско-американского соперничества в Персидском заливе. В отличие от других поставщиков нефти, которые имеют тесные связи в сфере безопасности с США, руководство Ирана сохраняет независимость от американского влияния. Как отметил аятолла Хаменеи, Иран является наиболее надёжным поставщиком энергоносителей в регионе, поскольку на его энергетическую политику никогда не смогут повлиять внешние силы⁶⁵.

Для Исламской Республики особое значение имеет то, что, являясь ключевым экономическим партнёром Ирана и обладая правом вето в Совете Безопасности ООН, Китай способен оказать непосредственное влияние на снижение эффективности американских санкций, которые служат основой для американского давления на иранский режим. В этой связи Вашингтону приходится использовать разнообразные рычаги и дипломатические инструменты, чтобы предотвратить чрезмерное сближение Тегерана и Пекина, а также ограничить сближение Ирана с монархиями Персидского залива, в частности ОАЭ.

Стратегия балансирования ОАЭ между США и Китаем

США остаются наиболее значимым международным партнёром ОАЭ. На протяжении многих лет эти две страны активно взаимодействуют в различных областях, разделяя общие интересы, связанные с обеспечением региональной безопасности, укреплением обороноспособности, развитием экономики, энергетической отрасли, сферы технологий и образования. Однако, несмотря на сохраняющуюся зависимость от Вашингтона в некоторых областях, особенно в сфере безопасности, Эмираты сделали сотрудничество с Китаем своим новым приоритетом, выходящим за рамки энергетической сферы и торговли.

⁶³ Inside Story: Iran-Saudi Dialogue Elevated But Few Expect Investment. 2023. *Amwaj Media*. 16.10. <https://amwaj.media/article/inside-story-iranian-saudi-dialogue-elevated-but-few-expect-investment> (accessed 30.01.2025).

⁶⁴ Iran Announces First Joint Military Drills with Saudi Arabia in Red Sea. 2024. *Middle East Eye*. 23.10. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iran-announces-first-joint-drills-saudi-arabia-red-sea> (accessed 30.01.2025).

⁶⁵ Khamenei Calls for Security Cooperation with China, Says U.S. Not to Be Trusted. 2016. *Reuters*. 23.01. URL: <https://www.reuters.com/article/iran-china-khamenei-idINL8N1570HR>. (accessed 30.01.2025).

ОАЭ в 2012 г. стали первым государством Персидского залива, установившим стратегическое партнёрство с Китаем. Благодаря этому двустороннее сотрудничество стало быстро расти. В ходе визита в Пекин наследного принца Абу-Даби шейха Мухаммеда бен Заида в декабре 2015 г. стороны пришли к соглашению о том, что, будучи стратегическими партнёрами, связанными узами искреннего доверия, они должны совместно отстаивать и продвигать общие интересы в региональных и глобальных вопросах в условиях беспрецедентных перемен, происходящих в мире⁶⁶.

Государственный министр ОАЭ султан Ахмед Аль Джабер в 2017 г. посетил первый Форум инициативы «Один пояс, один путь» в Пекине. По возвращении он выразил уверенность в том, что китайский проект представляет собой «мост, соединяющий наше общее будущее»⁶⁷.

В следующем году Си Цзиньпин был торжественно принят в Абу-Даби, где было заключено около десятка двусторонних соглашений в различных областях, включая энергетику, технологии, финансы и культуру⁶⁸. Эмираты стремились стать ключевым партнёром Пекина в регионе Персидского залива. Китайско-эмиратские отношения стали инструментом диверсификации внешней политики ОАЭ и охватывают множество программ сотрудничества, включая управление портовой инфраструктурой, развёртывание сети 5G и поставки оружия.

Абу-Даби выбрал в 2019 г. Huawei для обеспечения развёртывания сети 5G. Это решение стало частью цифровой стратегии ОАЭ, которая с 2016 г. полагается на китайских операторов в управлении сетями, будь то финансовые учреждения или электроэнергетическая инфраструктура страны. Западные эксперты выражают опасения относительно того, что такой выбор может представлять угрозу для национальной критической инфраструктуры Эмиратов, а также затруднять обмен разведывательной информацией и проведение оборонной интеграции с США (Nouwens 2025).

На фоне расширения торгово-экономических отношений между ОАЭ и КНР следует отметить укрепление их военно-технического сотрудничества. В последнее время отмечается рост закупок китайского вооружения. Так, с 2013 г. Абу-Даби приобрёл около 50 беспилотных летательных аппаратов двух типов, 500 противотанковых ракет, а также некоторые образцы гаубиц и ракетных систем⁶⁹.

⁶⁶ Full text of Chinese President Xi's signed article on UAE media. 2018. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 18.07. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2018zt/xgswfcxjxgjmlqs/202406/t20240606_11380513.html (accessed 30.01.2025).

⁶⁷ Jaber S. 2017. Belt and Road is a Bridge to Our Common Future. *The National*. 13.05. URL: <https://www.thenationalnews.com/opinion/belt-and-road-is-a-bridge-to-our-common-future-1.78698> (accessed 30.01.2025).

⁶⁸ China, UAE Agree to Lift Ties to Comprehensive Strategic Partnership. 2018. *Xinhua*. 21.07. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/21/c_137338423.htm (accessed 30.01.2025).

⁶⁹ SIPRI Arms Transfers Database. The Military Balance 2021. 2021. *International Institute for Strategic Studies*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 30.01.2025).

Эти поставки не могут быть сопоставлены с американскими ни по масштабам, ни по качеству. Тем не менее они являются свидетельством постепенного укрепления позиций китайских производителей на рынке оборонной продукции ОАЭ. В руководстве Эмиратов вынуждены констатировать, что «Америка по-прежнему остаётся нашим ключевым стратегическим союзником, в то время как Китай является нашим основным экономическим партнёром»⁷⁰.

В отношениях между ОАЭ и Китаем существуют сферы, которые вызывают разногласия между Вашингтоном и Абу-Даби. В первую очередь это касается сотрудничества в области безопасности и обороны с Пекином. Для США Эмираты остаются ключевым партнёром в сфере обороны для обеспечения безопасности в регионе Ближнего Востока, Восточной Африки и Индийского океана. Это предусмотрено планами военного сотрудничества в целях обеспечения оперативной совместимости⁷¹. Между ними заключены⁷²: Соглашение о всеобщей безопасности военной информации 1987 г., Соглашение о закупках и взаимном обслуживании 2006 г. и Соглашение о сотрудничестве в области обороны 2019 г.

На авиабазе Аль-Дафра дислоцированы около 3500 американских военнослужащих и расположен Центр боевых действий в Персидском заливе, который ежегодно проводит подготовку по противовоздушной и противоракетной обороне для 2000 участников из 10 стран Ближнего Востока⁷³. ОАЭ зависят от США в вооружении. Прошли времена, когда американские оборонные компании продавали устаревшее оружие. Недавние продажи включают: самолёты F-35 Joint Strike Fighter, беспилотные летательные аппараты MQ-9B, ракеты THAAD и Patriot. С 2016 г. США разрешили прямой экспорт оборонной продукции в ОАЭ через коммерческие продажи (DCS)⁷⁴.

Вместе с тем Эмираты стремятся к поиску альтернативы американским вооружениям, помимо Китая, в других странах. Франция и ОАЭ тесно сотрудничают с 2001 г. В 2009 г. Франция открыла военно-морскую базу в порту Заид в Абу-Даби. Французские военные самолёты базируются на авиабазе Аль-Дафра недалеко от Абу-Даби, где также присутствуют несколько тысяч американских военных. Франция укрепила свои позиции в Персидском заливе, осуществляя поставки 80 боевых самолётов Rafale в ОАЭ в рамках сделки на сумму 25,6 млрд долл., подписанной в декабре 2021 г.⁷⁵.

⁷⁰ Fattah Z. 2021. Top UAE Official Warns on Risk of 'Cold War' between China, US. *Bloomberg*. 02.10. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-02/top-uae-official-warns-on-risk-of-cold-war-between-china-u-s> (accessed 30.01.2025).

⁷¹ *ibid*

⁷² U.S. Security Cooperation with the United Arab Emirates. 2025. *Bureau of Political-Military Affairs*. 20.01. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-united-arab-emirates/> (accessed 30.01.2025).

⁷³ *ibid*

⁷⁴ *ibid*

⁷⁵ France Signs Multi-Billion-Dollar Deal to Supply United Arab Emirates with New Rafale Warplanes. 2021. *ABC NEWS*. 03.12. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-03/france-uae-sign-billion-dollar-weapons-deal/100674026> (accessed 30.01.2025).

Руководство ОАЭ осознает, что тесное военное сотрудничество с Вашингтоном, особенно в вопросах морской безопасности, может иметь негативные последствия для их политики дезэскалации в отношении Ирана. В июне 2023 г. принято решение о выходе страны из состава Объединённых военно-морских сил, возглавляемых США, которые были созданы для обеспечения безопасности в водах Персидского залива. Это решение стало свидетельством продолжающихся разногласий с Соединёнными Штатами в вопросах обеспечения безопасности в регионе Персидского залива⁷⁶.

Несмотря на то что ОАЭ и Иран поддерживают дипломатические отношения и имеют обширные экономические связи, нет оснований утверждать, что Абу-Даби полностью отказался от конфронтации с Тегераном. Например, подписание в августе 2020 г. соглашения о нормализации дипломатических отношений между Израилем и ОАЭ⁷⁷, инициированного администрацией Трампа и известного как «соглашение Авраама», в некоторой степени можно рассматривать как стремление Эмиратов к стратегическому сотрудничеству с Израилем в целях противодействия Ирану. С тех пор израильско-эмиратские торговые, военные и дипломатические связи значительно расширились, и в мае 2022 г. Израиль и ОАЭ подписали соглашение о свободной торговле⁷⁸.

После серии нападений ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последовавшей за этим войны в секторе Газа ОАЭ сохраняют дипломатические отношения с Израилем, присоединившись к призывам других стран к прекращению огня. Эмираты являются одним из крупнейших поставщиков гуманитарной помощи для преодоления кризиса в секторе Газа и также выражают готовность сыграть заметную роль в послевоенном восстановлении палестинского анклава⁷⁹.

Несмотря на то, что ОАЭ имеют всестороннее партнёрство с Китаем, их военная зависимость от Соединённых Штатов всё ещё остаётся значительной. Этот дисбаланс вызывает сомнения в способности Абу-Даби проводить независимую политику и может привести к неустойчивости их позиции в будущем, особенно в условиях нарастающего соперничества между КНР и США в регионе Персидского залива.

Стратегическое партнёрство является одним из многих признаков того, что Китай не только экономически инвестирует в ОАЭ, но и политически. Однако США также уже давно являются важнейшим партнёром Абу-Даби в сфере

⁷⁶ UAE Withdraws from US-led Maritime Coalition. 2023. *Middle East Eye*. 31.05. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-withdraws-us-led-maritime-coalition> (accessed 30.01.2025).

⁷⁷ Around-the-halls: Experts Analyze the Normalization of Israel-UAE Ties. 2020. *Brookings*. 13.08. URL: <https://www.brookings.edu/articles/around-the-halls-experts-analyze-the-normalization-of-israel-uae-ties/> (accessed 30.01.2025).

⁷⁸ Israel Signs First Arab Free Trade Agreement with UAE. 2022. *Al Jazeera*. 31.05. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/5/31/israel-signs-major-trade-deal-with-uae> (accessed 30.01.2025).

⁷⁹ UAE Emphasises Need for Comprehensive Strategic Approach to Resolve Israeli-Palestinian Conflict. 2024. *Ministry of Foreign Affairs of the UAE*. 12.06. URL: <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2024/6/12/12-6-2024-uae-gaza> (accessed 30.01.2025).

безопасности. В основе их союзных отношений лежит обеспокоенность Эмиратов угрозой со стороны Ирана, влияние которого, как считается, ограничивается американским присутствием в Персидском заливе.

В этих условиях ОАЭ пытаются защитить свои интересы на фоне растущего соперничества сверхдержав, поддерживая связи как с Вашингтоном, так и с Пекином для реализации своих стратегических и экономических амбиций. Рост влияния Китая — это не только результат его усилий, но и существенный геополитический сдвиг, который свидетельствует о переходе к многополярности в регионе. Несмотря на свою приверженность сотрудничеству с США, ближневосточные страны активно расширяют круг своих партнёров в области безопасности, экономики и дипломатии.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что стратегическое соперничество между США и КНР не может быть однозначно интерпретировано как формирование биполярной системы. Усиление позиций Пекина в регионе Персидского залива является не только результатом его собственной политики, но и важной геополитической тенденцией, которая свидетельствует о формировании многополярности в данном регионе.

Несмотря на свою приверженность сотрудничеству с США, страны Ближнего Востока активно расширяют круг своих партнёров, стремясь избежать однозначного выбора между Соединёнными Штатами и Китаем. Они выступают за большую самостоятельность, сохраняя при этом вынужденную зависимость от Вашингтона в вопросах обороны и безопасности.

Интерес Китая к региону изначально имел преимущественно экономический характер, однако со временем он приобретает всё более стратегическое значение. За последние два десятилетия Китай инвестировал значительные экономические, политические и дипломатические ресурсы в формирование прочных партнёрских отношений со странами Персидского залива. Регион превратился в неотъемлемый компонент внешней политики Китая и значимый узел в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ирано-саудовское противостояние является одним из наиболее примечательных примеров, в которых Пекин, несмотря на обладание значительными политическими и экономическими рычагами, предпочёл роль посредника, воздерживаясь от какой-либо существенной формы поддержки одной из сторон. Пекин стремится к стратегическому равновесию в отношениях с обоими государствами, что позволяет сохранять китайское влияние в обеих странах.

Отношения между Китаем, США и Ираном представляют собой сложный стратегический треугольник, в котором Вашингтон играет значительную роль и оказывает влияние на взаимодействие между двумя другими участниками.

Принятие СВПД помогло снять ограничения с Ирана и Китая и создало относительно благоприятную среду для обеих стран, способствуя укреплению экономических, политических и стратегических связей.

США на протяжении длительного времени выступают в качестве ключевого союзника ОАЭ в области обеспечения безопасности. В основе этого партнёрства лежит обеспокоенность Абу-Даби угрозой, исходящей от Ирана, влияние которого, как предполагается, минимизируется благодаря американскому присутствию в Персидском заливе. В то же время ОАЭ заинтересованы в стратегическом партнёрстве с Китаем как на двусторонней основе, так и в более обширном региональном масштабе, несмотря на продолжающееся соперничество между Китаем и США.

Арабские монархии Персидского залива видят в Китае альтернативную державу, которая не обременена колониальным прошлым на Ближнем Востоке и не связана с историей военных вторжений и смены правительств. Политический и экономический подъём Китая в регионе не является просто побочным продуктом снижения западного влияния. Скорее, нынешнее стратегическое положение Пекина в регионе является результатом многолетнего целенаправленного планирования и реализации политики для продвижения внешних и внутренних национальных интересов Китая.

Для США эта меняющаяся динамика представляет собой опасность потери влияния, имеющего решающее значение для их внешнеполитических целей в регионе. Тот факт, что страны Персидского залива более не готовы мириться с дисбалансом в отношениях с внешними державами в той же мере, что и ранее, свидетельствует о том, что Вашингтон теперь вынужден соперничать с Пекином за сохранение своего традиционного регионального влияния, которое американские политики долгое время считали само собой разумеющимся.

С другой стороны, руководство КНР осознаёт стратегические перспективы, которые открывает меняющаяся ситуация в ближневосточных странах, и предпринимает активные шаги, чтобы занять выгодное положение, обеспечивающее долгосрочные геополитические и экономические преимущества. Китай демонстрирует стратегический подход, который включает в себя налаживание обширных двусторонних связей со всеми государствами Персидского залива, взаимодействие с ними через многосторонние платформы, такие как Форум сотрудничества Китай – Арабские государства, и интеграцию своей политики с внешнеполитическими инициативами Пекина, включая БРИКС, ШОС и инициативу «Один пояс, один путь».

Меры, предпринятые на международной арене администрацией Дональда Трампа в начальный период его второго президентского срока, позволяют предположить, что кардинальные и быстрые изменения, в первую очередь обусловленные пересмотром традиционных позиций Соединённых Штатов, могут стать новой нормой, по крайней мере, на ближайшие четыре года. В 2025 г.

наибольшую неопределённость в отношениях между Китаем и США может вызвать противоречивость позиции Вашингтона, спровоцированная внутри-политической борьбой в Америке.

В обозримом будущем отношения между Китаем и США вряд ли вернутся к той глубине взаимодействия и уровню сотрудничества, которые наблюдались в начале XXI в. Однако долгосрочные интересы и стратегические соображения обеих стран диктуют необходимость избегать войны и поддерживать определённый уровень экономического сотрудничества и международного взаимодействия.

При этом нет сомнений в том, что руководство США продолжит политику стратегического соперничества с КНР на Ближнем Востоке. В частности, это будет выражаться в давлении на монархии Персидского залива с целью ограничения дальнейшего роста китайского влияния. Ключевой вопрос заключается в том, насколько далеко Вашингтон будет готов пойти в региональном противостоянии с Китаем, а также как это отразится на жёстком отношении к Пекину, которое сейчас преобладает в Вашингтоне.

Об авторе:

Николай Николаевич Бобкин – кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН), 121069, Российская Федерация, Москва, Хлебный пер., 2/3.

E-mail: nnbobkin@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.5:327.82(73+510:536)

Received: February 20, 2025

Accepted: June 11, 2025

China–US Rivalry and Security Dynamics in the Persian Gulf

N.N. Bobkin

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-110-136](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-110-136)

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН)

Abstract: China's growing strategic and economic interests, coupled with its need for stable energy supplies, have deepened engagement with the Gulf states. This emerging relationship extends beyond trade to include investment, infrastructure initiatives, and political

partnerships, forming a complex architecture of interdependence. At the same time, the weakening of the United States' position has begun to alter the regional balance of power. Despite their long-standing security reliance on Washington, Gulf monarchies increasingly seek to avoid binary choices between the United States and China, pursuing greater autonomy in their foreign policies. This article examines how the evolving U.S.–China rivalry shapes international relations and security in the Persian Gulf. It first assesses the transformation of U.S. strategic thinking on competition with China and analyzes the principles of Beijing's foreign policy that underpin its rising influence in the subregion. The study then explores how Saudi–Iranian tensions affect China's regional strategy and, in turn, Washington–Beijing relations. Special attention is given to the United Arab Emirates' strategy of balancing its ties with both powers while consolidating its role as a regional leader. The analysis demonstrates that China is consolidating its position in the Gulf through deliberate policy choices as well as broader geopolitical trends reflecting the emergence of multipolarity. While Gulf states seek to preserve independence by diversifying external partnerships, they remain dependent on the United States in defense and security. The article concludes that the Gulf has become a key arena of great-power competition, where Beijing's growing presence and Washington's enduring security role interact to reshape the regional order.

Keywords: US-China strategic rivalry, bipolarity and multipolarity, regional relations, Gulf states, Iran, security

About the author:

Nikolay N. Bobkin – Candidate of Sciences (Military), Associate Professor, Senior Researcher Fellow Center for Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 121069, 2/3 Khlebnyy per., Moscow, Russian Federation. E-mail: nnbobkin@rambler.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Alterman Dj. 2024. China's US-Driven Middle East Strategy. *The Washington Quarterly*. 47(3). P. 7–24.

Blackwill R., Fontaine R. 2024. The U.S. Pivot to Asia and American Grand Strategy. *The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD)*. Autumn, 2024. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-autumn-2024--issue-no-28/the-us-pivot-to-asia-and-american-grand-strategy> (accessed 30.01.2025).

Borck T. 2021. The Gulf States and the Iran Nuclear Deal: Between a Rock and a Hard Place. *The Royal United Services Institute*. 29.11.2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/gulf-states-and-iran-nuclear-deal-between-rock-and-hard-place> (accessed 30.01.2025).

Cook St. 2021. Major Power Rivalry in the Middle East. Discussion paper series. Council on Foreign Relations. Center for Preventive Action. New York. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/dp-cook-final-interior-and-exterior_0.pdf (accessed 30.01.2025).

Fardella E., She G. 2024. The Role of the Gulf in the Longue Durée of China's Foreign Policy. *Middle East Policy*. 31(1). P. 50–65. DOI: 10.1111/mepo.12734

Fulton J. 2018. *China's Relations with the Gulf Monarchies* (1st ed.). Routledge. P. 212. DOI: 10.4324/9781315142678

Fulton J. 2021. China between Iran and the Gulf Monarchies. *Middle East Policy*. 28(3–4). Fall-Winter 2021. P. 203–216. DOI: 10.1111/mepo.12589

Gao H., Liu S. 2020. China's Middle East Major Country Diplomacy against the Background of Upheaval in the Middle East. Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Interpret: China. Source: West Asia and Africa*. May 01. URL: <https://interpret.csis.org/translations/chinas-middle-east-major-country-diplomacy-against-the-background-of-upheaval-in-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

Lynch M. 2024. The United States and the Middle East. *World Affairs Councils of America*. URL: https://worldaffairscouncils.org/wp-content/uploads/1_Mideast.pdf (accessed 30.01.2025).

Niu X. 2021. Analysis of China's Interests and Influence in the Middle East. Zhang, Y., Shao, B. (eds). *China's International Relations. Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-16-4679-9_12

Niu X. 2022. Coexistence with the United States: New Challenges in China's Middle East Policy. Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Interpret: China. Source: Contemporary International Relations*. November 01. URL: <https://interpret.csis.org/translations/coexistence-with-the-united-states-new-challenges-in-chinas-middle-east-policy/> (accessed 30.01.2025).

Niu X. 2025. The Driving Force of China's Middle East Policy: Great Power Competition or Regional Cooperation. *West Asia and Africa*. 03.02. URL: <https://www.chinaaffairsplus.com/p/the-driving-force-of-chinas-middle> (accessed 15.02.2025).

Nouwens M. (ed.). 2021. China's Digital Silk Road: Integration into National IT Infrastructure and Wider Implications for Western Defense Industries. *International Institute for Strategic Studies*. February. P. 28–30. URL: <https://www.iiss.org/research-paper//2021/02/china-digital-silk-road-implications-for-defence-industry> (accessed 30.01.2025).

Rhoades A., Treyger E. 2023. Great-Power Competition and Conflict in the Middle East. *RAND Corporation*. Santa Monica. Calif. Jun 01. 2023. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR969-3.html (accessed 30.01.2025).

Wendt A. 1992. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 46(2). P. 391–425.

Winkler S. 2023. Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 16. Autumn. P. 333–356. DOI: 10.1093/cjip/poad008.

Zhao S. 2021. The US–China Rivalry in the Emerging Bipolar World: Hostility, Alignment, and Power Balance. *Journal of Contemporary China*. 31(134). P. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733

Zoellick R. 2020. *America in the World: A History of U.S. Diplomacy and Foreign Policy*. Grand Central Publishing. P. 560. ISBN: 9781538712375.

Bobkin N.N. 2024. Sopernichestvo mezhd SShA i Kitaem na Blizhnem Vostoke: posledstviya dlya regional'noy i global'noy politiki [US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Politics]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 1(649). P. 18–34. DOI: 10.31857/S2686673024010021. (In Russian).

Istomin I.A. 2024. Pochemu SShA ne napadayut na Kitay? Tuman budushchego i istoricheskii optimizm v politike velikikh derzhav [Why the US Doesn't Attack China? Fog of the Future and Historical Optimism in Great Power Politics]. *Sravnitel'naya politika*. 15(1). P. 62–94. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-62-94. (In Russian).

Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki [Saudi Arabia: Transformation of Power and Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 63(4). P. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59- (In Russian).

Kosach G.G. 2021. Vo imya natsional'nykh interesov: vneshnyaya politika Saudovskoy Aravii posle «arabskoy vesny» [In the Name of National Interest: Saudi Arabia's Foreign Policy after the Arab Spring]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 13(4). P. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161. (In Russian).

Luzyanin S.G., Alekseeva Yu.N. 2024. Geopoliticheskie i investitsionnye izmereniya politiki Kitaya na Blizhnem Vostokey. [Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East]. *Aziya i Afrika segodnya*. №7. P. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2. (In Russian).

Savicheva E.M., Brebdani A.M., Ryzhov I.V. 2022. Kitay i strany Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: ot ekonomicheskikh sdelok k strategicheskomu partnerstvu [China and the Gulf Cooperation Council: From Economic Deals to Strategic Partnership]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(1). P. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196. (In Russian).

Surkov N.Yu. 2022. Strategicheskie al'ternativy vo vneshney politike Saudovskoy Aravii. Sravnitel'nyy analiz otnosheniy Er-Riyada s Vashingtonom, Pekinom i Moskvoy [Strategic Alternatives in Saudi Arabia's Foreign Policy. A Comparative Analysis of Riyadh's Relations with Washington, Beijing, and Moscow]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 20(3(70)). P. 95–111. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2. (In Russian).

Tyukaeva T.I. 2024. Vzglyad monarkhiy zaliva na transformatsii mirooustroystva i mesto Rossii v nem.[The Gulf Monarchies' View on the Transformation of the World Order and Russia's Place in It]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 68(5). P. 49–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бобкин Н.Н. 2024. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 1(649). С. 18–34. DOI: 10.31857/S2686673024010021.

Истомин И.А. 2024. Почему США не нападают на Китай? Туман будущего и исторический оптимизм в политике великих держав. *Сравнительная политика*. 15(1). С. 62–94. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-62-94.

Косач Г.Г. 2019. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(4). С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-

Косач Г.Г. 2021. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны». *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 13(4). С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

Лузянин С.Г., Алексеева Ю.Н. 2024. Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке. *Азия и Африка сегодня*. №7. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2.

Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. 2022. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 22(1). С. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196

Сурков Н.Ю. 2022. Стратегические альтернативы во внешней политике Саудовской Аравии. Сравнительный анализ отношений Эр-Рияда с Вашингтоном, Пекином и Москвой. *Международные процессы*. 20(3(70)). С. 95–111. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2.

Тюкаева Т.И. 2024. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нём. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(5). С. 49–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60.

Новый облик мировой энергетики

 И.И. Сечин

ПАО «НК «Роснефть»»

В статье исследуется влияние ключевых макроэкономических, технологических, демографических и политических факторов на формирование нового облика мировой энергетики. На основе системного анализа статистических данных МЭА, Всемирного банка, ОЭСР и ведущих аналитических центров выявлено, что к 2050 г. совокупный рост населения Африки и стран Азиатско-Тихоокеанского региона на 1,4 млрд чел. и ускоренная урбанизация обеспечат до 60% прироста глобального потребления электроэнергии. Технологическая революция, связанная с ИИ и центрами обработки данных, уже к 2030 г. приведёт к увеличению их энергопотребления свыше 1000 ТВт·ч в год, сопоставимо с современным уровнем Японии. Показано, что зелёный переход сталкивается с ограничениями: для достижения целей «углеродной нейтральности» к 2050 г. потребуются инвестиции порядка 180 трлн долл., при этом плотность энергетического потока ВИЭ значительно уступает традиционным источникам. Анализ атомной отрасли выявил рост инвестиций на 50% за последние пять лет, лидерство Китая и России в строительстве новых реакторов и развитии технологий замкнутого топливного цикла. Установлено, что уголь сохраняет около 25% в мировом энергобалансе, а пик его потребления откладывается, что отражает важность баланса традиционных и альтернативных источников. Рассмотрены стратегические подходы Китая, Индии, США и России к обеспечению энергетической безопасности, включая модернизацию сетей, развитие аккумуляторных технологий, синтетического топлива и угольной генерации. Сделан вывод о том, что эффективная глобальная энергетическая модель будущего требует интеграции высокоплотных традиционных и низкоуглеродных источников энергии, усиления межтопливной конкуренции и согласования национальных стратегий с глобальными приоритетами.

Ключевые слова: глобальная энергетика, энергетическая безопасность, энергетический переход, возобновляемые источники энергии, ископаемое топливо

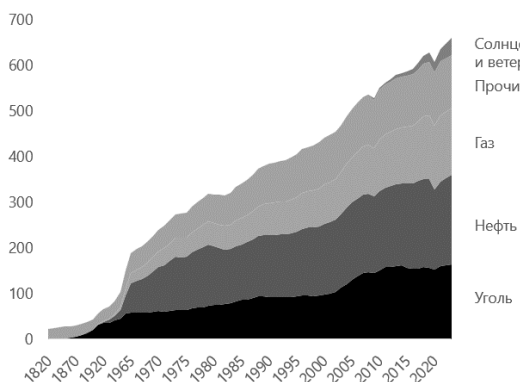
УДК: 620.9:338.2:502.17
JEL: F01+F02+F4

Поступила в редакцию: 11.06.2025
Принята к публикации: 10.08.2025

Энергия и прогресс неотделимы друг от друга. На всём протяжении истории, чем выше человек поднимался по лестнице прогресса, тем больше энергии ему требовалось.

Именно поэтому современные общества с высоким уровнем потребления энергии предпочитают использовать ресурсы с наивысшей полезной энергоотдачей, в первую очередь ископаемое топливо.

Рост мирового энергопотребления
ЭДж

Структура мирового энергопотребления

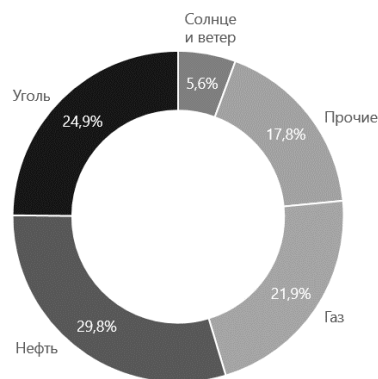

Рисунок 1. Ископаемое топливо обеспечивает около 80% энергопотребления.

Fig. 1. Fossil fuels provide about 80% of energy consumption.

Примечание: структура мирового энергопотребления на 2023 г. Прочие источники включают атомную энергию, гидроэнергетику, биомассу, биотопливо и прочие возобновляемые источники энергии.

Источник: Our world in data.

В этой связи уместно вспомнить высказывание одного из авторитетных учёных современности, сторонника реалистичного подхода к переходу на новые источники энергии Вацлава Смита: «Энергия – это универсальная валюта. Без её трансформации в какой-либо форме невозможны никакие свершения» (Smil 2017).

Текущее состояние мировой энергетики находится на этапе формирования нового облика, обусловленного многократным ростом потребления электроэнергии, генерация которой будет обеспечена как ископаемым топливом, так и возобновляемыми источниками. Основными факторами, влияющими на формирование этого облика, являются:

1. Необходимость обеспечения энергобезопасности и коммерческой эффективности источников энергии.
2. Дефицит бюджета и лавинообразный рост уровня госдолга.

3. Демография развивающихся стран также оказывает большое влияние на новый облик мировой энергосистемы. В ближайшие 25 лет население стран Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона увеличится на 1,4 млрд чел.¹.
4. Ещё одним фактором, который влияет как на производство энергии, так и на рост потребления, является цифровая революция с применением искусственного интеллекта и работой с большими данными.

Особую роль приобретает электроэнергетика, которой предстоит преодолеть риск дефицита в силу скачка роста потребления в Китае, Индии, развивающихся странах и гигантской потребности в электроэнергии для обеспечения центров обработки данных и тяжёлой промышленности.

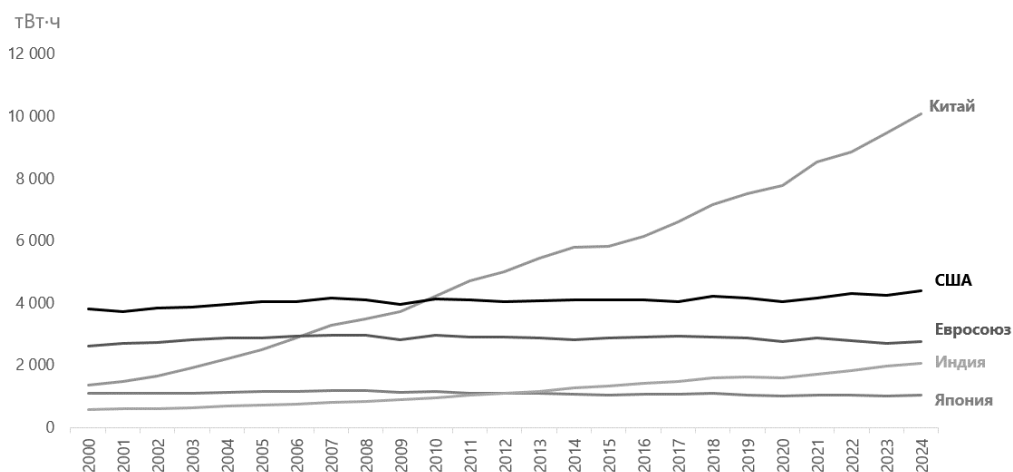

Рисунок 2. Потребление электроэнергии Китаякратно превышает потребление США.

Fig. 2. China's electricity consumption is significantly higher than that of the United States.

Источник: Ember.

Рост потребления будет сопровождаться качественным увеличением производительности труда, основанным на новых технологиях. Процесс запущен. Уже сегодня уровень выработки электроэнергии в Китае более чем в два раза превышает её производство в США, а 25 лет назад было наоборот.

Тот, кто сможет на практике принять участие в формировании нового облика энергетики, получит возможность опережающего экономического и технологического роста.

¹ World Energy Outlook 2024 Free Dataset. 2024. /EA. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-outlook-2024-free-dataset> (accessed 18.08.2025)

Перипетии мировой экономики

Серьёзные катаклизмы и проблемы возникают не в одночасье, их причины и развитие формируются на протяжении определённого времени, и лишь потом бывает достаточно одного толчка, чтобы всё пришло в движение.

К 1971 г. США подошли с дефицитом государственного бюджета², однако вместо того, чтобы войти в режим экономии, они разорвали Бреттон-Вудское соглашение и практически объявили дефолт. В результате отказа от золотого обеспечения доллара США получили возможность бесконечно, как им казалось, финансировать растущие бюджетные и торговые дефициты за счёт необеспеченной эмиссии и наращивания долга.

Основанная на монополии доллара мировая финансовая система нуждается в дополнительной устойчивости, что утверждал ещё в 1960 г. бельгийско-американский экономист Роберт Триффин. В сформулированной им одноимённой дилемме он доказал, что функционирование доллара как международной резервной валюты создаёт постоянный дефицит платёжного баланса США. Его увеличение, в свою очередь, ведёт к избытку долларов в мире, таким образом накапливая противоречия в глобальной финансовой системе. А противоречащее здравому смыслу применение доллара в качестве санкционного оружия подрывает его позиции и создаёт предпосылки к использованию альтернативных инструментов, таких как золото, криптовалюты, а также национальные валюты других стран.

Снижение кредитного рейтинга и неопределённость прогнозов бюджетной стабильности США приводят к тому, что американские казначейские облигации постепенно теряют свой статус «безопасной гавани». Их место занимает золото, цена которого, как правило, растёт накануне глобальных кризисов. По данным Всемирного совета по золоту, только за последние три года доля золота в мировых золотовалютных резервах выросла на 7 процентных пунктов и превысила 20%³. Согласно последнему опросу Всемирного золотого совета, 95% мировых центральных банков планируют увеличить свои резервы золота в течение следующих 12 месяцев.

Ярким подтверждением существенного увеличения спроса на золото является рост его относительной стоимости. Сегодня на 1 унцию золота можно купить примерно в четыре раза больше нефти, в девять раз больше стали и в 35 раз больше пшеницы, чем в 1950 г.

² Дефицит государственного бюджета в 1970 г. составил 2,8 млрд долл. США (Федеральный резервный банк Сент-Луиса)

³ Gold Reserves by Country. 2025. *World Gold Council*

Не случайно в мае 2025 г. губернатор Флориды подписал закон, признающий золото и серебро законным платёжным средством в этом штате⁴.

Объём торговли криптовалютами вырос в десять раз до 18,5 трлн долл. за последние пять лет⁵. В штате Нью-Йорк рассматривается законопроект, разрешающий государственным учреждениям принимать платежи в криптовалюте⁶.

Растёт использование национальных валют, таких как юань, дирхам и индийская рупия, в международной торговле. Доля юаня в международных расчётах уже превысила 6%, догнав евро⁷.

В результате ипотечного кризиса 2008 г. финансовый сектор оказался на грани краха. Чтобы спасти его, в мире был напечатан эквивалент 35 трлн долл.⁸. Вследствие такой политики Запада большая часть мира сегодня сидит на «долговой игле». Общий уровень долга промышленно развитых стран, включая долг негосударственного сектора⁹, находится на запредельном уровне, приближаясь к 300% ВВП¹⁰.

Стоимость финансовых активов частного сектора США по отношению к ВВП

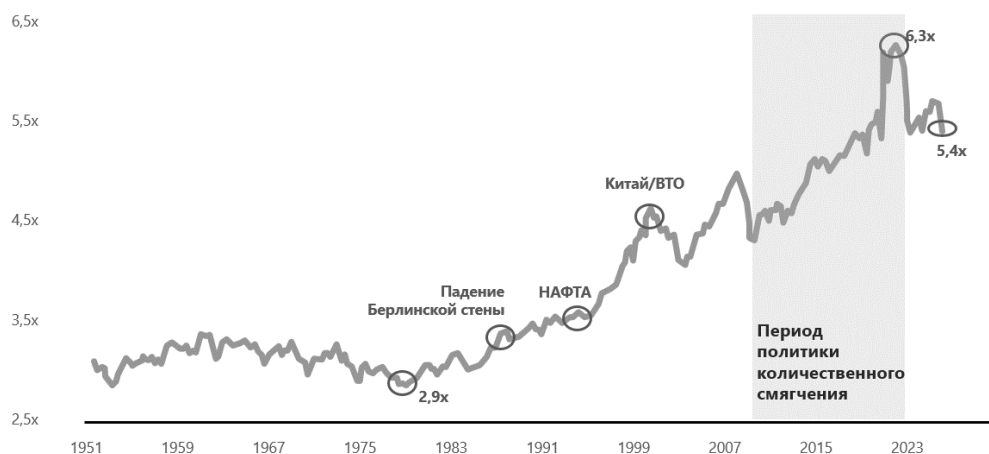

Рисунок 3. Стоимость финансовых активов частного сектора США по отношению к ВВП.

Fig. 3. The value of US private sector financial assets relative to GDP.

Примечание: Финансовые активы США превышают ВВП в пять раз.

Источник: Bank of America.

⁴ Gov. DeSantis signs bill to make gold, silver legal tender in Florida. 2025. *FOX 13 Tampa Bay*. URL: <https://www.fox13news.com/news/gov-desantis-signs-bill-make-gold-silver-legal-tender-florida> (accessed 18.08.2025)

⁵ The Bloc

⁶ New York State Assembly Bill 2025-A7788. 2025. *The New York State Senate*.

⁷ SWIFT

⁸ Global Debt Report 2025: Financing Growth in a Challenging Debt Market Environment. 2025. *OECD*. DOI: 10.1787/8ee42b13-en

⁹ Совокупный долг государственного и частного сектора.

¹⁰ On the Cusp of a New Era? 2022. Discussion paper. *McKinsey Global Institute*. October 2022. P. 25.

Диспропорциональный рост финансового сектора привёл к тому, что сегодня в США стоимость финансовых активов более чем в пять раз превышает ВВП¹¹. Эта тенденция характерна для большинства экономик мира. Даже в России размер финансовых активов уже приближается к 100% ВВП.

Трудности развития мировой экономики порождают различные попытки найти решение накопившихся вопросов. В том числе одним из инструментов устранения проблемы бюджетного дефицита США в последнее время стали торговые ограничения. Однако резкий рост импортных пошлин ведёт к разрыву цепочек, созданию дефицита, инфляции.

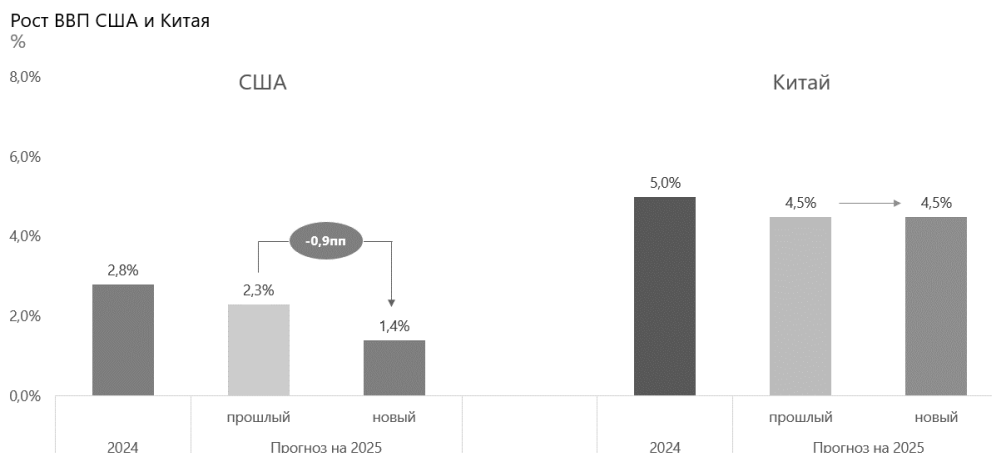

Рисунок 4. Тарифная война пока больше повлияла на США, чем на Китай.

Fig. 4. The tariff war has had a greater impact on the United States than on China.

Примечание: прогнозы Всемирного банка от января и июня 2025 г., соответственно.

Источник: Всемирный банк.

Ограничения, введённые в 2025 г., Китай в отличие от США, практически не заметил. В своём последнем докладе Всемирный банк снизил прогноз роста ВВП США в текущем году до 1,4%. Для Китая прогноз не изменился: ожидается, что его экономика в этом году вырастет на 4,5%¹².

¹¹ 'Stay BIG, Sell Rips': Hartnett Doubts Bull Market Without 3 Key Catalysts. 2025. *Benzinga*. URL: <https://www.benzinga.com/analyst-ratings/analyst-color/25/04/45007990/stay-big-sell-rips-hartnett-doubts-bull-market-without-3-key-catalysts> (accessed 18.08.2025)

¹² Global Economic Prospects. 2025. *World Bank*. June 2025, Washington, DC.

Наращивание долга и милитаризация – разрушение принципов рыночной экономики

Затруднительное положение, в котором оказались развитые страны, уже находит отражение в оценке их кредитоспособности. В мае 2025 г. агентство «Мудис» стало последним из трёх ведущих международных рейтинговых агентств, лишивших США наивысшего кредитного рейтинга¹³.

При растущем дефиците процентные платежи отвлекают на себя значительные бюджетные ресурсы из социальной и оборонной сфер. В прошлом году чистые процентные платежи по государственному долгу достигли триллиона долларов, что составило 14% всех расходов госбюджета, превысило расходы на оборону и уже приближается к сумме расходов на здравоохранение.

В истории есть масса примеров того, как великие державы приходят к упадку из-за чрезмерно высокого уровня госдолга. Судьба габсбургской Испании в XVII в. и монархической Франции в XVIII в., Османской и Британской империй в прошлом столетии полностью подтверждают эту теорию (Ferguson 2025: 7–29).

В конце XVIII в. французские правители на себе ощутили, что гильотина фискальная очень быстро может закончиться гильотиной реальной. К этому времени Франция накопила такой объём долгов, что на их обслуживание уходило более половины всех государственных расходов (Ferguson 2025: 7–29), что привело к росту налогов. Именно это стало одной из основных причин Великой французской революции, которая, по сути своей, обеспечила переход от монархии к буржуазной парламентской республике.

В этом году страны НАТО приступили к разработке соглашения об увеличении военных расходов до 5% ВВП к 2032 г.¹⁴. Их ничем не обеспеченный рост усугубит и без того непростую фискальную ситуацию этих стран.

США предлагают своим европейским союзникам гарантировать рост расходов на оборону, бенефициаром которого является американский военно-промышленный комплекс. Только на одну эту страну приходится почти половина мировой торговли оружием.

США не афишируют, что милитаризация «партнёров» по НАТО для них – перекладывание собственных оборонных расходов на союзников, повышение налогооблагаемой базы и сокращение торгового дефицита. Ведь ещё Макиавелли говорил: «il potere dell'autorità risiede nel suo segreto. Сила власти – в её тайне».

¹³ Moody's снизило кредитный рейтинг США. 2025. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2025/6827b98d9a79478f68a193d9> (дата обращения: 18.08.2025)

¹⁴ NATO Is Sketching out Plan to Meet Trump Call for 5% of GDP on Defense. 2025. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-14/nato-is-sketching-out-plan-to-meet-trump-call-for-5-on-defense> (accessed 18.08.2025)

Рост западного военно-промышленного комплекса отвлекает на себя колоссальные ресурсы из производственных отраслей. Например, для производства одного истребителя F-35 необходимо 417 кг редкоземельных металлов¹⁵. Неудивительно, что в последние годы развернулась настоящая охота за этими ресурсами. Только Украина за четыре года подписала три соглашения в этой связи: с Евросоюзом, Великобританией и США.

Но все эти действия как в Европе, так и в США вряд ли станут панацеей от всех бед. Всегда найдётся асимметричный ответ.

Цифровая революция потребует значительного количества электроэнергии

Цифровая революция с применением искусственного интеллекта и работой с большими данными должна стать основой роста производительности труда. По оценке инвестиционного банка «Голдман Сакс», широкомасштабное внедрение высоких технологий позволит увеличивать производительность труда на полтора процентных пункта для развитых стран и на один процентный пункт для развивающихся стран в течение 10 лет¹⁶.

Однако развитие высоких технологий требует значительного объёма природных ресурсов, а также масштабных инвестиций в инфраструктуру и человеческий капитал. Это, в свою очередь, означает многократный рост потребления энергии. Вне всякого сомнения, одной из основных движущих сил новой технологической революции является энергетический сектор. Использование искусственного интеллекта на базе крупных центров обработки данных представляет собой высокоэнергоёмкий процесс. По данным Международного энергетического агентства, сегодня потребности в электроэнергии одного центра обработки данных мощностью 100 мегаватт сопоставимы с потреблением 100 тыс. домохозяйств. В будущем эти потребности могут вырасти в десятки раз¹⁷.

¹⁵ Manufacturers Case Study: Using the Rare Earth Elements. 2019. *Science History Institute*. Philadelphia. URL: <https://www.sciencehistory.org/education/classroom-activities/role-playing-games/case-of-rare-earth-elements/manufacturers/case-study/> (accessed 18.08.2025)

¹⁶ AI Is Showing "Very Positive" Signs of Eventually Boosting GDP and Productivity. 2024. *Goldman Sachs Research*. URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/articles/AI-is-showing-very-positive-signs-of-boosting-gdp> (accessed 18.08.2025)

¹⁷ Energy and AI. 2025. *IEA*. URL: <https://www.iea.org/events/energy-and-ai> (accessed 18.08.2025)

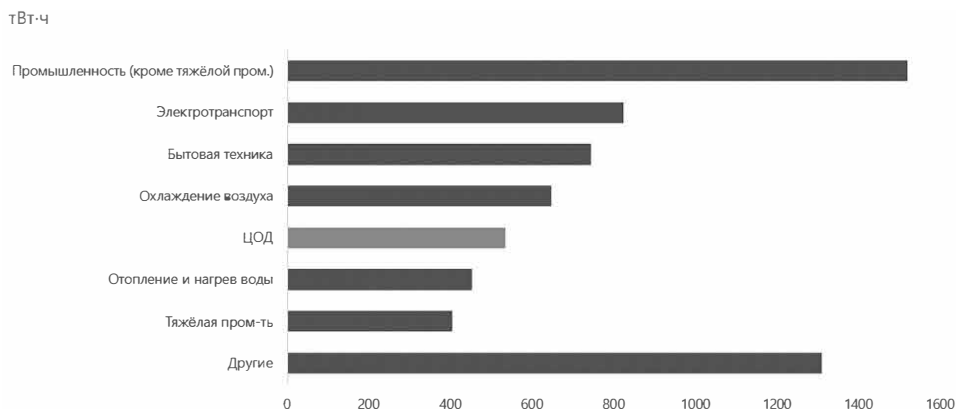

Рисунок 5. ЦОД входят в пятёрку лидеров по росту энергопотребления.

Fig. 5. Data centers are among the top five in terms of energy consumption growth.

Примечание: использован базовый сценарий.

Источник: МЭА.

Такие центры внесут большой вклад в рост мирового спроса на электроэнергию, чем тяжёлая промышленность или теплоснабжение. По прогнозам¹⁸, к 2030 г. потребление ими электроэнергии более чем удвоится и достигнет одной тысячи тераватт-часов¹⁹, что сопоставимо с текущим потреблением Японии.

Степень влияния цифровизации на мировую энергосистему хорошо видна на примере криптовалют. Менее чем за десять лет они превратились в самостоятельную отрасль, которая сегодня потребляет ресурсы наравне с целыми государствами. Так, энергопотребление в процессе майнинга биткоина уже превысило уровень потребления всей экономики Польши.

Цифровая революция открывает новую эру и в развитии нефтегазовой отрасли, в том числе повлияет на разведку, добычу, переработку нефти, хранение данных и кибербезопасность отрасли. По экспертным оценкам, рынок технологий искусственного интеллекта в нефтегазовой отрасли вырастет на 83% уже к 2030 г. В данный момент 49% этого рынка приходится на сегмент переработки. Ожидается, что внедрение искусственного интеллекта в сегменте разведки и добычи будет расти по 14% в год в следующие пять лет²⁰.

¹⁸ Прогнозы ведущих мировых агентств и международных банков

¹⁹ Прогноз МЭА предполагает рост до 945 ТВт*ч, а Goldman Sachs ожидает рост до более 1 000 ТВт*ч

²⁰ AI in Oil and Gas Market Analysis: Industry Report, Size & Forecast (2025–2030). 2025. Mordor Intelligence. Hyderabad. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/ai-market-in-oil-and-gas> (accessed 18.08.2025)

Развивающиеся страны – ключевой фактор роста потребления энергии

Ещё одним ключевым драйвером потребления энергии становятся развивающиеся страны. Одна из главных причин этого – демография. Ожидается, что в ближайшие 25 лет население стран Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона суммарно вырастет на 1,4 млрд чел., что обеспечит практически весь прирост населения мира²¹.

Урбанизация – также важный фактор роста спроса на энергию. И здесь основные изменения происходят в странах Азии и Африки. По оценке МЭА, в ближайшие 25 лет число горожан в них увеличится более чем на 1,6 млрд чел.²².

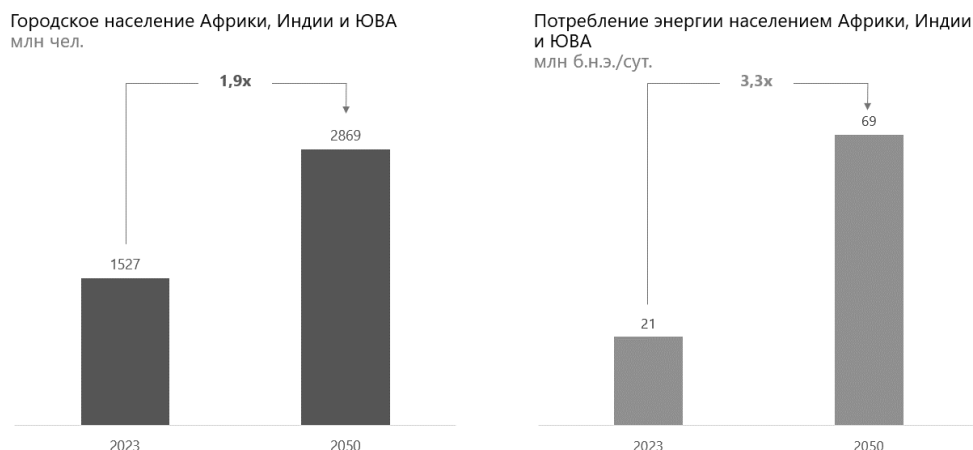

Рисунок. 6. Урбанизация приведёт к росту потребления энергии населением Африки, Индии, ЮВА.

Fig. 6. Urbanization will lead to increased energy consumption in Africa, India, and Southeast Asia.

Примечание: расчёт потребления энергии населением Африки, Индии, ЮВА в 2050 г. предполагает достижение текущего уровня потребления энергии населением Китая (14 б.н.э./сут. на 1000 чел.)

Источник: МЭА, ОПЕК, расчёты Роснефти.

²¹ World Energy Outlook 2024. 2024. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024> (accessed 18.08.2025)

²² *Ibid.*

К 2050 г. при потреблении энергии населением Африки, Индии и Юго-Восточной Азии на сегодняшнем уровне населения Китая совокупное дополнительное потребление составит около 50 млн барр. нефтяного эквивалента в сутки. Это равно четверти мирового спроса на энергию на сегодняшний день²³.

Рост потребления электроэнергии – это ключевой вызов. Уже в этом году инвестиции в этот сектор на 50% превысят вложения в ископаемое топливо^{24, 25}. Действительно, за последние 15 лет потребление электроэнергии росло опережающими темпами, а в следующие 25 лет, по расчётам МЭА, выработка электроэнергии должна практически удвоиться. Наибольший вклад в этот рост также внесут страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые обеспечат 60% прироста потребления²⁶.

Особенно ярко этот процесс виден на примере Индии, где пиковая нагрузка на энергосистему выросла почти на 70% за последние десять лет.

Новая энергетика – синтез традиционных и альтернативных источников

Поиск новых источников энергии никогда не прекращался. Уже много лет большие надежды возлагаются на использование водорода. Однако до сих пор на низкоуглеродный водород приходится менее 1% от всех производимых объёмов. По оценке консалтинговой компании «Делойт», внедрение зелёного водородного топлива обойдётся в почти 10 трлн долл. к 2050 г.²⁷.

При этом, его себестоимость варьируется от 200 до 400 долл. за баррель нефтяного эквивалента²⁸. Очевидно, что в таких условиях водород не выдерживает никакой конкуренции с нефтью и газом.

Важно отметить, что производство водорода более дешевым способом не позволяет снизить углеродный след. Так, по данным МЭА, выбросы при производстве так называемого «серого» водорода превышают выбросы, возникающие при полном цикле производства и использования бензина.

Обсуждается сегодня и космическая солнечная энергетика. Она представляет собой преобразование солнечной энергии в электроэнергию в космосе при помощи оснащённого солнечными батареями спутника и её дальнейшую передачу на Землю. Проблема лишь в том, что, по оценке консалтинговой

²³ Имеется ввиду конечное потребление энергии.

²⁴ Под ископаемым топливом имеются в виду нефть, газ и уголь.

²⁵ World Energy Investment 2025. 2025. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.08.2025)

²⁶ World Energy Outlook 2024. 2024. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024> (accessed 18.08.2025)

²⁷ Green Hydrogen: Energizing the Path to Net Zero. 2023. Deloitte. London. URL: <https://www.deloitte.com/global/en/issues/climate/green-hydrogen.html> (accessed 18.08.2025)

²⁸ Global Hydrogen Review 2024. 2024. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2024>

компании «Роланд Бергер», стоимость только одного такого спутника превышает 30 млрд евро. До сих пор не существует технологии, которая позволила бы передавать огромные объёмы энергии на Землю из космоса²⁹.

В области хранения энергии также идёт активная работа. Появляются альтернативные типы аккумуляторов, которые уже сейчас предлагают определённые преимущества, однако ещё не готовы для широкого внедрения. Например, натрий-ионный аккумулятор сокращает время зарядки на 75% и обладают более высокой производительностью в условиях низких температур, однако в разы уступает существующим литий-ионным аналогам в энергоёмкости и сроке эксплуатации.

Как мы видим, до полноценного внедрения всех этих технологий ещё очень далеко. Поэтому сегодня оптимальным решением является синтез традиционных и альтернативных источников.

Ещё в 30-х гг. прошлого столетия была сформулирована идея термоядерного синтеза, многие известные учёные, включая нобелевских лауреатов Ханса Бете, Петра Капицу, Игоря Тамма, и позднее Андрея Сахарова, стремились воспроизвести этот процесс и управлять им. В теории термоядерный синтез способен генерировать почти в четыре миллиона раз больше энергии, чем сжигание нефти или угля³⁰. Однако для поддержания управляемой термоядерной реакции и устойчивого получения энергии всё ещё необходимо усовершенствовать методы удержания плазмы, обеспечения её стабильности, а также повышения КПД.

Тем не менее на фоне роста потребления все виды генерации, включая атомную, переживают второе рождение. Это хорошо иллюстрирует цена уранового топлива, выросшая за последние семь лет более чем в три раза.

Ещё несколько лет назад атомная энергетика находилась в глубоком кризисе: из-за снижения активности в отрасли таким крупным компаниям, как «Вестингхауз» и «Арева», пришлось пройти через реструктуризацию и неоднозначную смену собственников.

За последние пять лет ежегодные глобальные инвестиции в атомную энергетику увеличились на 50% и в прошлом году достигли 70 млрд долл.³¹. Китай становится сегодня одним из лидеров атомной энергетики. За последние десять лет установленная мощность атомной генерации этой страны выросла в пять раз и приблизилась к 60 ГВт. В ближайшие годы Китай планирует завершить строительство ещё 32 реакторов³².

²⁹ Дорого и тяжело: зачем Европе солнечная батарея в космосе. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/632075a49a79478158146a36> (дата обращения: 18.08.2025)

³⁰ Что такое термоядерный синтез? 2025. IAEA. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/chto-takoe-termoyadernyy-sintez> (дата обращения: 18.08.2025)

³¹ World Energy Investment 2025. 2025. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.08.2025)

³² Nuclear Power in China. 2025. World Nuclear Association. London. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power> (accessed 18.08.2025)

Важно отметить, что в развитии своей атомной промышленности Китай опирается на последние технологические достижения ведущих атомных держав: России, США и Франции. На втором месте по количеству новых атомных проектов находится Индия с шестью реакторами³³.

Россия обладает многолетним опытом строительства атомных электростанций. Стоимость самого современного российского реактора ВВЭР-1200 в два раза ниже, чем американского «Эй-Пи 1000». Сегодня такие реакторы уже работают в России и планируются к вводу в эксплуатацию в дружественных странах.

Особое значение имеет обеспеченность ресурсной базой. Сегодня всего семь стран, включая Российскую Федерацию, контролируют более 90% мирового производства уранового топлива и около 70% мировых запасов урана.

Россия сегодня – единственная в мире страна, обладающая компетенциями во всей технологической цепочке ядерного топливного цикла, от добычи урана до утилизации ядерного топлива. Всего по российским технологиям в мире построено 80 атомных реакторов. Единственная в мире плавучая атомная станция малой мощности введена в эксплуатацию в России. На сегодняшний день в нашей стране находятся на стадии строительства четыре атомные электростанции.

Также в нашей стране уже десять лет успешно эксплуатируется ядерный реактор с натриевым теплоносителем, относящийся к категории реакторов на быстрых нейтронах БН-800. На стадии строительства находится ещё один реактор на быстрых нейтронах последнего поколения БН-1200.

В реакторах такого типа заложены самые совершенные технические решения, в том числе укрупнение топливовыделяющих элементов, применение уран-плутониевого смешанного топлива, а также новых конструкционных сталей с повышенной радиационной стойкостью, которые обеспечивают более глубокое выгорание топлива и более высокую эффективность³⁴. В частности, КПД выработки электроэнергии повышается на 20–25%, даже без учёта значительно более высокой эффективности использования топлива.

Ожидается, что инвестиции в атомную сферу продолжат расти. По прогнозу МЭА, к 2050 г. установленная мощность атомной генерации в мире вырастет почти на 60% и достигнет 650 ГВт^{35, 36}. Скорее всего, эта оценка занижена, поскольку всего несколько недель назад президент США поставил цель увеличить мощность атомной генерации в этой стране в четыре раза до 400 ГВт (Kratsios 2025).

³³ Информационная система по энергетическим реакторам, данные на 13 июня 2025 г. МАГАТЭ. URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/UnderConstructionReactorsByCountry.aspx> (accessed 18.08.2025)

³⁴ Быстрый, натриевый, модернизированный. *Rosatom Newsletter*. July 2023. №267. URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2023/07/31/fast-sodium-and-upgraded/> (дата обращения: 18.08.2025)

³⁵ Для прогноза на 2035 г.

³⁶ The Path to a New Era for Nuclear Energy. 2025. *IEA*. URL: <https://www.iea.org/reports/the-path-to-a-new-era-for-nuclear-energy> (accessed 18.08.2025)

Повышенное внимание инвесторов сегодня привлекают к себе новые технологии, такие как малые модульные реакторы. При том что такие реакторы более мобильны, их внедрение также требуют инвестиций в развитие энергосетей. Помимо этого, отдельное внимание стоит уделить вопросам их безопасности и защищённости от террористических угроз.

Недавно компания «Роллс-Ройс» выиграла тендер на сооружение таких реакторов в Великобритании. Эксперты отмечают, что эти реакторы имеют ряд особенностей³⁷. Одна из них следующим образом описана в Экклезиасте: «Кривое не может сделаться прямым, а чего нет, того нельзя считать»³⁸. Просто ни один из подобных реакторов ещё не был введён в эксплуатацию.

Предлагаемые реакторы меньшей мощности будут требовать не меньше усилий и затрат, в том числе, связанных с утилизацией топлива и обеспечением безопасности, чем существующие реакторы большей мощности.

И наконец, атомная энергетика – это, в любом случае, технологии двойного назначения. Вопросу нераспространения ядерного оружия должно уделяться самое пристальное внимание, ведь считается, что именно из-за него и происходит сейчас обострение ближневосточного конфликта. Необходимо понимать, хотим ли мы дальнейшего расширения ядерного клуба.

Проблемы зелёного энергоперехода

За последние десять лет совокупные расходы на энергопереход достигли 10 трлн долл.³⁹. За этот же период доля солнечной и ветровой энергии в мировом энергобалансе увеличилась всего на четыре процентных пункта — до 6%⁴⁰. По оценке МЭА, только в этом году мир инвестирует более двух трлн долл. в развитие так называемой «чистой» энергетики. Это вдвое больше чем в ископаемое топливо, на которое, по-прежнему, приходится почти 80% мирового энергопотребления⁴¹.

³⁷ Jolly J. 2025. 'A Viable Business': Rolls-Royce Banking on Success of Small Modular Reactors. *The Guardian*. January 2025. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2025/jan/15/a-viable-business-rolls-royce-banking-on-success-of-small-modular-reactors> (accessed 18.08.2025)

³⁸ Экклезиаст, 1:15

³⁹ Kennedy R. 2025. Global Clean Energy Investment hit \$2.1 Trillion in 2024, Says BNEF. *PV Magazine*. <https://www.pv-magazine.com/2025/01/31/global-clean-energy-investment-hit-2-1-trillion-in-2024-says-bnef/> (accessed 18.08.2025)

⁴⁰ Our World in Data, данные за 2023 г.

⁴¹ World Energy Investment 2025. 2025. /IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.10.2025)

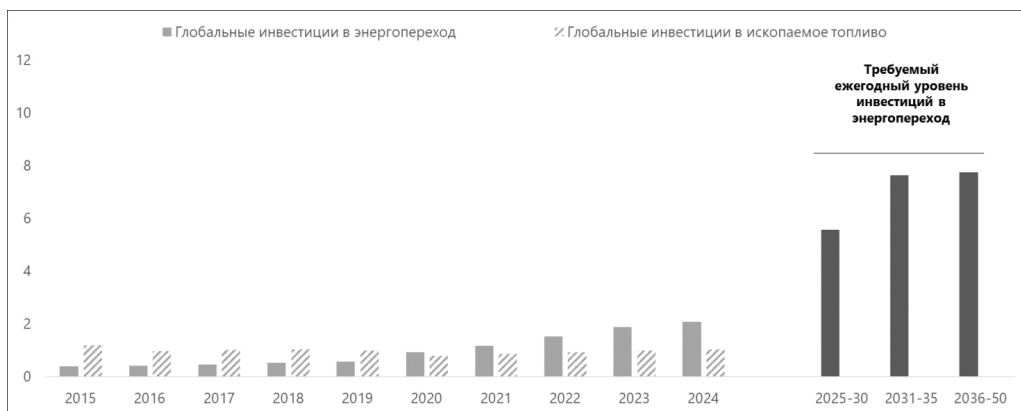

Рисунок. 7. Инвестиции в «чистую» энергетику уже вдвое превышают инвестиции в ископаемое топливо.

Fig. 7. Investments in clean energy are already twice as high as investments in fossil fuels.

Источники: BloombergNEF, МЭА.

Уже сейчас становится понятно, что даже удвоение инвестиций не даст желаемого результата. По оценкам экспертов, достижение нулевого уровня выбросов к 2050 г. требует более 180 трлн долл. вложений. Иначе говоря, в среднем придётся тратить более семи трлн долл. в год⁴². А ведь ещё Талейран говорил: «Tout ce qui est excessif est insignifiant. Всё, что избыточно – несущественно»⁴³.

Помимо этого, регуляторам в разных странах необходимо выработать единые технические стандарты для новых источников энергии, обеспечивающие их универсализацию и быструю адаптацию к любому рынку. Это потребует специальных усилий и значительного времени.

Важно отметить, что всякий раз, когда человечество переходило на новый вид топлива, повышалась эффективность энергосистемы и расширялись её возможности (Smil 2015). Это было связано с тем, что новый источник энергии, как правило, обладал более высокой плотностью энергетического потока.

Капица доказал, что плотность энергетического потока является ключевой характеристикой любого вида энергии. По этому показателю такие виды ископаемого топлива, как уголь (135,1 Вт/м²), нефть (195 Вт/м²) и газ (482 Вт/м²), а также атомная энергия (241 Вт/м²) намного опережают и солнечную (6,6 Вт/м²), и ветровую энергию (1,8 Вт/м²) (Zalk, Behrens 2018: 83–91). Таким образом, концепция «чистого нуля» фактически перечёркивает столетия поступательного развития общества, предлагая человечеству энергетический регресс.

⁴² Energy Transition Investment Trends. 2025. BloombergNEF. URL: <https://about.bnef.com/insights/finance/energy-transition-investment-trends/> (accessed 18.08.2025)

⁴³ Tout ce qui est excessif est insignifiant. Le Figaro.

Однако у европейских политиков не хватает смелости публично признать этот факт. Их слепая вера в зелёный переход уже напоминает зависимость. Как метко выразился один из классиков французской литературы: «Красный нос – признак постоянства характера».

Очевидно, что интеграция возобновляемых источников энергии требует глубокой трансформации инфраструктуры, масштабы которой недооцениваются. По оценке МЭА, глобальные вложения в развитие энергосетей в два с половиной раза отстают от инвестиций в генерацию⁴⁴.

Отказ основных инициаторов климатической повестки от её реализации и прекращение льготного финансирования зелёных проектов подтверждается объективными выводами ряда учёных.

С научной точки зрения масштабное внедрение ВИЭ не окажет ожидаемого эффекта на климат. Американские физики Ричард Линдзен и Уильям Хэппер в своей недавней работе заявили, что предположительное достижение «чистого нуля» в США к 2050 г. позволит избежать повышения температуры только на две сотых градуса по Фаренгейту, а во всем мире – лишь на тринадцать сотых градуса по Фаренгейту (Lindzen, Harper 2024). Эффект, очевидно, несоизмеримый с объёмом требуемых затрат.

Более того, вся концепция «чистого нуля» выбросов построена также на предположении о том, что рост концентрации углекислого газа негативно влияет на климат. Однако недавнее исследование западных учёных (Wijngaarden, Harper 2025) подтвердило более ранние выводы Нобелевского лауреата Джона Клаузера о доминирующем влиянии облаков на изменение климата. Даже незначительное снижение облачности на высоте менее 2000 м может на несколько процентов увеличить нагрев поверхности Земли солнечными лучами. Этот эффект в несколько раз превышает то влияние, которое могло бы оказать на климат удвоение концентрации углекислого газа в атмосфере.

Одним из основных постулатов теории зелёного перехода является тезис о сокращении ледяного покрова. Однако последние исследования китайских учёных показывают, что с 2021 по 2023 г. в Антарктиде происходил существенный прирост массы льда в объёме 108 гигатонн в год (Wang et al. 2025).

Энергобезопасность определяет новый облик мировой энергетики

Развитие ВИЭ должно происходить с опорой на существующие, проверенные временем традиционные источники энергии, иначе оно подорвёт мировую энергобезопасность.

⁴⁴ World Energy Investment 2025. 2025. /EA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.08.2025)

Исторически переход на новые виды топлива никогда не приводил к полному отказу от существующих источников энергии. Напротив, результатом его являлся рост межтопливной конкуренции, основанный на принципе наибольшей эффективности. Так, уголь по-прежнему остаётся крупнейшим источником электроэнергии в мире⁴⁵ и вторым крупнейшим источником энергии с долей 25%⁴⁶ в мировом энергобалансе.

Мировой спрос на этот вид топлива в прошлом году поставил новый рекорд в 8,8 млрд т⁴⁷, а международные агентства в очередной раз были вынуждены пересмотреть ожидания по пику спроса на него.

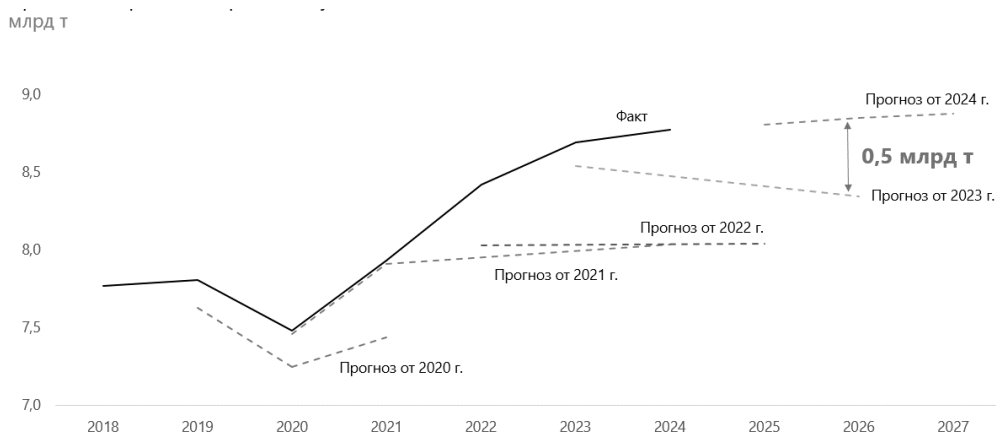

Рисунок 8. Прогнозы мирового потребления угля, по годам.

Fig. 8. Forecasts of world coal consumption, by year.

Примечание: Пик спроса на уголь в очередной раз откладывается.

Источник: Bloomberg со ссылкой на данные МЭА.

С момента подписания Киотского протокола в 1997 г. потребление угля в мире выросло на 75%⁴⁸. А после заключения Парижского соглашения в 2015 г. оно увеличилось почти на 15%⁴⁹.

Уникальным примером грамотного подхода к развитию энергосистемы является Китай, на долю которого сегодня приходится треть мировых инвестиций в энергетический сектор⁵⁰.

⁴⁵ Global Energy Review 2025. 2025. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2025> (accessed 18.08.2025)

⁴⁶ Energy Mix. 2023. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/energy-mix> (accessed 18.08.2025)

⁴⁷ Расчеты Роснефти на базе данных МЭА

⁴⁸ Statistical Review of World Energy 2024. 2024. *Energy Institute*. URL: <https://kpmg.com/us/en/articles/2024/statistical-review-world-energy-2024.html> (accessed 18.08.2025)

⁴⁹ Global Energy Review 2025. 2025. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2025> (accessed 18.08.2025)

⁵⁰ World Energy Investment 2025. 2025. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.08.2025)

Китай, уже обеспечивший свою энергобезопасность, уверенно движется к полной энергонезависимости, формируя устойчивый энергобаланс, опирающийся на собственные ресурсы. Нет сомнений, что в обозримом будущем искомый результат будет достигнут, что превратит Китай из импортёра энергоносителей в крупного экспортёра энергии.

На сегодняшний день эта страна стала признанным мировым лидером в возобновляемой энергетике. В последние годы именно в Китае вводится наибольший объём новых мощностей возобновляемых источников энергии и находятся более 70% мировых мощностей по производству оборудования для зелёной экономики⁵¹.

Это касается всей цепочки создания стоимости: от критически важных минералов до производства высокотехнологичного оборудования, не имеющего аналогов в западных странах.

Стремясь обеспечить надёжную работу энергосистемы, Китай также наращивает инвестиции в сопутствующую энергетическую инфраструктуру: инвестиции в энергосети увеличились на 15% в прошлом году, а в этом году темпы их роста могут удвоиться⁵². А инвестиции в аккумуляторные батареи выросли почти в пять раз и достигли 11 млрд долл. На сегодняшний день общая ёмкость таких батарей в Китае превышает 35 ГВт⁵³, что составляет две трети всех мировых мощностей⁵⁴.

При этом Китай никогда не отказывался от ископаемого топлива. За последние пять лет эта страна опередила весь остальной мир по объёму ввода новых мощностей угольной генерации⁵⁵. Сегодня доля угля в производстве электроэнергии в Китае составляет почти 60%⁵⁶. Только в прошлом году Китай выдал разрешения на строительство около 100 гигаватт новой угольной генерации⁵⁷, максимальное значение за последние десять лет, что должно усилить роль угля в энергосистеме.

⁵¹ China Dominates Clean Technology Manufacturing Investment as Tariffs Begin to Reshape Trade Flows. 2025. *BloombergNEF*. URL: <https://about.bnef.com/insights/clean-energy/china-dominates-clean-technology-manufacturing-investment-as-tariffs-begin-to-reshape-trade-flows-bloombergnef/> (accessed 18.08.2025)

⁵² China Accelerates Grid Spending to Absorb Deluge of Solar Power. 2025. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-03-20/china-accelerates-grid-spending-to-absorb-deluge-of-solar-power> (accessed 18.08.2025)

⁵³ Howe C. 2024. China, Struggling to Make Use of a Boom in Energy Storage, Calls for Even More. *Reuters*. July 2024. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-struggling-make-use-boom-energy-storage-calls-even-more-2024-07-05/> (accessed 18.08.2025)

⁵⁴ Which Are The Top 20 Countries for Battery Energy Storage Capacity? 2025. *Rho Motion*. URL: <https://rhomotion.com/news/which-are-the-top-20-countries-for-battery-energy-storage-capacity/> (accessed 18.08.2025)

⁵⁵ Coal 2024: Analysis and Forecast to 2027. 2024. *IEA*. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2024> (accessed 18.08.2025)

⁵⁶ Энергетическое агентство «Эмбер».

⁵⁷ World Energy Investment 2025. 2025. *IEA*. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.08.2025)

Усилия Китая по укреплению собственной энергобезопасности вызывают шквал критики, часто замаскированной под заботу об экологии. Как метко заметил ещё две с половиной тысячи лет назад выдающийся китайский стратег и мыслитель Сунь Цзы: «Чем гениальнее ваш план, тем меньше людей будут с ним согласны».

Новая энергетическая стратегия Китая особенно чётко прослеживается на примере электромобилей. Рост их продаж привёл к значительному замедлению спроса на моторное топливо в прошлом году. Продолжение этой тенденции может оказать существенное реверсивное влияние на баланс нефтяного рынка.

Немаловажной частью стратегии Китая по снижению зависимости от импорта энергоносителей является переработка угля в синтетическое топливо и химическую продукцию. В развитие этой отрасли китайские компании вкладывают миллиарды долларов. По мнению экспертов, уже сегодня в Китае 40 млн т угля направляется на производство синтетического топлива и более 260 млн т – на производство метанола и аммиака⁵⁸.

В России также имеются существенные продвижения по данному направлению, в частности компания «Роснефть» завершила разработку собственных технологий и катализаторов по всей цепочке процесса «Джи-Ти-Эл». Соответствующими патентами покрыты все стадии технологического процесса. Планируется внедрение этой технологии на Таймыре. Результатом проделанной работы является синтетическая нефть, состоящая из чистейших молекул углеводородов с нулевым содержанием серы.

Индия, от которой многие сегодня ожидают взрывного роста спроса на энергию, находится на пороге выбора своей модели энергопотребления. В этой стране мы также наблюдаем рост интереса к угольной и атомной генерации. Так, например, уже в этом году планируется возобновить работу более чем 30 угольных шахт, а также запустить ещё пять новых проектов по добыче угля⁵⁹. Индия также строит шесть новых атомных реакторов.

Согласно планам Министерства энергетики, в Индии для удовлетворения растущего спроса на электроэнергию к 2032 г. будет построено как минимум 80 гигаватт дополнительных угольных мощностей – это соответствует росту более чем на треть с текущих 218 гигаватт – и потребует порядка 80 млрд долл. инвестиций (Sethuraman 2025). Эти новые мощности обеспечат порядка четверти прогнозируемого прироста спроса на электроэнергию в Индии.

⁵⁸ Расчёты «Роснефти» на основе данных МЭА, Китайского института исследований угля, Института энергетики

⁵⁹ India's Coal Champion Reopens Dozens of Mines. 2025. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/ffae3a20-a94c-443a-9d2e-064d44a0d80b> (accessed 18.08.2025)

В США, где потребление электроэнергии вновь перешло к росту после десятилетия стагнации⁶⁰, новая администрация уже пересматривает энергетическую стратегию в пользу традиционных источников.

Так, президент Трамп недавно подписал ряд указов, направленных на возрождение угольной промышленности⁶¹. Одновременно с ослаблением регулирования Минэнерго США повысило прогноз по американской добыче угля в этом году на 6%⁶².

Отмена субсидий для зелёной энергетики в США показывает, что эта страна, в отличие от Евросоюза, возвращается к прагматичной политике. Непродуманная стратегия отказа от традиционной генерации уже привела к тому, что стоимость производства электроэнергии в Европе сегодня в 3–5 раз выше, чем в США.

Энергетическая политика, изначально заявленная новой администрацией США, была многообещающей. Однако большинство из заявленных целей пока не достигнуто. Тарифные войны привели к падению цен на нефть, при этом налоги для нефтяной отрасли остаются на прежнем уровне, а процентные ставки не снижаются. На этом фоне число активных буровых установок за два последних месяца упало на 9% до 439 штук и остановился рост добычи нефти.

Менее чем за год Минэнерго США снизило свой прогноз по добыче нефти в США к концу 2025 г. на 400 тыс. барр. в сутки.

При текущих ценах добыча нефти в США, по всей видимости, достигла пика. Такое мнение недавно озвучили компании «Даймондбэк» и «КонокоФилипс». Нефтесервисная компания «Либерти Энерджи», основанная министром энергетики США Крисом Райтом, ожидает значительного замедления буровой активности во второй половине этого года, что должно привести к сокращению бурового флота США ещё примерно на 10%⁶³. Неудивительно, что на этом фоне многие сланцевые игроки уже начали сокращать инвестиции.

По оценке МЭА, в 2025 г. впервые за пять лет глобальные вложения в разведку и добычу нефти снизятся на 6%, в США падение составит около 10%⁶⁴. В дальнейшем обеспеченность нефтяной отрасли инвестициями может ещё больше ухудшиться.

⁶⁰ After More Than a Decade of Little Change, U.S. Electricity Consumption is Rising Again. 2025. *U.S. Energy Information Administration*. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=65264> (accessed 18.08.2025)

⁶¹ Fact Sheet: President Donald J. Trump Lifts Burdensome EPA Restrictions on Coal Plants. 2025. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-lifts-burdensome-epa-restrictions-on-coal-plants/> (accessed 18.08.2025)

⁶² Short-Term Energy Outlook, May 2025. 2025. *U.S. Energy Information Administration*. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/steo/> (accessed 18.08.2025)

⁶³ Wethe D. 2025. Fracking Company Founded by Trump's Energy Chief Predicts a Shale Slowdown. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-15/fracking-company-founded-by-trump-energy-chief-sees-shale-slowdown-as-oil-drops> (accessed 18.08.2025)

⁶⁴ World Energy Investment 2025. 2025. *IEA*. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (accessed 18.10.2025)

Новый глава Минфина США Скотт Бессент неоднократно заявлял, что для успеха второго президентского срока Трампа необходим рост добычи нефти в США в размере трёх млн барр. в сутки. Это часть так называемого «Плана 3–3–3», который также подразумевает сокращение бюджетного дефицита США до 3% ВВП и достижение трёхпроцентного роста ВВП.

Что касается баррелей: какая разница для американского рынка откуда они придут? Вполне возможно, это могут быть баррели, произведённые в странах – участницах ОПЕК+. Альянс последовательно, с конца прошлого года заявлял о необходимости наращивания добычи в связи с изменениями потребления.

Заявленное увеличение производства с мая этого года в три раза превышает первоначальный план альянса. Помимо этого, весь прирост добычи ОПЕК+ может быть сдвинут на год раньше плана. Решение, принятое лидерами ОПЕК, о форсированном увеличении добычи выглядит сегодня весьма дальновидным и, с точки зрения рынка, оправданным, учитывая интересы потребителей в свете неопределённости в отношении масштабов ирано-израильского конфликта.

Низкие цены на нефть устраивают потребителей в США, где цена бензина с поправкой на инфляцию уже вернулась к уровню 2019 г. Не случайно, что это происходит на фоне активизации ближневосточной политики Белого дома и заключения целого ряда соглашений с ключевыми странами региона.

Мировые запасы нефти
млн барр.

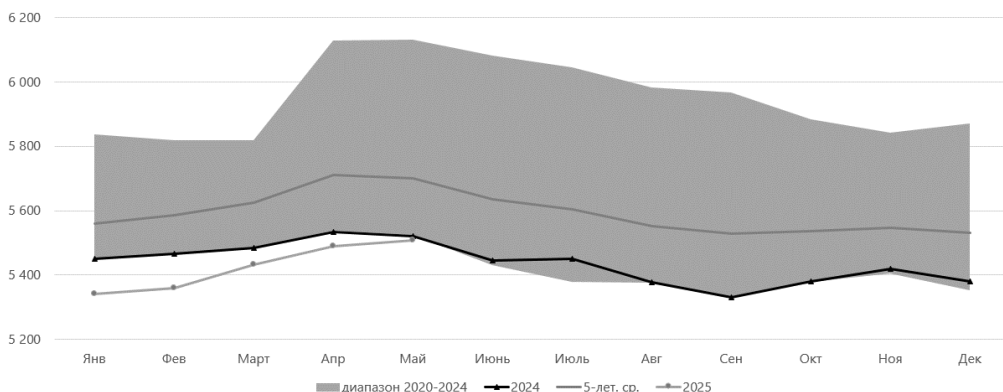

Рисунок 9. Мировые запасы нефти на пятилетнем минимуме.

Fig. 9. World oil reserves at a five-year low.

Источник: Energy Aspects.

Несмотря на заявленный рост добычи, ни о каком избытке нефти на рынке в долгосрочной перспективе и речи быть не может. Мировые запасы нефти сейчас находятся на минимальных уровнях за последние пять лет.

Важно отметить, что Евросоюз продолжает попытки продавить снижение ценового потолка на российскую нефть до 45 долл. за барр. Однако реальной целью является стремление Евросоюза повысить эффективность своих закупок из России, а не снизить доходы российского бюджета, как публично декларировалось. Цифры подтверждают это: по данным западных экспертов, с начала 2023 г. Европа закупила российской нефти на более чем 20 млрд евро, став таким образом четвёртым по объёму покупателем.

Очевидно, что США не согласятся на снижение референтных цен, продвигаемое европейцами, потому что оно негативно повлияет на рентабельность нефтяного экспорта США.

Интересно что импорт российских темных нефтепродуктов после начала санкционных ограничений позволяет Саудовской Аравии эффективно удовлетворять потребности своей энергетической отрасли в сырье без ущерба для экспорта нефти. Объём мазута и вакуумного газойля, поставленный в эту страну из России за последние 12 мес., более чем в шесть раз превысил объём поставок четырёхлетней давности.

Аналогичный подход используют сегодня и индийские переработчики. Индия, второй по величине покупатель российской нефти, за последние три года практически удвоила экспорт нефтепродуктов в Европу.

Для балансировки бюджета многих стран-производителей необходима цена нефти значительно выше текущих уровней. Так, по расчётам МВФ, в 2025 г. для бюджета Саудовской Аравии эта цена находится на уровне более 90 долл. за барр.

Помимо интереса государств, необходимо учитывать и интересы акционеров. Низкие цены на нефть в текущем периоде не позволяют многим компаниям сохранять прежний уровень выплаты дивидендов и выкупа акций. По оценке экспертов «Ристад Энерджи», в случае если нефтяные мейджоры сохраняют выплаты акционерам, то уже в текущем году им придётся практически полностью отказаться от инвестиций либо значительно нарастить долг.

Падение цен уже начало отражаться на крупных игроках. Так, «Би-Пи» и «Шеврон» сократят объём выкупа акций почти на 60%⁶⁵ и 30%, соответственно⁶⁶, а «Арамко» приходится наращивать долг для того, чтобы иметь возможность выплачивать дивиденды.

⁶⁵ Nasralla S. 2025. BP Reports 48% Profit Drop as Strategy Chief Leaves. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/bp-reports-lower-than-expected-profit-138-billion-2025-04-29/> (accessed 18.08.2025)

⁶⁶ Dang S. 2025. Chevron meets Wall Street Profit Estimates but Cuts Buybacks in Q2. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/chevron-meets-wall-street-profit-estimates-refining-recovers-previous-quarter-2025-05-02/> (accessed 18.08.2025)

Роль России, Венесуэлы и Ирана в обеспечении глобальной энергетической безопасности

Россия, Венесуэла и Иран играют критически важную роль в формировании мирового энергетического баланса и являются незаменимыми акторами в обеспечении глобальной энергетической безопасности. Совокупно на эти три страны приходится около трети разведанных мировых запасов жидких углеводородов и примерно 15% текущего мирового производства нефти⁶⁷. В условиях продолжающегося глобального роста спроса на энергоресурсы ресурсная база указанных государств является необходимым условием успешного перехода мировой энергетики к новой сбалансированной и устойчивой структуре.

Особое внимание в этом контексте заслуживает роль России, доля которой в мировом экспорте углеводородов достигает примерно 15%⁶⁸. Эта величина непосредственно отражает степень влияния страны на глобальную экономику и энергетическую стабильность. Однако вклад России в мировой энергетический рынок не ограничивается только нефтью и природным газом; страна обладает значительными запасами и добычей стратегически важных металлов. В частности, доля России в мировой добыче золота составляет около 10%, что делает её одним из крупнейших производителей драгоценных металлов.

Ещё более значимыми являются позиции России на рынке критически важных промышленных металлов. Так, на долю России приходится порядка 20% мирового производства высокосортного никеля и около 40% мирового производства палладия, металлов, без которых невозможно развитие современной высокотехнологичной промышленности и электроники⁶⁹. Кроме того, Россия обладает значительными запасами редкоземельных металлов, составляющими около 10% от общемировых разведанных резервов, что подчёркивает важность российской ресурсной базы для глобальных технологических цепочек.

Адаптационные возможности российской экономики

В течение последних трёх лет российская экономика функционирует в условиях беспрецедентного санкционного давления, оказывающего значительное влияние на её финансовое и технологическое развитие. Несмотря на множество пессимистических прогнозов относительно её устойчивости, экономические

⁶⁷ Statistical Review of World Energy 2024. 2024. *Energy Institute*. URL: <https://kpmg.com/us/en/articles/2024/statistical-review-world-energy-2024.html> (accessed 18.08.2025)

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Statistical Review of World Energy 2024. 2024. *Energy Institute*. URL: <https://kpmg.com/us/en/articles/2024/statistical-review-world-energy-2024.html> (accessed 18.08.2025)

показатели России за этот период продемонстрировали убедительную способность адаптироваться к внешним вызовам и сохранять внутреннюю стабильность. В частности, темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации в последние два года уверенно превысили среднемировые показатели, что подтверждает относительную успешность адаптационных механизмов и реализуемых мер экономической политики.

Согласно оценкам Министерства финансов Российской Федерации, федеральный бюджет страны в настоящее время находится в сбалансированном состоянии, а уровень государственного долга остаётся на приемлемом и контролируемом уровне. Данное положение подчёркивает эффективность применяемых бюджетных и фискальных инструментов в условиях повышенной геополитической неопределённости⁷⁰.

Значимым фактором экономической устойчивости страны является стабильность банковской системы, поддерживаемая относительно низкой налоговой нагрузкой и повышенной доходностью облигаций федерального займа. Эти условия обеспечивают банкам необходимую степень ликвидности и высокую операционную эффективность. Вместе с тем необходимо обеспечить дальнейшее увеличение вклада банковского сектора не только в формирование бюджетных доходов, но и в финансирование экономического роста и развитие инновационной инфраструктуры страны.

В этом контексте оправданным представляется увеличение дивидендных выплат банковских и иных крупных корпораций в пользу государства. Такой подход мог бы существенно снизить риски бюджетного дефицита, обеспечить дополнительный финансовый ресурс для реализации экономических и социальных программ, а также создать условия для возможного пересмотра и смягчения фискальных режимов для производителей, стимулируя инвестиционную и предпринимательскую активность.

Заключение

Поставленный в начале исследования вопрос — какие факторы и в какой степени будут определять будущий облик мировой энергетики и как их взаимодействие повлияет на глобальную энергетическую безопасность и экономическое развитие — требует комплексного ответа, основанного на междисциплинарном анализе. Рассмотренный в статье массив научных и экспертных работ (Smil 2017; Zalk & Behrens 2018; Lindzen & Harper 2024 и др.)⁷¹ демонстрирует,

⁷⁰ Обзор финансовой стабильности IV квартал 2024 — I квартал 2025 года. 28.05.2025. *Банк России*. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025/ (дата обращения: 18.08.2025)

⁷¹ А также Kennedy R. 2025. Global Clean Energy Investment hit \$2.1 Trillion in 2024, Says BNEF. *PV Magazine*. <https://www.pv-magazine.com/2025/01/31/global-clean-energy-investment-hit-2-1-trillion-in-2024-says-bnef/> (accessed 18.08.2025)

что ни один из отдельных факторов — будь то демографические тренды, технологические инновации или финансово-экономические условия — не является определяющим. Будущий энергетический ландшафт формируется в результате сложного наложения разнонаправленных драйверов и ограничителей.

Эмпирический анализ статистических данных МЭА, Всемирного банка, ОЭСР и отраслевых источников подтвердил, что в долгосрочной перспективе наибольшее значение будут иметь:

1. устойчивый рост энергопотребления в развивающихся странах, обусловленный приростом населения и урбанизацией;
2. технологическая трансформация, связанная с цифровизацией, искусственным интеллектом и центрами обработки данных, радикально меняющая структуру спроса на электроэнергию;
3. финансовые и инфраструктурные ограничения, определяющие темпы и масштаб внедрения ВИЭ;
4. политические стратегии государств, балансирующие между целями зелёного перехода и обеспечением энергетической безопасности.

Сопоставление аргументов сторонников ускоренного отказа от углеводородов и их оппонентов показывает, что полная замена высокоплотных традиционных источников низкоплотными ВИЭ в обозримой перспективе сопряжена с рисками снижения устойчивости энергосистем. Опыт Китая, Индии, США и России демонстрирует, что наиболее жизнеспособной моделью является интеграция традиционной и низкоуглеродной генерации, поддерживаемая инвестициями в инфраструктуру, технологии накопления энергии и межтопливную конкуренцию.

Результаты исследования позволяют заключить, что обеспечение глобальной энергетической безопасности в условиях трансформации мировой энергетики возможно лишь при условии согласования климатических целей с экономическими и технологическими реалиями, что требует от государств гибкой и прагматичной энергетической политики, учитывающей как глобальные приоритеты, так и национальные особенности.

Об авторе:

Игорь Иванович Сечин – кандидат экономических наук, главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть», Россия, 117997, Москва, Софийская наб., 26/1.
E-mail: postman@rosneft.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 620.9:338.2:502.17
JEL: F01+F02+F4

Received: June 11, 2025

Accepted for publication: August 10, 2025

The Emerging Global Energy Landscape

I.I. Sechin

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-137-163](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-137-163)

Rosneft Oil Company

Abstract: The article examines the impact of key macroeconomic, technological, demographic, and political factors on shaping the future global energy landscape. Based on a systems analysis of data from the IEA, World Bank, OECD, and leading think tanks, it is shown that by 2050 the combined population growth of Africa and the Asia-Pacific region by 1.4 billion and accelerated urbanization will account for up to 60% of the global increase in electricity consumption. The technological revolution, driven by AI and data centers, will raise their annual electricity demand beyond 1,000 TWh by 2030, comparable to Japan's current level. The study demonstrates that the "green" transition faces constraints: achieving net zero by 2050 would require about USD 180 trillion in investments, while the power density of renewables remains far lower than that of conventional sources. Analysis of the nuclear sector reveals a 50% investment increase over the past five years, with China and Russia leading in new reactor construction and closed fuel cycle technologies. Coal retains around 25% of the global energy mix, with its consumption peak postponed, underlining the importance of balancing traditional and alternative sources. Strategic approaches of China, India, the US, and Russia to energy security are reviewed, including grid modernization, battery technology development, synthetic fuels, and coal power expansion. The paper concludes that an effective future global energy model requires integration of high-density traditional and low-carbon energy sources, enhancement of inter-fuel competition, and alignment of national strategies with global priorities.

Keywords: global energy sector, energy security, energy transition, renewable energy, fossil fuels

About the author:

Igor I. Sechin – PhD in Economics, Chief Executive Officer, Rosneft Oil Company, Russian Federation, 117997, Moscow, 26/1 Sofiyskaya Naberezhnaya.
E-mail: postman@rosneft.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Ferguson N. 2025. Ferguson's Law: Debt Service, Military Spending, and the Fiscal Limits of Power. *The Hoover Institution History Working Paper*. February P. 7–29.
- Lindzen R., Happer W. 2024. *Physics Proves Net Zero Carbon Dioxide Will Prevent Very Little Warming but Cause Great Harm*.

- Sethuraman N.R. 2025. *India Eases Coal Supply Rules to Ramp up Power Generation Capacity*.
- Smil V. 2015. *Power Density: A Key to Understanding Energy Sources and Uses*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Smil V. 2017. *Energy and Society. 2nd ed. Energy and Civilization: A History*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. P. 1–20.
- Wang W., Shen Y., Chen Q., Wang F., Yu Y. 2025. Spatiotemporal Mass Change Rate Analysis from 2002 to 2023 over the Antarctic Ice Sheet and Four Glacier Basins in Wilkes-Queen Mary Land. *Sci. China Earth Sci.* Vol. 68. P. 1086–1099.
- Wijngaarden W.A., Happer W. 2025. Radiation Transport in Clouds. *Science of Climate Change*. 5(1). P. 1–12.
- Zalk J.V., Behrens P. 2018. The Spatial Extent of Renewable and Non-Renewable Power Generation: A Review and Meta-Analysis of Power Densities and Their Application in the U.S. *Energy Policy*. №123. December 2018. P. 83–91.

География мирового рынка угля: позиции стран-экспортёров и стран-импортёров

П.С. Москворецкий

Институт Европы РАН

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить общие тенденции концентрации и диверсификации экспортных и импортных потоков крупнейших участников мирового рынка угля за последние 20 лет. Выдвигаемая в исследовании гипотеза состоит в том, что важнейшие игроки на мировом рынке угля могут иметь разную степень географической концентрации (и, соответственно, диверсификации) своих торговых потоков. Причём эта степень может меняться с течением времени. Для количественной оценки степени географической концентрации поставок в работе используется индекс Херфиндала-Хиршмана в размерности от 0 до 1. В первой части статьи рассматривается весь рынок каменного угля в сравнении с другими топливными рынками. Во второй части статьи сделан фокус на рынок энергетического угля, как наиболее крупного и интересного для анализа мировой торговли.

Проведённое исследование позволило установить, что за рассматриваемый период концентрация как экспорта, так и импорта мирового рынка угля стабильно росла, достигнув беспрецедентно высоких значений в 2023 г. Более того, степень концентрации мирового экспорта на всём временном промежутке 2004–2023 гг. была выше концентрации импорта. За последние 20 лет эта разница увеличилась в два раза, что может говорить об усилении переговорной силы поставщиков угля. С другой стороны, у большинства ведущих стран-поставщиков и стран-импортёров степень географической концентрации экспорта и импорта снижалась, то есть наблюдалась тенденция к большей диверсификации поставок.

Среди экспортёров важное исключение составила Индонезия, которая за исследуемый период вышла на первое место по объёму (тоннажу) экспорта энергетического угля и увеличила его концентрацию. Для России индекс концентрации экспортных потоков оставался на стабильном, сравнительно невысоком уровне до 2021 г., однако в последующие годы существовали предпосылки для его увеличения. Исключение среди импортёров составила Япония, которая становится всё более зависимой от своих ключевых партнёров – Австралии и Индонезии.

Важнейшую роль в развитии мирового угольного рынка сыграл Китай, который ранее был крупнейшим экспортёром угля в Азии, а с 2007 г. стал нетто-импортёром. Уход Китая в качестве экспортёра с крупнейших рынков угля позволил Индонезии

УДК: 338.45:553.94:339.13

Поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 09.07.2025

и России занять эту нишу и нарастить объёмы экспорта. В работе также выявлено значительное влияние Китая на общемировую степень концентрации импорта на всех топливных рынках в 2020 г.

Ключевые слова: каменный уголь, энергетический уголь, мировая торговля углём, международный рынок угля, рыночная концентрация, индекс Херфиндаля-Хиршмана

Мировые рынки энергетических ресурсов находятся в процессе структурной трансформации вследствие объявленной рядом стран политики энергетического перехода, которая подразумевает отказ от ископаемых видов топлива за счёт наращивания энергии, получаемой из возобновляемых источников. Следствием такой трансформации становится перестройка существующих цепочек поставок. Тем не менее спрос на традиционные источники энергии остаётся в масштабах мира устойчивым и продолжает расти с каждым годом. При этом на мировом рынке угля в последнее время происходит смещение центров потребления в сторону Азиатского региона, что, в свою очередь, влияет на географическую структуру поставок из основных стран-экспортёров.

Выдвигаемая в данной статье гипотеза состоит в том, что важнейшие игроки на мировом рынке угля могут иметь разную степень географической концентрации (и, соответственно, диверсификации) своих торговых потоков. Причём эта степень может меняться с течением времени. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить общие тенденции концентрации и диверсификации экспортных и импортных потоков крупнейших участников мирового рынка угля за последние 20 лет. Данные процессы могут указывать на изменение рыночной власти поставщиков и потребителей угля. Хотя для более полной оценки рыночной власти следует также учитывать динамику цен, их эластичность и изменение контрактных условий в международных сделках, что выходит за рамки данного исследования.

Теме мирового производства угля и его роли в энергетике посвящены многие работы Л.С. Плакиткиной, Ю.А. Плакиткина, К.И. Дьяченко (Плакиткина, Плакиткин, Дьяченко 2019; 2022; 2024). Ситуация на мировом рынке угля стала предметом изучения в работах В.Б. Кондратьева, В.В. Попова, Г.В. Кедровой (Кондратьев, Попов, Кедрова 2019). Влияния кризисов на мировые угольные рынки подробно исследованы в работах Г.Л. Краснянского, А.Е. Сарычева, А.И. Скрыля (Краснянский, Сарычев, Скрыль 2017). Роли угля в современной энергетике посвящены труды С.В. Жукова и О.Б. Резниковой (Жуков, Резникова 2024). При этом процессы концентрации на мировом рынке угля ещё не стали предметом углублённого анализа в научной литературе.

Для количественной оценки степени географической концентрации поставок в работе используется индекс Херфиндаля-Хиршмана в размерности от 0 до 1. Для оценки индекса Херфиндаля-Хиршмана в научной литературе также применяется размерность от 0 до 10000. Выбор варианта размерности от 0 до 1 в данной статье обусловлен тем, что именно такая шкала содержится в источниках данных, на которые автор опирался в ходе исследования.

В первой части статьи рассматривается весь рынок каменного угля в сравнении с другими топливными рынками. Во второй части статьи изучается ситуация на рынке энергетического угля. При этом в первой части для анализа использован уже рассчитанный индекс Херфиндаля-Хиршмана из данных UN Trade and Development. Во второй части, согласно избранной методологии исследования, автор самостоятельно рассчитывает указанный индекс на основе данных International Trade Centre об объёмах экспорта и импорта угля в рассматриваемых странах.

Концентрация международных рынков ископаемого топлива

Мировое производство угля увеличилось на 88% с начала XXI¹ в. Самый значительный рост пришёлся на следующие страны: Индонезия (увеличила производство в 9,2 раза), Китай (в 3,3), Индия (в 3,1), Россия (в 2,0 раза). Одновременно усилилась концентрация добычи угля в мире. Если в 2000 г. на пятёрку лидеров приходилось 69% мировой добычи, то в 2023 г. – уже 81%.

Кардинальные изменения произошли также в мировой торговле углём. Объём мирового экспорта угля по тоннажу за данный период увеличился более, чем в два раза. Новым лидером по экспорту стала Индонезия, которая нарастила свою долю в мировом экспорте с 9% в 2000 г. до 34% в 2023 г., оттеснив Австралию на второе место. Россия увеличила свою долю с 6% до 15% за тот же период. В мировом импорте заметно увеличился удельный вес стран с быстрорастущей экономикой, темпы экономического роста которых зависят от потребления угля (Erdogan, Pata, Alola 2024). Так, доля Китая повысилась с 0% в 2000 г. до 30% в 2023 г., а Индии – с 3% до 16%. Напротив, совокупная доля государств – членов Европейского союза сократилась с 26% до 6% за тот же период. Описанные сдвиги сопровождались усилением географической концентрации как экспортных, так и импортных потоков. В мировом экспорте удельный вес пятёрки стран-лидеров поднялся с 2000 г. по 2023 г. с 62% до 82%, а в импорте – с 64% до 72% соответственно.

¹ Рассчитано автором на основе данных Global coal production, 2000–2025. /IEA. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/global-coal-production-2000-2025> (accessed 17.04.2025) и Coal 2023. /IEA. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a72a7ffa-c5f2-4ed8-a2bf-eb035931d95c/Coal_2023.pdf (accessed 17.04.2025).

Указанные процессы концентрации на мировом угольном рынке пока не стали предметом углублённого анализа в научной литературе, что определяет актуальность настоящего исследования и создаёт предпосылки для новизны полученных результатов. Для анализа уровня концентрации на рынке энергоресурсов и, в частности, на рынке каменного угля целесообразно использовать индекс Херфиндаля-Хиршмана (Herfindahl–Hirschman Index, HHI).

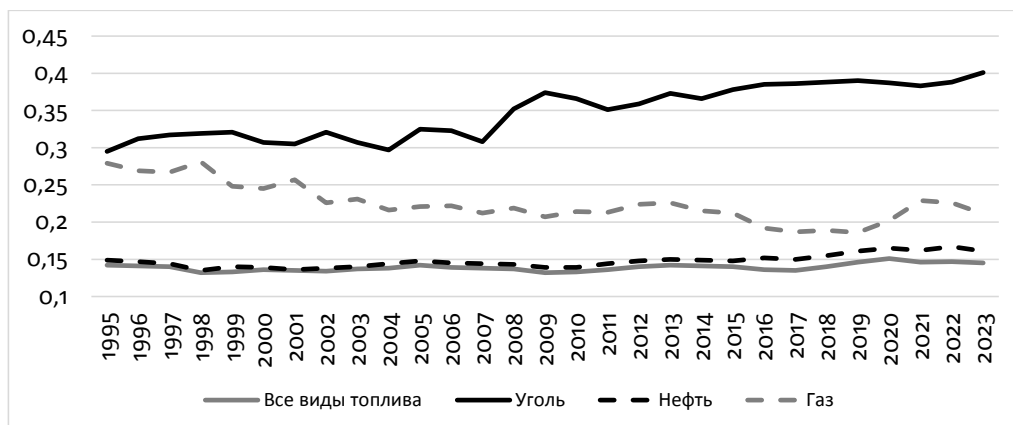

Рисунок 1. Концентрация экспорта на различных топливных рынках в 1995–2023 гг., индекс Херфиндаля-Хиршмана

Figure 1. Exports concentration in various fuel markets in 1995–2023, Herfindahl-Hirschman index

Источник: данные UN Trade and Development. Table – Merchandise: Market concentration and structural change indices of exports and imports of products, annual (коды для всех видов топлива – A04, угля – 32, нефти – 33, газа – 34). UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ConcentStructIndices> (accessed 17.04.2025).

По данным ЮНКТАД (рис.1), концентрация экспорта на отдельных топливных рынках в период 1995–2023 гг. заметно менялась. В то же время степень концентрации всего топливного рынка оставалась стабильной. Индекс Херфиндаля-Хиршмана по экспорту всех видов топлива с 1995 г. по 2023 г. находился в пределах 0,132–0,151. После 2020 г. он закрепился на уровне несколько выше 0,145.

Следует уточнить, что, в отличие от других экономических показателей, индекс концентрации для широкой группы товаров (например, для всех видов топлива) не складывается из индексов отдельных товарных групп (нефти, газа, угля и т. п.) и не может быть средним арифметическим от их величин. На протяжении всего рассматриваемого периода индекс HHI для топлива в целом закономерным образом был ниже, чем для его отдельных видов. Ведь стран, экспортирующих те или иные виды топлива, всегда больше, чем стран-экспортёров нефти, газа или угля по отдельности. Соответственно, степень диверсификации глобального рынка топлива выше, чем отдельных видов энергоносителей.

Концентрация экспорта на мировом нефтяном рынке была стабильной на протяжении всего периода. Так, индекс ННІ международного нефтяного рынка колебался в пределах 0,135–0,167 на протяжении 1995–2015 гг. Но с 2016 г. значение индекса начало расти, и с 2019 г. по 2023 г. данный показатель стал колебаться в интервале 0,161–0,167.

Наиболее выраженные и при этом разнонаправленные изменения произошли на рынках угля и газа. Если в 1995 г. значение индексов ННІ для экспорта двух данных видов энергоресурсов было почти одинаковым и составляло примерно 0,29, то к 2023 г. индекс концентрации экспорта газового рынка заметно снизился, приблизившись к показателям рынка нефти. Количественное значение индекса ННІ для экспорта угля, наоборот, выросло до рекордных значений (рис. 1). На данный момент на угольном рынке наблюдается самое высокое значение индекса ННІ – 0,401. По этому показателю мировой рынок угля значительно превосходит рынки всех других видов ископаемого топлива.

Это даёт основания предположить, что ведущие мировые поставщики угля обладают большей рыночной властью, чем крупнейшие экспортёры нефти и газа, и, соответственно, с большим успехом могут ставить условия странам-покупателям. Данная гипотеза, естественно, требует проверки на эмпирическом материале.

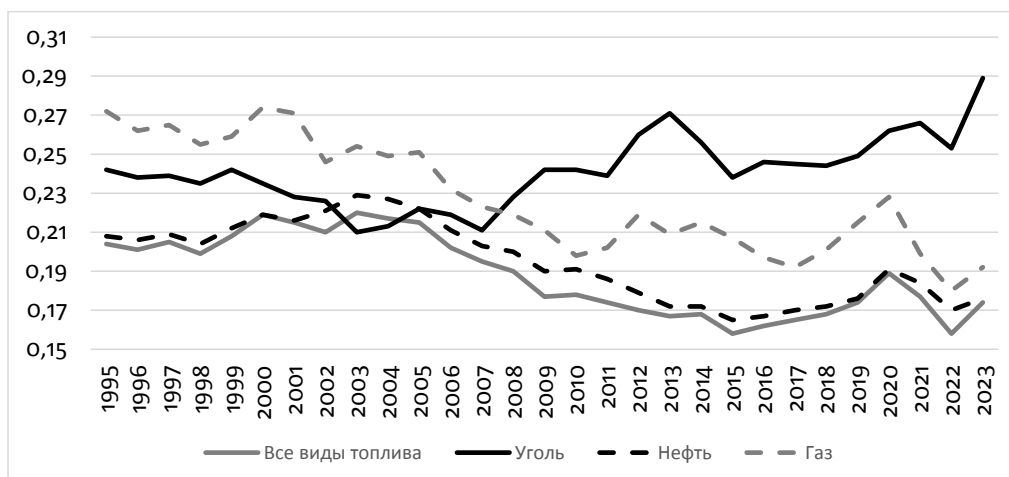

Рисунок 2. Концентрация импорта на различных топливных рынках в 1995–2023 гг., индекс Херфиндала-Хиршмана

Figure 2. Imports concentration in various fuel markets in 1995–2023, Herfindahl-Hirschman index

Источник: данные UN Trade and Development. Table – Merchandise: Market concentration and structural change indices of exports and imports of products, annual (коды для всех видов топлива – A04, угля – 32, нефти – 33, газа – 34). UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ConcentStructIndices> (accessed 17.04.2025).

Концентрация импорта (рис. 2) на мировом рынке угля также уверенно росла с 2003 г., достигнув рекордно высокого значения индекса ННІ 0,289 в 2023 г. Хотя индексы ННІ импорта и экспорта мирового угольного рынка изменялись синхронно и однонаправленно на протяжении всего периода, разрыв между ними возрастал с каждым годом. Так, если в 1995 г. показатель ННІ импорта угольного рынка был равен 0,242, а экспорта – 0,295, то в 2023 г. эти показатели составляли 0,289 и 0,401 соответственно. То есть, разрыв между ними увеличился более чем в два раза – с 0,053 до 0,112 пункта индекса ННІ. Отсюда можно предположить, что рыночная власть и переговорная сила поставщиков на угольном рынке усиливается с течением времени.

На мировых рынках нефти и газа, наоборот, наблюдается устойчивый тренд на снижение уровня концентрации импорта. Причём на газовом рынке концентрация импорта и экспорта изменялись синхронно в течение всего исследуемого периода, а разница между ними была минимальной, в отличие от угольного рынка. На нефтяном рынке, напротив, наблюдается тренд на сокращение разрыва между степенью концентрации импорта и экспорта – так, в 1995 г. разрыв между индексами ННІ экспорта и импорта составлял 0,059 (почти как на угольном рынке в 1995 г.), а в 2023 г. стал равен 0,015, сократившись почти в четыре раза. Кроме того, в отличие от мировых рынков угля, где большей концентрацией обладают экспортные поставки, на нефтяном рынке импорт является более концентрированным, чем экспорт.

В целом динамика концентрации импорта мирового топливного рынка выглядит более резкой и скачкообразной, чем экспорта. Выявление причин данного явления не относится к предмету данного исследования. Поэтому, согласно экспертному мнению, можно предположить, что причинами такой волатильности являются: резкие колебания цен на уголь, развитие межтопливной конкуренции на энергетических рынках, ужесточение экологических норм на ключевых рынках, развитие возобновляемой энергетики, экономические кризисы и политическая напряжённость в мире (Сарычев, Мясков, Стоянова, Иванов 2024).

Логично представить, что данные явления сильнее воздействуют на степень концентрации импорта, чем экспорта. Импортёры способны переключаться с одного поставщика угля на другого и даже менять вид топлива для выработки электроэнергии в условиях изменчивой рыночной конъюнктуры. Экспортёры, напротив, вынуждены поддерживать стабильный уровень добычи угля для сохранения жизнеспособности предприятий. Например, наблюдаемый на рис. 2 рост индекса в период 2007–2013 гг. мог быть спровоцирован переходом части импортёров на сланцевый газ ввиду его доступности (Краснянский, Сарычев 2019) и концентрацией большей доли мирового импорта на Китай и другие страны, зависимые от угля.

Кроме того, на всех топливных рынках наблюдается резкий рост индекса в 2020 г. Это явление может быть связано с пополнением Китаем своих топливных запасов во время падения цен на энергоресурсы вследствие ограничений, связанных с пандемией COVID-19². Таким образом, становится очевидной способность Китая влиять на степень концентрации и диверсификации на всех топливных рынках мира в кризисные периоды.

Такое влияние Китая прежде всего обусловлено его бурным экономическим ростом и связанной с этим потребностью в энергетических ресурсах. По данным МЭА, в 2022 г. Китай являлся крупнейшим импортёром газа³, угля⁴ и нефти⁵ в мире. Именно роль ключевого импортёра энергоресурсов позволяет Китаю влиять на мировые рынки.

Тенденции географической концентрации и диверсификации экспорта основных стран – поставщиков энергетического угля

Согласно отправной гипотезе данной статьи, степень географической концентрации экспортных поставок отдельных стран – поставщиков угля может меняться с течением времени. Логично предположить, что эти изменения могут происходить в разных режимах, что будет находить отражение в колебаниях величины индекса ННІ. Настоящее исследование выполняется на выборке из пяти стран, имевших в 2023 г. наибольшую долю в мировом экспорте энергетического угля по тоннажу. К ним относятся: Индонезия (34%), Австралия (24%), Россия (15%), ЮАР (5%) и Колумбия (4%).⁶

По данным Международного торгового центра (International Trade Centre – ИТС), динамика концентрации экспорта энергетического угля (рис. 3)⁷ позволяет разделить основных поставщиков на две группы. Австралия и Индонезия (доля в мировом экспорте 24% и 34% соответственно в 2023 г.) демонстрируют самую высокую концентрацию экспорта, в то время как Россия, ЮАР и Колумбия (доля в мировом экспорте 15%, 5% и 4% соответственно в 2023 г.) отличаются меньшим значением индекса ННІ.

² Март 2020. Китай покупает рекордный объём российской нефти на фоне падения спроса в Европе. *Neftgaz.RU*. URL: <https://neftgaz.ru/news/finance/538380-kitay-pokupaet-rekordnyy-obem-rossiyskoy-nefti-na-fone-padeniya-sprosa-v-evrope/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Imports, global ranking, 2022. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries/china/natural-gas> (accessed 17.04.2025).

⁴ Imports, global ranking, 2022. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries/china/coal> (accessed 17.04.2025).

⁵ Imports, global ranking, 2022. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries/china/oil> (accessed 17.04.2025).

⁶ Рассчитано автором по данным Coal 2023. IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2023> (accessed 17.04.2025).

⁷ Здесь и далее для расчёта индекса ННІ были взяты годовые данные International Trade Centre. *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c360%7c%7c%7c2701%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed 17.04.2025) по импорту и экспорту угля разных стран в тоннах (код товара: 2701) за период 2004–2023 гг. На этих данных были посчитаны доли каждой страны-партнёра в структуре торговли углём рассматриваемых стран, а затем значения этих долей были использованы для расчёта индекса ННІ в каждой рассматриваемой стране.

Страны из первой группы объединяют как самые высокие показатели доли рынка, так и география поставок угля. Австралия и Индонезия являются главными поставщиками сырья на ключевые рынки Азиатско-Тихоокеанского региона: Китая, Индии, Республики Корея и Японии. Напротив, экспортёры из второй группы схожи меньшей долей на мировом рынке и более равномерной географической структурой поставок. Они отправляют уголь как в страны АТР, так и на рынки государств Европы, Ближнего Востока, Африки и Южной Америки.

В данных примерах хорошо прослеживается связь между степенью концентрации экспортных потоков и их объёмами, что находит отражение в доле отдельных поставщиков на мировом рынке. Причина этой связи – смещение центра потребления угля в АТР, где только на Китай и Индию приходится около половины всего мирового импорта. Уголь является низкомаржинальным товаром, а затраты на его транспортировку напрямую влияют на конкурентоспособность поставщиков. Как следствие, крупнейшие экспортёры угля находятся в непосредственной близости с центрами потребления, что обеспечивает им самую низкую себестоимость и лучшее положение на глобальном рынке.

Россия занимает промежуточное положение между двумя группами стран, как по величине доли на мировом рынке, так и по степени географической концентрации экспорта. На графике (рис. 2) отображены данные до 2021 г. включительно, так как более поздние данные в используемом источнике не опубликованы. Согласно экспертным оценкам, после 2022 г. в результате санкций со стороны стран Запада (Overland, Loginova 2024) Россия перенаправила экспортные потоки угля в восточном направлении.

Индонезия

По данным ИТС, показатель индекса ННІ в Индонезии (рис. 3) снизился до минимума в 2006 г., но с 2008 г. начался его бурный рост, который ознаменовался максимумом в 2014 г. Однако далее индекс немного снизился и в 2016–2023 гг. оставался на одном уровне, с небольшим спадом в 2020 г. Ещё в начале века индекс Индонезии был на уровне ЮАР, а в 2023 г. сравнялся с показателем Австралии.

Такая динамика говорит о том, что с 2008 г. по 2014 г. Индонезия концентрировала свой экспорт на меньшем количестве торговых партнёров. При этом она стремительно наращивала производство угля и его экспорт. Из этого следует, что основной рост добычи и экспорта угля в Индонезии происходил за счёт крупных партнёров, таких как Индия и Китай. Более того, в пиковых 2014–2015 гг. акцент был сделан на Индии, её доля в экспорте из Индонезии составляла 38%⁸, а на Китай приходилось 14%. Однако ещё в 2011 г. доля Китая (24%) была чуть больше доли Индии (23%).

⁸ Здесь и далее автором были описаны доли стран-партнёров в структуре торговли ключевых стран-импортёров и стран-экспортёров. Для расчёта были взяты годовые данные International Trade Centre. Trade Map, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c360%7c%7c%7c%7c2701%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c

Снижение значения индекса ННІ в 2020 г. было обусловлено более равномерным распределением экспорта – на Индию приходилось 29%, на Китай 18%, и ещё на семь стран приходилось по 5–8%.

Таким образом, экспорт угля в Индию и Китай послужили драйвером роста экспорта угля из Индонезии, но с 2016 г. индекс ННІ снизился до оптимального уровня диверсификации партнёров для Индонезии, который сохранялся вплоть до 2023 г. Тем не менее Китай и Индия остаются главными торговыми партнёрами Индонезии – в 2023 г. их удельный вес в экспорте составил 51%. Более того, несмотря на рост добычи угля в Индии, её энергетика и металлургия ориентируется на развитие за счёт импортного угля, что поддерживает экспортный потенциал Индонезии на годы вперед (Oskarsson, Nielsen, Lahiri-Dutt, Roy 2021).

Австралия

В Австралии (рис. 3) значение индекса ННІ имеет заметный тренд на поступательное снижение на протяжении всего исследуемого периода. Исключением стали скачки показателя в 2008 г., 2013 г., 2017 г., и 2022 г.

Главным импортёром австралийского угля является Япония, но её удельный вес постепенно сокращается. Если в 2004 г. доля Японии в экспорте угля из Австралии составляла 45%, то в 2023 г. этот показатель стал составлять 30%. Резкий рост индекса ННІ в 2008 г. был обусловлен увеличением доли Республики Корея в экспорте Австралии с 9% до 14% при минимальных изменениях долей других стран-импортёров. Похожая ситуация наблюдалась в 2013 г., когда доля Китая поднялась с 20% до 24%. Рост индекса ННІ 2022 г. был обусловлен увеличением доли Японии с 33% до 38% при плавном снижении долей остальных стран.

На 2023 г. индекс ННІ Австралии стал примерно равен индексу ННІ Индонезии. Таким образом концентрация экспорта угля двух крупнейших поставщиков в Азиатско-Тихоокеанском регионе сравнялась.

Россия

В России возможно оценить динамику индекса ННІ до 2021 г. (рис. 3), так как ИТС не предоставляет более свежие данные. В России, по сравнению с Индонезией и Австралией, самая высокая степень диверсификации поставок. Значение индекса ННІ с 2002 г. не поднималось выше 0,1, что свидетельствует о высокой степени географической диверсификации экспортных потоков. Для

c2%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed 17.04.2025) по импорту и экспорту угля разных стран в тоннах (код товара: 2701) за период 2004–2023 гг. На этих данных были посчитаны доли каждой страны-партнёра в структуре торговли углём рассматриваемых стран.

рассматриваемого индекса был характерен выраженный тренд на снижение до 2018 г. с непродолжительными периодами роста в 2006–2007 гг. и в 2012–2014 гг. Впрочем, с 2018 г. начался рост данного показателя.

Торговые партнёры России постоянно менялись на протяжении всего анализируемого периода. Так, главными торговыми партнёрами России были: в 2002 г. – Кипр (21%), в 2005 г. – Великобритания (16%); в 2010 г. – Украина (11%); в 2015 г. – Республика Корея (12%); в 2021 г. – Китай (21%).

Рост индекса в 2006 г. был обусловлен ростом доли экспорта в Великобританию с 16% до 18% и Турцию с 9% до 11% и незначительным ростом экспорта в Нидерланды, Польшу и Германию. В 2007 г. доля Турции увеличилась ещё на процентный пункт, доля Великобритании снизилась на 3 п. п., но доля Кореи выросла с 4% до 7%.

Пиковые значения индекса ННИ были обусловлены ростом доли экспорта в Китай с 7% в 2011 г. до 18% в 2013 г. и Великобританию с 13% в 2011 г. до 17% в 2013 г. Также доля Китая начала бурно расти с 11% до 21% в период 2018–2021 гг. В этот же период доля Республики Корея снизилась с 13% до 10%, Германии – с 7% до 3%, а Польши – с 7% до 4%.

В целом график концентрации российского экспорта выглядит более сглаженным, по сравнению с аналогичными графиками для других стран – ведущих мировых экспортёров угля. Это может говорить о более устойчивых и долгосрочных отношениях российских угольных компаний со своими покупателями, чем у компаний других стран-экспортёров угля, поскольку у них величина индекса ННИ и, следовательно, структура экспорта резко меняется практически каждый год. Такая ориентация на долгосрочные отношения России с зарубежными партнёрами может быть обусловлена не только ответственным отношением к бизнесу, но и логистическими ограничениями, которые вынуждают российских экспортёров угля тщательно планировать экспортные поставки. Это обусловлено ограниченной пропускной способностью железной дороги и угольных терминалов морских портов (Шерин 2018), которые на данный момент являются узким местом развития экспортного потенциала российского угля⁹.

Вероятно, начавшийся в 2020 г. тренд на усиление концентрации экспорта продолжился в период 2022–2023 гг. Так, согласно совместному исследованию компаний АО «СУЭК» и «Технологии доверия»¹⁰, экспорт российского угля с 2019 г. всё больше концентрировался на Китае и Индии. За период 2019–2023 гг. доля Китая в экспорте угля из РФ увеличилась с 19% до 50%, а доля Индии – с 4% до 16%. Если в 2019 г. доля ЕС составляла 35%, то в 2023 г. поставки угля в этом направлении прекратились, что содействовало возрастанию долей Китая и Индии в российском экспорте.

⁹ Инфраструктурные ограничения мешают росту экспорта угля. *TKS*. URL: <https://www.tks.ru/news/nearby/2024/09/25/0002/> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Топливо времени: перспективы развития экспорта российского угля. *Технологии доверия*. URL: <https://tedo.ru/coal-export-prospects-2024> (дата обращения: 01.08.2025).

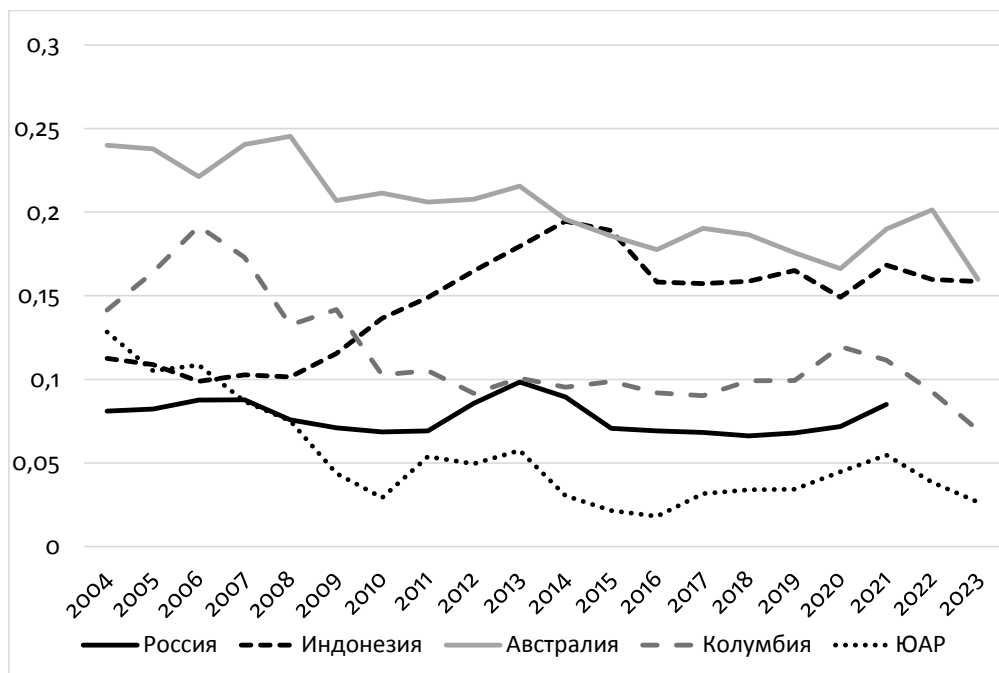

Рисунок 3. Тенденции географической концентрации и диверсификации торговых потоков основных мировых экспортёров энергетического угля в 2004–2023 гг., индекс Херфиндаля-Хиршмана.

Figure 3. Trends in geographical concentration and diversification of leading steam coal exporters' trade flows in 2004–2023, Herfindahl-Hirschman index.

Источник: рассчитано автором по данным International Trade Centre. Trade Map. Table – List of importing markets for a product exported by selected country, in tons. Product: 2701 Coal; briquettes, ovoids and similar solid fuels manufactured from coal. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c360%7c%7c%7c%7c2701%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed 17.04.2025).

ЮАР

Показатель индекса ННІ в ЮАР за весь период 2004–2023 гг. снизился с 0,128 до 0,026. Таким образом, среди ведущих мировых экспортёров угля ЮАР добилась наиболее высокой степени географической диверсификации её зарубежных поставок. В 2004–2010 гг. наблюдается снижение показателя. До 2009 г. главным импортёром южноафриканского угля были Нидерланды. Удельный вес этой страны в структуре экспорта ЮАР составил 21–25%, но уже в 2009 г. она понизилась до 14%. Главным рынком сбыта стала Индия, доля которой увеличилась с 12% до 29% всего за год в 2009 г.

Рост показателя в 2011–2013 гг. обусловлен увеличением доли Китая в экспорте ЮАР. Так, доля КНР с 2010 г. выросла с 9% до 18% в 2011–2013 гг. Удельный вес Индии постоянно рос с 2013 г. в интервале от 40% до 50% и достиг

максимума 55% в 2019 г. В течение 2016–2021 гг. восстанавливалась доля Нидерландов с 6% до 18%. На рост значения индекса в 2021 г. повлиял экспорт в Китай, доля которого в экспорте ЮАР за год выросла с 1% до 10%.

После 2021 г. степень географической концентрации экспорта угля из ЮАР начала снижаться. Главным покупателем угля осталась Индия, куда направляется треть всех экспортных поставок. Следующие три места занимают соответственно: Республика Корея (8%), Мозамбик (7%) и Тайвань (5%).

Колумбия

Колумбия и ЮАР показывают синхронное изменение показателя индекса ННІ на протяжении всего исследуемого периода. Тем не менее в Колумбии наблюдаются более резкие скачки показателя в 2006 г. и 2009 г.

Крупнейшим импортёром колумбийского угля до 2010 г. были США с долей около 30% всего объёма отгрузок. Но в 2010–2016 гг. их удельный вес снизился до 10%, а в 2016 г. – до 5%. Вторым крупнейшим импортёром угля из Колумбии с начала века были Нидерланды с долей в экспорте около 15–20% и только в 2018–2020 гг. их доля была ниже 10%.

Резкий рост показателя в 2006 г. был обусловлен ростом доли США до 40%, а в 2009 г. – ростом доли Нидерландов до 25%. При этом начиная с 2016 г. крупнейшим импортёром колумбийского угля стала Турция, увеличив долю в экспорте с 3% в 2004 г. до 19% в 2016 г. В последующие годы восходящий тренд продолжился, пиковое значение индекса концентрации в 2020 г. было обусловлено именно ростом доли Турции, которая поднялась до 28%. В 2022 г. Колумбия диверсифицировала структуру экспорта за счёт увеличения поставок в страны Европы, что отразилось на рекордно низких значениях индекса ННІ в 2022–2023 гг. (Чувахина 2024).

Тенденции географической концентрации и диверсификации импорта основных стран – потребителей энергетического угля

Среди крупнейших мировых импортёров угля (по тоннажу) также происходили значительные изменения. Следует отметить, что в 2023 г. к ним относились страны Азии: Китай (30%), Индия (16%), Япония (12%), Республика Корея (8%)¹¹.

По данным ИТС, за 2004–2023 гг. индекс ННІ (рис. 4) в данных странах менялся по-разному. Так, индекс географической концентрации импорта Индии и Республики Корея снизился, в то время как индекс Японии увеличился. Показатель Китая за рассматриваемый период сильно изменялся, демонстрируя периоды значительных снижений и роста, но по итогам 2023 г. индекс ННІ стал лишь немного больше, чем в 2004 г.

¹¹ Рассчитано автором по данным Coal 2023. /IEA. URL <https://www.iea.org/reports/coal-2023> (accessed 17.04.2025).

Кроме того, как и среди экспортёров, среди крупнейших импортёров выделяются две группы стран с более высокой и относительно более низкой степенью концентрации. Так, в период 2004–2013 гг. к верхней группе стран относились Япония и Индия, а к нижней – Китай и Республика Корея. Тем не менее в 2014 г. Индия переместилась в нижнюю группу и в 2015–2023 гг. концентрация в трёх странах нижней группы изменялась синхронно, а в 2023 г. показатели трёх стран стали примерно равны друг другу. Япония, напротив, с начала века ещё сильнее увеличила свой отрыв от стран нижней группы. Несмотря на это, все импортёры показали снижение индекса ННІ в 2023 г.

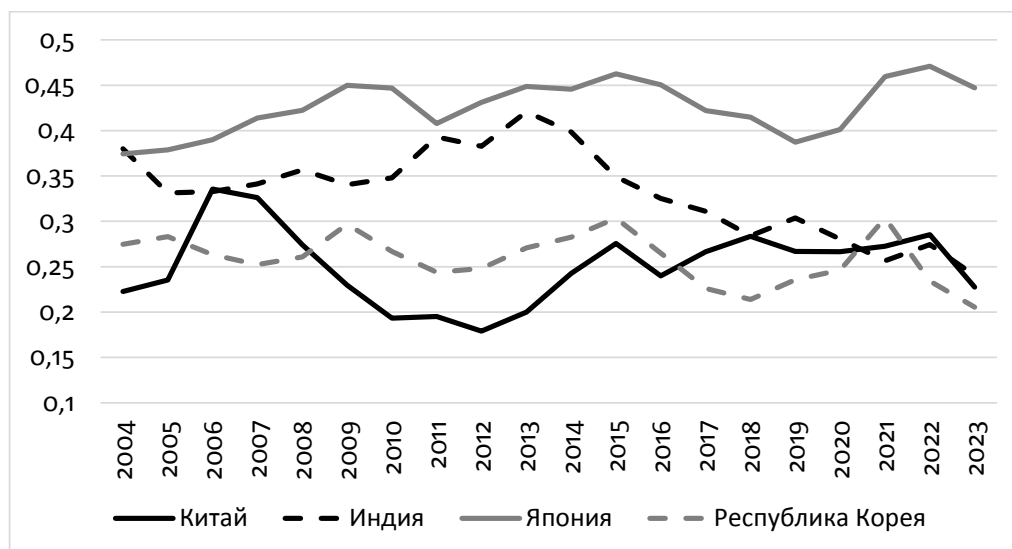

Рисунок 4. Тенденции географической концентрации и диверсификации торговых потоков основных мировых импортёров энергетического угля в 2004–2023 гг., индекс Херфиндала-Хиршмана

Figure 4. Trends in geographical concentration and diversification of leading steam coal importers' trade flows in 2004–2023, Herfindahl-Hirschman index

Источник: рассчитано автором по данным International Trade Centre. *Trade Map*. Table – List of supplying markets for a product imported by selected country, in tons. Product: 2701 Coal; briquettes, ovoids and similar solid fuels manufactured from coal. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c699%7c%7c%7c2701%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed 17.04.2025).

Китай

За последние 20 лет индекс концентрации импорта угля в Китае заметно менялся, но в 2023 г. он вернулся примерно на тот же уровень, что и в 2004 г. При этом у Китая сменились главные торговые партнёры за данный период. Так, если в 2004 г. главными поставщиками в структуре импорта угля Китая были Вьетнам (33%), Австралия (29%), Канада (10%), Монголия (9%), КНДР (8%), Индонезия (7%), то уже в 2023 г. ими стали Россия (33%), Монголия (22%), Индонезия (21%), Австралия (17%).

Рекордно высокий показатель индекса концентрации импорта Китая в 2006–2007 гг. был обусловлен стремительным ростом закупок из Вьетнама и Индонезии, доли которых поднялись до 50% и 28% соответственно. Но уже в 2009 г. произошла заметная географическая переориентация китайского импорта: поставки угля из Вьетнама стали составлять лишь 19% общего ввезённого тоннажа. Как следствие, в списке поставщиков Вьетнам сместился на третью строчку, уступив первое место Австралии (35%), а второе – Индонезии (24%).

В период 2010–2012 гг. индекс ННІ находился на минимальных значениях, когда в структуре импорта Китая на долю Индонезии и Австралии приходилось примерно по 30% и 25% соответственно, а на долю Монголии, Вьетнама, России и КНДР приходилось 30–35%.

Уже с 2014 г. и вплоть до 2021 г. Австралия была крупнейшим поставщиком угля в Китай, с долей в импорте 40%, причём Индонезия занимала второе место с долей 20%. Тем не менее с 2021 г., с введением неофициального запрета на импорт австралийской продукцией в Китай (Ferguson, Waldron, Lim 2023), лидерство на рынке перешло к Индонезии, доля в структуре импорта которой стала составлять 43% в 2021 г. и 30% в 2022 г. Можно предположить, что для Китая такая смена главного поставщика не стала неожиданностью, так как в период 2015–2021 гг. удельный вес России и Индонезии в импорте Китая стабильно рос.

Индия

На протяжении всего исследуемого периода Австралия и Индонезия оставались крупнейшими поставщиками угля в Индию, конкурируя за первое место в структуре импорта. В период 2004–2006 гг. на Австралию приходилось 40–50% импорта, а на Индонезию 30–40%. Примечательно, что в этот же период Китай был на третьем месте с долей 10% в индийском импорте угля, но потом его доля не поднималась выше 1%. Место Китая на рынке Индии заняла ЮАР, которая до 2006 г. составляла 2–7%, а с 2007 г. она прочно закрепилась над отметкой 10%, составив в среднем 14% импорта.

Пиковые значения индекса ННІ 2011–2012 гг. были обусловлены ростом доли Индонезии в структуре импорта Индии до 56%, Австралии и ЮАР – 25% и 13% соответственно. Дальнейшее постепенное снижение индекса, особенно в 2018 г., было обусловлено наращиваем доли в импорте угля из США с 2–3% до 5–7% и Мозамбика с 0–1% до 2–4%. Степень концентрации импортных поставок снизилась до рекордных значений в 2022–2023 гг. благодаря увеличению доли России с 3% в 2021 г. до 8–9%.

Япония

Япония является единственной страной среди крупнейших импортёров угля, импорт которой стал более концентрированным с начала века. Как и у остальных ведущих импортёров, главными поставщиками Японии была Австралия и Индонезия, но, в отличие от остальных, удельный вес этих стран

не изменялся значительно. Так, на протяжении всего исследуемого периода удельный вес Австралии в структуре импорта угля Японии колебался в районе 57–65%, а доля Индонезии – 12–20%.

В то же время на японском угольном рынке, как и на рынке Индии, произошли изменения с прекращением поставок из Китая. Так, в 2004–2009 гг. третьим по доли в импорте угля Японии поставщиком был Китай, доля которого в данный период составляла в среднем 10%. Однако уже в 2009–2012 гг. его доля не превышала 4%, а в 2012–2023 гг. – 1%. Снижение доли Китая в структуре импорта Японии освободило нишу как для лидеров рынка, так и для более мелких игроков. Австралия увеличила свою долю с 61% в 2008 г. до 64% в 2009–2010 гг., что отразилось на росте индекса ННИ. За тот же период немного увеличилась доля Канады с 5 до 6%, а потом она была стабильной вплоть до 2021 г.

В то же время с 2008 г. начали постепенно наращивать своё присутствие на японском рынке Россия и США. Удельный вес России в структуре импорта Японии вырос с 5% в 2008 г., достигнув пика 12% в 2020 г. Доля США увеличилась с 1% в 2008 г., достигнув максимума 7% в 2019 г. Однако уже в 2023 г. доля России резко сократилась до 2%, а доля Индонезии, США и Канады с 2021 г. увеличились с 12 до 16%, с 5 до 7% и с 4 до 8% соответственно.

Пиковые значения индекса в 2015 г. обусловлены стремительным ростом доли России в японском импорте, а в 2021–2022 г. – ростом доли Австралии с 60% в 2020 г. до 65%.

Таким образом, Китай, став нетто-импортёром угля в 2007 г.¹², ушёл с японского угольного рынка и освободил нишу как для лидеров (Австралия, Индонезия), так и для менее крупных игроков (Россия, США, Канада).

Республика Корея

За период 2004–2023 гг. в Республике Корея структура импорта угля стала более диверсифицированной, что находит своё отражение в снижении индекса ННИ. Кроме того, индекс демонстрирует самое плавное изменение степени концентрации среди всех остальных ведущих импортёров. При этом наблюдаются периоды резкого роста индекса в 2009 г., 2015 г. и 2021 г., которые были вызваны повышением доли крупнейших поставщиков этой страны. Так, в период 2008–2009 гг. доля Австралии и Индонезии выросла с 38 до 42% и с 27 до 33% соответственно. В 2011–2015 гг. доля Австралии и России возросла с 35 до 45% и с 10 до 17% соответственно, а рост индекса в 2021 г. был обусловлен ростом доли Австралии с 38% до 49%.

Структура импорта Республики Корея имеет схожие черты с остальными ведущими импортёрами угля – крупнейшими поставщиками являются Индонезия и Австралия, а в начале века в их числе был и Китай. Так, на протяжении

¹² China Becomes Net Coal Importer. *China Daily*. *Neftegaz.RU*. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2007-05/29/content_882370.htm/ (accessed 17.04.2025).

всего исследуемого периода удельный вес Австралии был стабильной величиной и в среднем составлял 40%, а доля Китая уменьшилась с 30% в 2004 г. до 6% в 2010 г. и продолжила постепенное снижение до менее 1% в 2023 г.

Уход Китая с южнокорейского рынка, позволил другим странам нарастить свою долю в структуре импорта. Так, наибольший рост доли Индонезии происходил именно в 2004–2010 гг. с 17 до 34%, но с 2011 г. её удельный вес начал снижаться из-за конкуренции с российским углём. В период 2011–2023 гг. доля Индонезии снижалась (с 31% в 2011 г. до 22% в 2023 г.) синхронно с ростом доли (с 10% в 2011 г. до 22% в 2023 г.) России, а в конце периода доли этих стран в импорте сравнивались.

Заключение

С начала XXI в. степень концентрации в мировом экспорте топлива остаётся стабильной. Но отдельные топливные рынки демонстрируют разнонаправленную динамику. Так, концентрация мирового экспорта нефти почти не изменилась, экспорт газа стал намного более диверсифицированным (и по значению индекса Херфиндаля-Хиршмана почти сравнялся с рынком нефти). Источником данной тенденции послужило активное развитие сегмента сжиженного природного газа и его перевозок морским транспортом (Филимонова, Проворная, Немов, Карташевич 2023).

Концентрация мирового экспорта угля неуклонно росла, и в настоящее время значительно превышает степень концентрации экспорта других видов ископаемого топлива. Можно предположить, что данную тенденцию питали два источника. Первый – рост спроса на уголь со стороны Китая и Индии и общее смещение мировых рынков угля в регион АТР. Второй – резкое сокращение поставок угля на мировые рынки из США (Москворецкий 2024), Канады и ЮАР в связи с их недостаточной конкурентоспособностью с другими странами-поставщиками особенно в кризисные для отрасли годы. Сокращение числа экспортёров на мировом рынке угля механически привело к росту географической концентрации экспорта.

Степень концентрации мирового импорта на всех топливных рынках и, в частности, на рынках газа и нефти снижается. Напротив, на угольном рынке наблюдается тренд на увеличение концентрации как экспорта, так и импорта. При этом экспорт угля в мире становится более концентрированным, чем импорт, чего не наблюдается на других топливных рынках. Это даёт основание полагать, что экспортёры на угольном рынке обладают большей рыночной властью, чем экспортёры других энергетических ресурсов. Кроме того, динамика концентрации импорта на мировых топливных рынках более волатильна, чем экспорта. Это может свидетельствовать о большей чувствительности импортёров к мировым кризисам и к набирающим силу процессам развития альтернативной энергетики, так и о всё более возрастающем влиянии Китая на мировой

топливный рынок. Данное влияние прослеживается как в долгосрочных тенденциях развития мирового рынка энергоносителей, так и в краткосрочных колебаниях, например, в скачках индекса концентрации.

Индекс географической концентрации поставок отдельных стран-экспортёров менялся по-разному. Проведённый анализ позволяет разделить основных поставщиков угля на две группы: на страны с высокой (Австралия, Индонезия) и относительно более низкой (Колумбия, ЮАР, Россия) географической концентрацией исходящих торговых потоков. Выявлена связь между долей, занимаемой на рынке, и степенью концентрации экспорта. Крупнейшие поставщики угля демонстрируют наибольшую степень концентрации экспортных потоков. Россия занимает промежуточное положение между двумя группами как по критерию концентрации, так и по доле на рынке.

Рост концентрации экспорта Индонезии происходил по мере наращивания объёмов поставок, преимущественно за счёт продаж двум крупнейшим потребителям – Китаю и Индии. В Австралии наблюдается тренд на постепенную диверсификацию экспорта угля, хотя Япония сохраняет за собой роль крупнейшего покупателя.

Россия среди пяти крупнейших мировых поставщиков угля занимает второе место (после ЮАР) по степени географической диверсификации экспортных потоков. Традиционно поставки угля шли как в западном, так и в восточном направлении. За период 2004–2021 гг. индекс ННІ практически не изменился при минимальных краткосрочных колебаниях. Некоторое повышение индекса в 2013 г. может быть связано с влиянием сланцевой революции в США и масштабной модернизацией угольной промышленности Китая (Краснянский, Сарычев 2019). Начиная с 2018 г., т. е. ещё до введения странами Запада санкций на импорт российского угля, наблюдается процесс переориентации российского угольного экспорта с запада на восток¹³. По всей видимости, тренд на дальнейшую концентрацию поставок российского угля в страны Азии только усилился в период 2022–2025 гг.

Колумбия и ЮАР демонстрируют схожую динамику изменения индекса ННІ по экспорту угля и занимают примерно одинаковую долю на мировом рынке угля (5% и 4% соответственно). Это может объясняться удалённостью этих стран от ключевых рынков сбыта и возможностью маневрирования экспортными потоками, идущими как в страны Тихого океана, так и в регионы Атлантического океана.

Степень географической концентрации большинства ведущих импортёров угля также за 20 лет демонстрирует тренд на снижение и, более того, в 2023 г. вышел на примерно один уровень. Единственным исключением из данного трен-

¹³ Спрос на уголь в мире продолжает расти. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/spros-na-ugol-v-mire-prodolzaet-rasti-16711> (дата обращения: 17.04.2025).

да является Япония, которая за период 2004–2023 гг. увеличила концентрацию импорта угля и свою зависимость от главных торговых партнёров – Австралии и Индонезии.

Анализ географической структуры импорта на ключевых рынках угля показал, что Австралия занимает весомую долю на каждом из этих рынков. Индонезия стала новым лидером по экспорту благодаря нише, которую освободил Китай, перейдя от роли крупнейшего поставщика угля к роли крупнейшего покупателя.

Об авторе:

Пётр Сергеевич Москворецкий – аспирант Института Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: moskvoretskiy.petr@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 338.45:553.94:339.13

Received: February 11, 2025

Accepted: July 09, 2025

Geography of World Coal Market: Positions of Exporting and Importing Countries

 P.S. Moskvoretskiy
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-164-184](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-164-184)

The Institute of Europe

Abstract: The global energy market is undergoing profound restructuring as many countries adopt policies to phase out fossil fuels and reorganize supply chains. Nevertheless, demand for coal remains robust and continues to grow, with consumption increasingly concentrated in Asia. This regional shift has reshaped the geographical structure of global coal trade. The central hypothesis of this article is that major exporters and importers exhibit varying degrees of geographical concentration and diversification in their trade flows, and that these dynamics change over time.

The study examines long-term trends in the coal trade between 2004 and 2023 using the Herfindahl–Hirschman Index (0–1) to quantify geographical concentration. The analysis first situates coal within global fuel markets, then focuses on thermal coal as the most relevant segment for international trade. Results show that both exports and imports became more

concentrated during the study period, reaching unprecedented levels in 2023. Export concentration consistently exceeded import concentration, with the gap doubling over time, indicating stronger bargaining power for suppliers. At the same time, most leading players reduced the concentration of their trade flows, reflecting diversification. Notable exceptions include Indonesia, which rose to the top exporter by volume while increasing its concentration, and Japan, which became more dependent on Australia and Indonesia. Russia maintained a relatively low and stable export concentration, while China's shift from a leading exporter to a net importer after 2007 reshaped the global market and created new opportunities for other suppliers. The findings also highlight China's significant role in shaping import concentration across all fuel markets in 2020.

Keywords: coal, hard coal, coal production, world coal trade, world coal market, market concentration, Herfindahl-Hirschman Index

About the author:

Peter S. Moskvoretskiy – postgraduate of the Institute of Europe, 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. E-mail: moskvoretskiy.petr@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Erdogan S., Pata U.K., Alola A.A. 2024. Where Do We Stand on Cutting Coal Dependency? Evidence from the Top Coal-Dependent Economies. *Energy Strategy Reviews*. №54. DOI: 10.1016/j.esr.2024.101444.
- Ferguson V.A., Waldron S., Lim D.J. 2023. Market Adjustments to Import Sanctions: Lessons from Chinese Restrictions on Australian Trade, 2020–21. *Review of International Political Economy*. №4. P. 1255–1281. DOI: 10.1080/09692290.2022.2090019.
- Overland I., Loginova J. 2024. The Russian Coal Industry in an Uncertain World: Finally Pivoting to Asia? *Energy Research & Social Science*. №102. DOI: 10.1016/j.erss.2023.103150.
- Oskarsson P., Nielsen K.B., Lahiri-Dutt K., Roy B. 2021. India's New Coal Geography: Coastal Transformations, Imported Fuel and State-Business Collaboration in the Transition to More Fossil Fuel Energy. *Energy Research & Social Science*. №73. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101903.
- Soto G.H., Martinez-Cobas X. 2024. Green Energy Policies and Energy Poverty in Europe: Assessing Low Carbon Dependency and Energy Productivity. *Energy Economics*. №136. DOI: 10.1016/j.eneco.2024.107677.
- Carmona S., Dąbkowska M. 2024. Neopredelyonnye perspektivy: vliyaniye na cepochku post-avok uglya iz Kolumbii v Pol'shu [Uncertain Transitions: Affects in The Coal Supply Chain from Colombia to Poland]. *Energy Research & Social Science*. 118(1–2). DOI: 10.1016/j.erss.2024.103740 (In Russian).
- Chuvakhina L.G. 2024. Global'nye trendy razvitiia mirovogo rynka uglya [Global Trends in the Development of the Global Coal Market]. *Gorizonty ekonomiki*. 2(82). P. 104–114. (In Russian).
- Filimonova I.V., Provornaya I.V., Nemov V.Iu., Kartashevich A.A. 2023. Mirovoi rynek SPG. Strukturnye osobennosti i prognoz razvitiia [The Global LNG Market. Structural Features and Development Forecast]. *Delovoi zhurnal neftegaz.ru*. 2(134). P. 50–61. (In Russian).
- Kondrat'ev V.B., Popov V.V., Kedrova G.V. 2019. Global'nyi rynek uglya: sostoianie i perspektivy [Global Coal Market: Current Situation and Perspectives]. *Gornaia promyshlennost'*. 2(144). P. 6–12. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-2-144-6-12. (In Russian).

Krasnianskii G.L., Sarychev A.E. 2019. Slantsevaia revoliutsiia v SSHA i transformatsiia mirovogo ugol'nogo rynka [The US Shale Revolution and the Transformation of the Global Coal Market]. *Slantsevaia revoliutsiia i global'nyi energeticheskii perekhod*. Pod red. Ivanova N.A. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 540 p. (In Russian).

Krasnianskii G.L., Sarychev A.E., Skryl' A.I. 2017. *Ekonomicheskie krizisy i ugol' Rossii* [Economic Crises and Coal in Russia]. Moscow: Izd. Dom NITU "MISiS". 77 p. (In Russian).

Moskvoretskii P.S. 2024. Mirovoi rynek uglia: sostoianie i dolgosrochnye tendentsii [World Coal Market: Current State and Long-Term Trends]. *Sovremennaiia Evropa*. №4. P. 116–125. DOI: 10.31857/S0201708324040090. (In Russian).

Plakitkin Iu.A., Plakitkina L.S., D'iachenko K.I. 2022. Nizkouglerodnoe razvitie ekonomiki kak faktor sderzhivaniia razvitiia mirovoi i rossiiskoi ugol'noi promyshlennosti. Chast' I. Vliianie ugol'noi otrasli na emissiiu parnikovyykh gazov i ee zavisimost' ot sovremennoi klimaticheskoi povestki [Low-Carbon Development of the Economy as a Deterrent to the Development of the Global and Russian Coal Industry. Part I. The Impact of the Coal Industry on Greenhouse Gas Emissions and Its Dependence on the Current Climate Agenda]. *Vestnik RAEN*. №3. P. 19–30. DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-3-19-30. (In Russian).

Plakitkin Iu.A., Plakitkina L.S., D'iachenko K.I. 2024. Energetika vcherashnego i zavtrashnego dnia: kontury dolgosrochnogo razvitiia [The Energy of Yesterday and Tomorrow: the Contours of Long-Term Development]. *Energeticheskaiia politika*. №9. P. 11–31. DOI: 10.46920/2409-5516_2024_9200_10. (In Russian).

Plakitkina L.S., Plakitkin Iu.A., D'iachenko K.I. 2019. Mirovye tendentsii razvitiia ugol'noi otrasli [World Trends of Coal Industry Development]. *Gornaia promyshlennost'*. 1(143). P. 24–29. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-1-143-24-29. (In Russian).

Sarychev A.E., Miaskov A.V., Stoianova I.A., Ivanov N.A. 2024. Povyshenie roli dinamicheskikh sposobnostei ugol'nykh kompanii v usloviakh rezkikh tsenovykh kolebaniy na mezhdunarodnykh rynkakh [Enhancing the Role of Dynamic Capabilities of the Coal Companies under the Conditions of Sharp Price Fluctuations at the International Markets]. *Ekonomika promyshlennosti*. 17(2). P. 128–137. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-2-1201. (In Russian).

Sherin E.A. 2018. Geograficheskie napravleniia i masshtaby eksporta sibirskikh uglei [Geographical Destinations and Scale of Exports of Siberian Coal]. *EKO*. №8. P. 148–160. DOI: 10.30680/ESO0131-7652-2018-8-148-160. (In Russian).

Zhukov S.V., Reznikova O.B. 2024. Krizis elektroenergetiki v stranakh Evrosoiuz: dinamika, dvizhushchie sily i perspektivy [The Crisis of the Electricity Sector in the EU Countries: Dynamics, Driving Forces, and Prospects]. *Problemy prognozirovaniia*. 1(202). P. 90–104. DOI: 10.47711/0868-6351-202-90-104. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Жуков С.В., Резникова О.Б. 2024. Кризис электроэнергетики в странах Евросоюза: динамика, движущие силы и перспективы. *Проблемы прогнозирования*. 1(202). С. 90–104. DOI: 10.47711/0868-6351-202-90-104.

Кондратьев В.Б., Попов В.В., Кедрова Г.В. 2019. Глобальный рынок угля: состояние и перспективы. *Горная промышленность*. 2(144). С. 6–12. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-2-144-6-12.

Краснянский Г.Л., Сарычев А.Е. 2019. Сланцевая революция в США и трансформация мирового угольного рынка. *Сланцевая революция и глобальный энергетический переход*. Под ред. Иванова Н.А. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. 540 с.

Краснянский Г.Л., Сарычев А.Е., Скрыль А.И. 2017. *Экономические кризисы и уголь России*. Москва: Изд. Дом НИТУ «МИСиС». 77 с.

Москворецкий П.С. 2024. Мировой рынок угля: состояние и долгосрочные тенденции. *Современная Европа*. №4. С. 116–125. DOI: 10.31857/S0201708324040090.

Плаkitкина Л.С., Плаkitкин Ю.А., Дьяченко К.И. 2019. Мировые тенденции развития угольной отрасли. *Горная промышленность*. 1(143). С. 24–29. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-1-143-24-29.

Плаkitкин Ю.А., Плаkitкина Л.С., Дьяченко К.И. 2022. Низкоуглеродное развитие экономики как фактор сдерживания развития мировой и российской угольной промышленности. Часть I. Влияние угольной отрасли на эмиссию парниковых газов и ее зависимость от современной климатической повестки. *Вестник РАН*. №3 С. 19–30. DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-3-19-30.

Плаkitкин Ю.А., Плаkitкина Л.С., Дьяченко К.И. 2024. Энергетика вчерашнего и завтрашнего дня: контуры долгосрочного развития. *Энергетическая политика*. №9 С. 11–31. DOI: 10.46920/2409-5516_2024_9200_10.

Филимонова И.В., Проворная И.В., Немов В.Ю., Карташевич А.А. 2023. Мировой рынок СПГ. Структурные особенности и прогноз развития. *Деловой журнал neftegaz.ru*. 2(134). С. 50–61.

Сарычев А.Е., Мясков А.В., Стоянова И.А., Иванов Н.А. 2024. Повышение роли динамических способностей угольных компаний в условиях резких ценовых колебаний на международных рынках. *Экономика промышленности*. 17(2) С. 128–137. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-2-1201.

Чувахина Л.Г. 2024. Глобальные тренды развития мирового рынка угля. *Горизонты экономики*. 2(82) С. 104–114.

Шерин Е.А. 2018. Географические направления и масштабы экспорта сибирских углей. *ЭКО*. №8. С. 148–160. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-148-160.

Инвестиционная безопасность и технологическая суверенность: экосистемный подход к поиску баланса

 И.М. Степнов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена изучению феномена инвестиционной безопасности во взаимосвязи с достижением технологического суверенитета в условиях значительного изменения экономических отношений в мире. Признание отказа от радикальной глобализационной политики как представителями бизнеса, так и политиками требует обновления государственных стратегий, нацеленных на достижение технологической независимости. Введение новых мер защиты суверенитета (от тарифных политик США до контроля над прямыми инвестициями в Европейском союзе, от стратегии самодостаточности КНР до контроля над цепями поставок Японии) также нуждается в теоретическом осмыслении. Отказ от стратегий глобального потребления доступных технологий в силу нарастающей зависимости от иностранных субъектов заставляет задумываться о национальных ресурсах. Автор показал, что, несмотря на разнообразие подходов к национальным моделям безопасности (включая безопасность инвестиций), остаётся неизменным утверждение, что изменения опираются на инвестиционный потенциал. Для понимания угроз суверенитету, возникающих в новой реальности, необходимо ответить на следующий исследовательский вопрос: опора на какие теоретические конструкции и методологические решения в условиях обновления политик меркантилизма и протекционизма позволит достичь технологического суверенитета, сохраняя при этом контроль над инвестициями.

В данном исследовании в качестве теоретико-методологической базы использованы не только сложившиеся подходы в сфере экономической безопасности, но и авторские наработки в области теории экосистем. Применение экосистемного подхода позволит достичь баланса между стремлением к технологическому суверенитету и потребностью в притоке инвестиций на уровне конкретных государственных мер. На примерах США, Евросоюза, Японии и Китая в работе показано, что в зависимости от заявленных целей и состояния экономики для поиска баланса между мерами по соблюдению технологического суверенитета и финансированием таких мер на практике используются разные приёмы. Высказано предположение о том, что в изменившихся условиях экспортно-сырьевая модель может оказаться привлекательнее, чем в период наставшего глобализма, и имеющей право на рассмотрение при соблюдении целевого контроля над

УДК: 338.27:330.322:339.92

Поступила в редакцию: 07.03.2025

Принята к публикации: 10.06.2025

распределением доходов от продаж ресурсов. Экосистемный взгляд позволяет расширить систему показателей инвестиционной безопасности путём согласования целей государств, бизнеса и общества на пути к достижению технологической независимости.

Ключевые слова: технологический суверенитет, инвестиционная безопасность, теория экосистем, меркантилизм, протекционизм

Стремление сохранить национальную идентичность побуждает государства к выработке принципиально новых стратегий, на основе которых могут быть устранены существующие барьеры для экономического развития и сформированы новые пути взаимодействия в современном мире, который характеризуется значимыми процессами деглобализации (Van Bergeijk 2025). Роль инвестиций в этих процессах весьма существенна, во многом определяя как возможности, так и угрозы национального развития. При этом нарастающие тенденции к деглобализации делают стремление к суверенитету всё более актуальным. Эпоха глобализма во многом маскировала насущные потребности государств в ресурсах (прежде всего, инвестиционных) для технологического развития, поскольку участие в глобальных цепях поставок компенсировало отсутствие в отдельных областях знания и производства как научно-технологических заделов, так и источников средств для их формирования. Такое явление было характерно не только для развивающихся стран, но и для развитых: например, недостаточный объём полупроводникового производства в Европейском союзе до недавнего времени не вызывал какого-либо беспокойства (Корощупов 2023; Иванова, Тимашова 2025).

Исследуя основные характеристики феномена «инвестиционная безопасность», мы установили наличие нескольких принципиально отличающихся подходов: изучение процессов, связанных с безопасностью инвестиций как самостоятельного экономического явления (Смешко, Плотников, Вертакова 2023; Сухарев 2024); для публикаций до 2022 г. характерно изучение категории «инвестиционная безопасность», тесно связанной с понятиями «экономическая безопасность» и «национальная безопасность» (Игонина 2013); в период после начала СВО внимание российских учёных и практиков сосредоточено на поиске ресурса, обеспечивающего достижение технологического суверенитета (Караева, Лев 2023; Константинов, Константинова 2022).

Рассматривая новейшие тенденции, отметим, что в России технологический суверенитет как интегрирующий показатель инвестиционных процессов может быть представлен а) в прямой логической связи «инвестиционная безопасность – технологический суверенитет», в том числе и в рамках понятий «критические и сквозные технологии» (что во многом заложено в 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны

и безопасности государства»¹), б) в триаде «инвестиционная безопасность – экономическая безопасность – технологический суверенитет», (в ряде публикаций), в) «технологическое развитие – инвестиционная безопасность – экономическая безопасность» (в Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.»²). В работе М.А. Юревича показано, что технологический суверенитет редко используется в классических концепциях экономической безопасности, а его измерение может быть сведено к трём подходам: «композиционные индексы, многокритериальная оценка без агрегации и отдельные показатели», что, по мнению этого автора, определяет доктрину технологического суверенитета как «новый лозунг индустриальной и научно-технической политики» (Юревич 2023: 10, 19). Цитируемое исследование, как и ряд других, изучает технологический суверенитет, но не рассматривает основу его обеспечения – инвестиционные ресурсы, в отличие, например, от работы Е.Б. Ленчук, где определены условия инвестирования в технологический суверенитет через создание соответствующей институциональной среды и увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП (Ленчук 2022).

Для понимания инвестиционных угроз суверенитету в новой реальности необходимо ответить на следующий исследовательский вопрос: опора на какие теоретические конструкции и методологические решения в условиях обновления политик меркантилизма и протекционизма позволит, сохраняя контроль над инвестициями, достичь технологического суверенитета?

Обзор зарубежных подходов к исследованию инвестиционной безопасности

В исследованиях, которые проводятся в развитых странах, к изучаемой нами категории «инвестиционная безопасность» наиболее близки направления «национальная безопасность и иностранные инвестиции» в США³ (Jacson 2013; Larson, Marchik 2006) и «экономическая безопасность и будущее развитие»⁴ (Chimits et al. 2024) с преобладанием параметрической оценки в Европейском союзе; аналогичные подходы просматриваются в странах G20 (Terra dos Santos et al. 2023).

¹ Федеральный закон РФ от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.».

³ Foreign Investment and National Security. *Council on Foreign Relations*. URL: <http://www.cfr.org/foreigndirectinvestment/foreigninvestmentusnationalsecurity/p31477> (accessed 01.08.2025).

⁴ Chimits F. et al. 2024. *European Economic Security: Current Practices and Further Development*. Brussel: European Parliament, Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union. 37 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA\(2024\)754449_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA(2024)754449_EN.pdf) (accessed 01.08.2025).

Применительно к развивающимся странам аспект инвестиционной безопасности смещается в сторону «инвестиционной привлекательности» как необходимого условия получения иностранных инвестиций в объёме, достаточном для национального развития (Usmanova 2023; Khachoo, Khan 2012; Sabir, Rafique, Abbas 2019).

Отметим, что на теоретическом уровне чаще всего рассматривается направление «политическая экономия, критическая инфраструктура и безопасность иностранных инвестиций» (Faden 2024; Godzimirski, Andersen, Haukland 2024), при этом априори в политэкономических подходах считается, что инвестиционная деятельность, обеспеченная ресурсами от прироста ВВП, не может нести угрозу национальной безопасности, а прямые иностранные инвестиции – это всегда риск утраты контроля над результатами инвестиций.

За последние полтора-два года, когда глобализацию ставят под сомнение не только экономисты-теоретики (Ando, Hayakawa, Kimura 2024; Ito et al. 2024), но и правительств ряда стран, значимо снижается количество исследований, посвящённых глобальной экономической безопасности (Лепшокова 2024; Ghiretti 2025; Kalinin et al. 2024).

Обращает на себя внимание, что взаимосвязь иностранных инвестиций с обеспечением технологического суверенитета не только находит отражение в общих экономических стратегиях, но также затрагивает интересы крупнейших компании мира. Так, европейские технологические компании обратились в ЕС с инициативой по созданию суверенного фонда и повышению технологической автономии в Европе, констатируя тот факт, что присутствие иностранного капитала (иностранных инвестиций) в компаниях-носителях технологического лидерства угрожает потерей технологического суверенитета⁵ – притом, что Брюссель уже принял ряд новых требований к странам-членам, включая создание механизма проверки с согласованными национальными правилами⁶. Аналогичные решения по укреплению технологической автономии декларируются в КНР⁷.

Отдельное место в исследованиях посвящено инвестициям в безопасность – на этот аспект, отражающий часть поставленной задачи исследования, также следует обращать внимание, поскольку он носит системный характер в условиях расширения цифровой экономики. Инвестиции в безопасность

⁵ Chee F.Y. Airbus Leads Call for Europe to Create Sovereign Infrastructure Fund, buy European. *Reuters*. 17.03.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/airbus-others-call-sovereign-infrastructure-fund-buy-european-2025-03-17/> (accessed 01.08.2025); lordache R., Bhaimiya S. 'Buy European': Airbus and Others Call for Sovereign Fund and Higher Europe Tech Autonomy. *CNBC*. 17.03.2025. URL: <https://www.cnbc.com/2025/03/17/buy-european-airbus-and-others-call-for-sovereign-fund-and-higher-europe-tech-autonomy.html> (accessed 01.08.2025).

⁶ Commission Proposes New Initiatives to Strengthen Economic Security. *European Commission*. 24.01.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_363 (accessed 01.08.2025).

⁷ China's Political-Economy, Foreign and Security Policy: 2023. *Asia Society*. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/chinas-political-economy-foreign-and-security-policy-2023> (accessed 01.08.2025).

тесно связаны с оценкой влияния процессов цифровизации и цифровой трансформации на инвестиционную деятельность (Кляхтина, Шхагошев 2024). Так как финансовая и инвестиционная сфера подверглись наиболее значимым изменениям с точки зрения цифровых решений (Кикоть-Глухodedова 2025), при представлении характеристик инвестиционной безопасности нельзя устранить от цифрового фактора и киберугроз (Попов 2024).

Национальные модели компромисса «прирост зависимых инвестиций – технологический суверенитет»

Рассмотрим различные модели поиска инвестиционных ресурсов для реализации технологического суверенитета.

В США на государственном уровне выделяют четыре ключевых направления, связанных с технологическим развитием⁸: рост объёмов промышленного производства, включая увеличение внутренних промышленных активов; активная адаптация к новой геополитической конкуренции; предотвращение климатического и энергетического кризисов; борьба с неравенством. В решении задач каждого направления значимое место отведено как технологиям, так и экономическим методам, включая неомеркантилизм (путём обеспечения положительного сальдо притока капитала) и неопротекционизм (за счёт изменений тарифной политики). Целевым результатом технологического развития становится сохранение контроля над самыми важными технологиями внутри США и достижение новой промышленной концентрации (Сопилко, Морозов 2024).

Китайская модель, ориентируясь на самодостаточность, прежде всего направлена на ликвидацию технологических пробелов для устранения зависимости от иностранных субъектов на уровне исследований и технологий. Историко-динамический подход позволяет установить, что переход к принципам самодостаточности был совершён в КНР после формирования технологических заделов и исчерпания потенциала роста за счёт притока иностранных инвестиций (первоначально инвестиционная привлекательность обеспечивалась низкими затратами на труд). В силу указанной тенденции, например, в космической сфере (Юзбашян 2024) Китай декларировал переход от догоняющего развития к модели лидерства.

Национальная модель безопасности Японии (Nobukatsu 2023) учитывает не только устойчивое партнёрство с США, но и растущее технологическое лидерство Китая. В этой модели выделяются четыре направления: повышение устойчивости цепей поставок и снижение их уязвимости; защита критически

⁸ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed 01.08.2025).

важной инфраструктуры, включая инфраструктуру интернета; контроль над передачей технологий; предотвращение внешнего экономического принуждения. Видя приоритетом участие в цепях поставок, такая модель разрешает доступ к национальным технологиям, но на условиях жёсткого экспортного контроля с целью получения доступа к отсутствующим технологиям: такой подход заложен в понятие «стратегической незаменимости». Именно контроль над цепями поставок считается эффективным механизмом получения информации о технологическом прогрессе других участников цепи.

С национальными моделями, рассмотренными выше, может быть соотнесена и стратегия Европейского союза⁹. В ней определены четыре категории рисков, которые необходимо устранить в первую очередь: цепи поставок; физическая и кибербезопасность критически важной инфраструктуры; безопасность технологий и утечка технологий; использование экономической зависимости в качестве оружия или экономического принуждение. Ключевое значение придаётся обеспечению технологической безопасности за счёт продвижения единого рынка, благодаря защите от рисков и партнёрству с третьими странами. Очевидно, что такой подход обусловлен особенностями многопользовательского сотрудничества.

Значимый интерес представляет развитие системы взглядов на инвестиционную безопасность в контексте обеспечения технологического суверенитета в странах, обладающих меньшей инвестиционной привлекательностью, чем вышеперечисленные. Основной дискурс теоретических исследований в этом случае сосредоточен на вопросе о целесообразности прямых иностранных инвестиций. В условиях сокращения эйфории от глобализации распространяется мнение, что плата за иностранные инвестиции может стать непосильным бременем для национального ВВП – несмотря на позитивный опыт Китая, сумевшего указанным способом сформировать необходимый потенциал для развития. Согласно различным оценкам, расходы на выплаты по прямым иностранным инвестициям достигают 2–3% ВВП, что соизмеримо с национальными вкладами развитых стран в НИОКР. К примеру, Бразилия, занимающая пятое место в мире (Dos Santos Nogueira, Sampaio 2024) по объёму накопленных прямых иностранных инвестиций, достигающих 41% в структуре ВВП¹⁰ (по данным 2022 г.), тратила на обслуживание долга от 5,4% ВВП в 2022 г. до 5% ВВП в 2023 г. в виде оттока капитала¹¹.

⁹ Chimits F. et al. 2024. *European Economic Security: Current practices and further development*. Brussel: European Parliament, Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union. 37 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA\(2024\)754449_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA(2024)754449_EN.pdf) (accessed 01.08.2025).

¹⁰ Séries temporais. 12 Anais do 10º Encontro Internacional de Política Social e 17º Encontro Nacional de Política Social. *Bacen – Banco Central do Brasil*. URL: <https://www3.bcb.gov.br/sgspub/localizarseries/localizarSeries.do?method=prepararTelaLocalizarSeries> (accessed 01.08.2025).

¹¹ Там же.

В рамках этой дискуссии неоднозначную оценку приобретает подход, связанный с сырьевыми моделями, которые традиционно обеспечивали приток капитала. В долгосрочной перспективе при сокращении объёмов продаж сырья в рамках такой модели может снизиться объём собственных инвестиций, направленных на технологическое развитие, что потребует компенсации за счёт притока ПИИ. В настоящее время технологическое обновление неразрывно связано с цифровой трансформацией, при которой необходимо обеспечивать противостояние новой – цифровой – колонизации (Cristóvam, Sousa 2025), исходя из признания суверенитета основным политическим мотивом развития. Действительно, расходование инвестиционных ресурсов, полученных от продаж сырья, на приобретение цифровых технологий может обернуться ещё большей зависимостью от иностранных субъектов, чем от обеспечения доступа к цифровым технологиям за счёт ПИИ. Выходом из этой ситуации видится разработка национальных цифровых решений с привлечением средств от сырьевой модели на собственное технологическое развитие.

Новые теоретико-методологические возможности исследования инвестиционной безопасности

С нашей точки зрения, подходы к экономической безопасности в России, сложившиеся за почти тридцатилетний период исследований и практики, необходимо адаптировать к значимым трансформациям внешней среды.

Е.А. Бидзюра выделяет четыре основных подхода: факторный, статичный, динамический и детерминированный интересами (Бидзюра 2021). Последний, на наш взгляд, целесообразнее обозначать как институциональный, поскольку его ключевая характеристика заключается в стремлении государства обеспечить инвестиционную безопасность через формирование соответствующих институтов. Следует отметить, что факторный подход может рассматриваться как методологическая основа историко-динамического анализа, так как позволяет выявить и оценить причины, определяющие уровень инвестиционной безопасности. Статичный подход во многом лежит в основе классической модели экономической безопасности, тогда как динамический методологически коррелирует с современными концепциями неомеркантилизма и неопroteкционизма. Наконец, развитие институционального (ранее обозначавшегося как «детерминированного интересами») подхода логически приводит к формированию экосистемного подхода, отражающего специфику взаимодействия в новых экономических условиях, включая использование потенциала цифровизации.

Современные работы, посвящённые формированию характеристик национальной экономической безопасности, позволили нам установить следующие тенденции:

- широкое использование историко-динамического подхода для выявления первопричин нынешнего состояния, включая проблемы и накопленный опыт их решения, с учётом национальных особенностей экономического развития;
- методики межотраслевого и внешнеторгового балансов чаще всего применяются в интегрированных моделях, отражая в том числе и процессы формирования высокотехнологичных отраслей;
- происходит решительное обновление взглядов на меркантилизм, что позволяет связать политэкономия меркантилизма с необходимостью защиты национальных достижений и поиском ресурсов для такой защиты;
- происходит активное восстановление приёмов протекционизма в рамках тарифных подходов;
- нарастает привлекательность экосистемного подхода, ориентированного на контроль за независимостью в цепях поставок, включая контроль над потоками иностранных инвестиций;
- получает распространение партнёрский подход как модификация экосистемного подхода на межправительственном уровне, учитывающем геоэкономическую позицию стран.

Историко-динамический подход характерен в исследованиях, посвящённых России и США (например, Абалкин, 1994; Подберёзкин, Кузина 2019; Бартенев 2016; Сорокин 2020) – стран, которые ориентированы на сохранение технологического превосходства исторически приоритетных сфер научно-технического прогресса. Такой подход, помогающий осознать причину критических проблем и формировать новый тренд, однако, слабо адаптирован к появлению новых технологий; на его основе можно установить отдельные лакуны в технологиях или произошедшую утечку технологий, но нельзя прогнозировать подобные события. Хороший пример использования историко-динамического подхода дан в Концепции технологического развития¹², где выделены три этапа развития технического прогресса в России. Историко-динамический подход даёт возможность выявить качественные причины динамики инвестиционной безопасности, не предоставляя возможности количественного её измерения. Таким образом, его можно применять только для качественной оценки перспектив и угроз, связанных с инвестиционной безопасностью.

Моделирование межотраслевого и внешнеторгового балансов, включая установление международной инвестиционной позиции государства, несмотря на наличие количественных показателей, позволяет подводить итоги, но не раскрывает способов устранить причины негативных явлений и оценить грядущие угрозы.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

Актуальное обновление теорий меркантилизма и протекционизма целесообразно только при соблюдении ключевого условия: наличия положительного сальдо движения капитала для инвестиций внутри страны. В противном случае технологическое развитие будет осуществляться исключительно за счёт притока иностранных инвестиций, что впоследствии приведёт к существенному оттоку ВВП, как было показано выше на примере Бразилии. Поэтому ряд стран склоняется в пользу новой тарифной политики, нарушая сложившийся баланс торговых отношений.

В складывающейся ситуации одна из возможностей получить доступ к технологиям основана на участии в цепях поставок, как это происходит в Японии. Этот подход мы определяем как наиболее близкий к экосистемному, так как он может быть реализован в рамках единой экосистемы (отраслевой, кросс-отраслевой или национальной). К числу экосистемных решений следует отнести и китайскую модель самодостаточности. О жизнеспособности этой модели можно будет судить по прошествии времени – если в глобальной экономике при плате за доступ к технологиям выбор оптимальных технологий был очевиден, то в случае «самодостаточности» может быть выбрано неверное направление или отвергнуто прогрессивное.

Именно экосистемный подход на основе защиты поставок рекомендуют исследователи для Европейского союза¹³, но на практике вводится контроль над инвестициями (Моисеева, Кулинич 2024). Основная трудность использования экосистемного подхода заключается в том, что он находится на стадии формирования, хотя основные его черты, в том числе в части подходов к финансированию экосистем, проработаны (Степнов, Ковальчук 2023; Абдикеев и др. 2024).

Согласно экосистемному взгляду на экономические отношения, участники экосистемы взаимодействуют с рынком путём вовлечения в организованное экосистемой взаимодействие, не осуществляя самостоятельно выход на доступные рынки, а используя для этого ресурсы экосистемы, что зачастую позволяет называть экосистемы квазирынками. При этом важную роль играет организатор экосистемы (государство, отрасль, крупная корпорация или объединение нескольких участников), определяя финансирование и формы взаимодействия. Проектирование экосистемного взаимодействия предлагается нами (подробнее см. Степнов, Ковальчук 2023) по четырём моделям: «цепи поставок»; «консорциум»; «кластер»; «целевое государственное финансирование». При этом наибольшее распространение получает модель «цепи поставок».

¹³ Chimits F. et al. 2024. *European Economic Security: Current Practices and Further Development*. Brussel: European Parliament, Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union. 37 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA\(2024\)754449_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/754449/EXPO_IDA(2024)754449_EN.pdf) (accessed 01.08.2025); Olsen K.B., Schmucker C. The EU's New Anti-Coercion Instrument Will Be a Success if It Isn't Used. *Internationale Politik Quarterly*. 10.01.2024. URL: <https://ip-quarterly.com/en/eus-new-anti-coercion-instrument-will-be-success-if-it-isnt-used> (accessed 01.08.2025).

Отметим, что разрабатываемая теория экосистем не имеет непосредственного отношения к методологии экономической безопасности, несмотря на дискуссию о возможности замены ею теории фирмы (Jacobides, Cennamo, Gawer 2018; Степнов, Ковальчук 2023). Тем не менее использование положений теории экосистем позволяет с иной позиции взглянуть на нерешённые проблемы инвестиционной безопасности, особенно в части устойчивости цепей поставок с учётом влияния организаторов взаимодействия в рамках экосистем, несмотря на то, что пока сами экосистемы не являются ни организационной правовой формой, ни признанным экономическим агентом. Использование экосистемного взгляда (как совокупности уже признанных положений теории экосистем) позволяет сформировать экосистемный подход для исследования инвестиционной безопасности.

Незавершённость экосистемного подхода частично компенсирует партнёрский подход, который предполагает сохранение межправительственного сотрудничества. В такой методике экосистемная модель характеристик инвестиционной безопасности должна быть дополнена геоэкономической позицией государства. В составе геоэкономической позиции возможны различные показатели, но как минимум должны быть отражены объём рынка (общий или отраслевой), индекс открытости торговли, число зависимых продуктов, доля крупнейших экспортёров.

Модель сотрудничества, реализуемая на основе партнёрского подхода, опасна тем, что при высоком уровне сложности (уникальности технологии) в силу естественного стремления к лидерству в гонке технологий возможно формирование технологического монополизма.

В рамках дискуссии о характеристиках инвестиционной безопасности экосистемный подход позволяет учитывать классические результаты исследований национальных инвестиционных процессов через призму таких категорий, как «инвестиционная политика», «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность». Например, перед развитыми странами не стоит задача обеспечить инвестиционную привлекательность, так как во многих из них созданы базовые условия для защиты инвестиций. Российское государство предпринимало огромные усилия для решения этой задачи, что существенно снижало расходы ВВП на обслуживание внешних инвестиций. Однако за последнее десятилетие ограничения, введённые против России, существенно сократили возможности привлечения иностранных инвестиций, что актуализирует задачу наращивания внутренних инвестиций.

Наконец, для понимания инвестиционной безопасности важна субъектность, т. е. инвестиционная безопасность может рассматриваться через субъективное восприятие инвестиционного процесса отдельным участником на основе критериальных оценок риска в рамках связанной категории «инвестиционная стоимость». Критерий субъектности чаще всего применим к оценке защищённости инвестиций, т. е. к защите интересов инвестора.

С точки зрения терминологии, он должен быть отнесён к категории «инвестиционный климат», хотя основной характеристикой может выступать только «инвестиционный риск».

Основные характеристики инвестиционной безопасности: от пороговых значений параметров до экосистемной оценки

Вышеописанная дискуссия свидетельствует о том, что в условиях становления нового миропорядка требуется выработка целостной позиции относительно инвестиционной безопасности на основе переосмысления фундаментальных взглядов на данное явление.

При составлении характеристик инвестиционной безопасности могут существовать как общие приёмы, так и частные, присущие состоянию экономической системы (Бузгалин, Колганов 2021). В широком смысле инвестиционная безопасность предполагает поддержание устойчивого доступа к финансированию участников экономических отношений, и вместе с тем такую организацию инвестиционного процесса, которая не приведёт к утрате контроля за результатами инвестиций как на государственном уровне, так по отдельным видам деятельности. Классический подход к инвестиционной безопасности, в том числе и в рамках действующей модели экономической безопасности, сохраняет свою силу, при этом акцент на укреплении технологического суверенитета побуждает обратить особое внимание на формирование защитных экономических политик в высокотехнологичных сегментах экономики и в образовании.

В зависимости от того, изучается ли безопасность инвестиционной деятельности как самостоятельное явление или как элемент экономической безопасности, различается и видение характеристик данного феномена. Если в первом случае необходимо опираться на ключевые особенности инвестиционной деятельности, то во втором случае следует сохранить методологию оценки экономической безопасности.

Повторим, что формирование характеристик технологического развития и технологического суверенитета носит поисковый характер, и стандартные метрики ещё не сформированы. Поэтому первоначально следует выбрать, на каком методологическом базисе (экономической или технологической безопасности) решать поставленную задачу измерения технологического суверенитета.

Предложение рассматривать технологический суверенитет как часть комплекса «экономическая безопасность» (Караваева, Лев 2023) не упрощает исследовательскую задачу, а усложняет её, так как декларируются результирующие показатели экономической безопасности, без целостного анализа их взаимосвязи, включая паспортизацию индикаторов (Караваева, Иванов, Лев 2023; Караваева 2024). Усиленное внимание вызовам безопасности, безусловно, соответствует утверждённой государственной Стратегии экономической

безопасности¹⁴ (далее Стратегия), но не развивает её. Системная модель упростила бы формирование архитектуры показателей безопасности, но она не может быть реализована в отрыве от общей модели экономического развития, следовательно, и инвестиционную безопасность приходится в этом подходе характеризовать едиными характеристиками экономического развития, как это обосновано у В.К. Сенчагова (Сенчагов, Иванов 2015).

Переходя непосредственно к формированию архитектуры показателей, первоначально выделим те характеристики, что установлены законодательством и могут быть отнесены к инвестиционной безопасности в системе координат «угрозы и вызовы, цели и задачи, показатели и риски». Здесь и далее сохранена нумерация параграфов, используемая в Стратегии:

11) недостаточный объём инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности;

15) низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры¹⁵.

Многие цели не могут быть достигнуты без существенного наращивания инвестиций с созданием национального контроля над результатами, притом особого внимания заслуживает создание экономических условий в проблемных сферах.

Большой интерес представляют задачи, распределённые по разным целям: улучшение инвестиционного климата, повышение привлекательности российской юрисдикции для осуществления предпринимательской деятельности; совершенствование государственного контроля за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности государства; формирование благоприятных условий для привлечения частных инвестиций; развитие инструментов финансирования инновационных проектов; обеспечение нормы накопления, достаточной для устойчивого развития национальной экономики; развитие механизмов и инструментов инвестиционно ориентированной государственной финансовой политики, предусматривающей в том числе увеличение нормы накопления, а также привлечение накоплений для реализации инвестиционных проектов.

¹⁴ Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

¹⁵ Там же. П. 12.

В Стратегии определены 40 показателей состояния защищённости российской экономики, из них для описания инвестиционной защищённости пригодны:

- 1) индекс физического объёма валового внутреннего продукта;
- 2) валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности);
- 3) доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте;
- 4) доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте;
- 12) чистый ввоз (вывоз) капитала;
- 16) доля инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в общем объёме инвестиций в основной капитал¹⁶.

Для большей детализации уровня инвестиционной безопасности В.К. Сенчагов, учитывая Федеральный закон¹⁷, подчёркивал важность изучения таких характеристик, как инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат и инвестиционный риск¹⁸. С методологической точки зрения важно, что инвестиционный климат отнесён к макроуровню, инвестиционная привлекательность – к макро- и мезоуровню, а инвестиционный риск – к мезо- и микроуровню. По мнению В.К. Сенчагова и Н.А. Новицкого, в качестве «критериев инвестиционно-экономической безопасности принимаются индикаторы, характеризующие предельные значения инвестиционной деятельности, при превышении которых невозможно обеспечить стабильность развития экономики в соответствии с целями социального развития и задачами обеспечения национальной безопасности страны»¹⁹.

Согласно процитированному выше исследованию, к таким предельным значениям должны быть отнесены инвестиции в основной капитал в сравнительной динамике с ВВП и объёмом валовой продукции промышленности; комплексным показателем выступает доля инвестиций в валовом накоплении основного капитала; для оценки на макроэкономическом уровне целесообразно использовать показатель отношения темпа роста инвестиций к темпу роста ВВП, а на мезоуровне – норму обновления основного капитала путём инвестирования выбытия основных фондов. Показатели, характеризующие инвестиционный риск, не отличаются от общепринятых. Н.А. Новицкий в позднейших своих публикациях такие показатели, как удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП и динамику инвестиций, считает ключевыми для роста

¹⁶ Там же. П. 27.

¹⁷ Федеральный закон РФ от 25.02.1999 №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

¹⁸ Сенчагов В.К. 2005. *Экономическая безопасность России*. Москва: Дело. 896 с.

¹⁹ Алябьева К.В., Коварда В.В. 2019. *Экономическая безопасность*. Москва: Интермедия. 672 с.

ВВП и промышленного производства (Новицкий 2019). Мы полагаем, что эти показатели должны присутствовать и в Стратегии, и в практике оценки среди основных характеристик инвестиционной безопасности.

В.В. Коварда и К.В. Алябьева, сохраняя методологический принцип В.К. Сенчагова, на наш взгляд, вполне оправданно дополняют систему показателей динамикой чистых инвестиций и анализируя притоки/оттоки прямых иностранных инвестиций²⁰. Эти исследователи в русле иерархического подхода рассматривают инвестиционный климат на макроуровне, а инвестиционную привлекательность – на мезо- и на микроуровнях, но с разным составом показателей для мезо- и микроуровня. Такое видение позволяет рекомендовать использование соответствующих уровней и для экосистем.

В рамках экосистемного подхода мы стремимся сохранить описанный выше иерархический подход к оценке инвестиционной безопасности по предложенным трём уровням для понимания направлений формирования благоприятного инвестиционного климата, от которого зависят обновление и воспроизводство основного капитала. По нашему мнению, совокупность перечисленных характеристик через систему показателей не может в настоящее время быть полной без учёта безопасности инвестиций в цепях поставок, что надлежит отразить долей в цепях поставок иностранных участников, которая может рассчитываться как по физическому объёму, так и в денежном измерении. Введение этого показателя в сравнении с уровнем общего потребления по конкретной группе цепей поставок внутри страны продемонстрирует угрозу влияния иностранных контрагентов на экономическую безопасность, особенно если эта группа включает товары и услуги, произведённые по критическим технологиям.

Вторая дополнительная группа показателей должна оценивать финансирование цепи поставок, особенно когда в ней действуют финансовые посредники, с учётом наработок контроля за прибылью в экосистемах (Chen, Du, He, Sironen 2022). Именно контроль над привлекаемыми инвестициями выступает востребованным инструментом экосистем, в том числе и через механизм рационализации (подробнее см. Абдикеев и др. 2024).

Применение положений теории экосистем продемонстрировало перспективность формирования экосистемного подхода к оценке инвестиционной безопасности. Такой подход позволяет уточнить уровень анализа, исходя из того, что в первую очередь необходимо определить экосистему, в рамках которой рассматривается инвестиционная безопасность, при этом сохраняя логику иерархического метода. Он обеспечивает возможность учитывать принцип субъектности: экосистема не является самостоятельным экономическим агентом, её поведение задаётся организатором взаимодействия. В этом контексте сохраняется значимость классических показателей системы пороговых

²⁰ Сенчагов В.К. 2005. *Экономическая безопасность России*. С. 168.

индикаторов и оценки допустимых рисков, однако они получают дополнение в виде новых параметров. Речь идёт, прежде всего, об оценке устойчивости экосистемных взаимодействий, в частности устойчивости цепей поставок, а также о включении в систему показателей характеристик контроля за инвестициями. Последнее предполагает особое внимание к инвестициям в экосистемы через механизмы цепей поставок и к оценке уровня рационирования, установленного организатором экосистемы. В совокупности это создаёт более комплексное представление об инвестиционной безопасности в условиях трансформации глобальной экономики и усиливающихся требований к технологическому суверенитету.

Заключение

Современные процессы деглобализации, сопровождаемые возрождением меркантилистских и протекционистских практик, радикально меняют условия обеспечения экономической и инвестиционной безопасности. В этих условиях технологическая суверенность становится не просто политическим лозунгом, а ключевым элементом устойчивого развития национальных экономик. Проведённый анализ показал, что традиционных инструментов оценки инвестиционной безопасности, зафиксированных в стратегиях экономической безопасности, недостаточно для адекватного ответа на новые вызовы.

Применение экосистемного подхода позволяет расширить существующие методологические рамки и предложить более комплексную модель, учитывающую как традиционные индикаторы, так и новые параметры – устойчивость цепей поставок, контроль над инвестиционными потоками, характер рационирования в экосистемах. Такой подход делает возможным согласование интересов государства, бизнеса и общества, формируя основу для балансирования между необходимостью сохранения технологического суверенитета и объективной потребностью в привлечении инвестиций.

Сравнительный анализ практик США, Европейского союза, Китая и Японии показал, что выбор конкретных инструментов зависит от целей и состояния национальных экономик, однако во всех случаях именно инвестиционный потенциал остаётся ядром обеспечения технологической независимости. Для России особую актуальность приобретает разработка системы показателей инвестиционной безопасности с учётом экосистемных взаимодействий, что позволит перейти от описательных характеристик к практическим решениям в области государственной политики.

Об авторе:

Игорь Михайлович Степнов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, главный научный сотрудник Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.
E-mail: stepnoff@inbox.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

UDC: 338.27:330.322:339.92

Received: March 07, 2025

Accepted: June 10, 2025

Investment Security and Technological Sovereignty: An Ecosystem Framework for the Post-Globalization Economy

I.M. Stepnov

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-185-206](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-185-206)

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: This article investigates the relationship between investment security and technological sovereignty against the backdrop of accelerating deglobalization and the return of mercantilist and protectionist strategies. The erosion of radical globalization has forced states to reconsider their dependence on global supply chains and foreign technologies, placing renewed emphasis on national investment potential as the foundation of technological independence. The study asks which theoretical frameworks and methodological approaches can support the pursuit of technological sovereignty while maintaining effective control over investment flows. To address this question, it combines established approaches to economic security with the author's development of an ecosystem perspective. The ecosystem approach is shown to provide a useful framework for balancing the imperatives of sovereignty with the continuing need for external investment, by coordinating the goals of states, business, and society. Comparative evidence from the United States, the European Union, China, and Japan illustrates how different strategies are employed to reconcile sovereignty with investment security: from tariff and FDI controls to supply-chain resilience measures and self-sufficiency programs. The analysis also suggests that, under current conditions, resource-export models—previously sidelined in an era of globalization—may regain relevance if paired with targeted mechanisms of revenue distribution.

The article concludes that an ecosystem view expands the set of indicators of investment security, integrating traditional metrics with new measures of supply-chain stability, digital risks, and institutional resilience. This framework provides a conceptual and practical basis for achieving technological sovereignty without undermining the inflow of investments essential for long-term development.

Keywords: technological sovereignty, investment security, ecosystem theory, mercantilism, protectionism

About the author:

Igor M. Stepnov – Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Chief Researcher at the Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation 125167, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49/2.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article is based on research funded by the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

References:

- Ando M., Hayakawa K., Kimura F. 2024. The Threat of Economic Deglobalization from Cold War 2.0: A Japanese perspective. *Asian Economic Papers*. 23(1). P. 46–65.
- van Bergeijk P.A. 2025. Deglobalization: Three Scenarios. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 18(1). P. 157–166.
- Chen S., Du J., He W., Siponen M. 2022. Supply Chain Finance Platform Evaluation Based on Acceptability Analysis. *International journal of production economics*. №243. P. 108350. DOI: 10.1016/j.ijpe.2021.108350.
- Cristóvam J.S.D.S., Sousa T.P.D. 2024. Technological Sovereignty vs. Digital Coloniality: Smart State and Public Policies for an AI Bethânia. *Sequência (Florianópolis)*. 45(98). P. e10342639. DOI: 10.5007/2177-7055.2024. e103426.
- Dos Santos Nogueira C., Sampaio D.P. 2024. Economia brasileira e dependência: Investimento estrangeiro e transferência de valor. *Anais do Encontro Internacional e Nacional de Política Social*. 1(1). P. 1–12.
- Faden K. 2024. National Economic Security and the Politics of Securitization: a Critical Examination. *International Journal of History and Political Sciences*. 4(11). P. 10–16.
- Ghiretti F. 2025. Global Economic Security Policy. *Chinese Investments and the Economic Security Turn in Europe*. Bristol University Press. P. 84–91.
- Godzimirski J.M., Andersen M.S., Haukland M. 2024. Squaring the Circles: How to Understand National Security, Critical Infrastructure, Vital Societal Functions, and the Foreign Ownership Challenge? *The Political Economy of National Security, Critical Infrastructure and Securitization of Foreign Investments*. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 15–49.
- Ito T., Iwata K., McKenzie C., Urata S. 2024. Deglobalization: Editors' Overview. *Asian Economic Policy Review*. 19(1). P. 1–17. DOI: 10.1111/aep.12457 10.1111/aep.12457.
- Jackson J.K. 2013. *Foreign Investment and National Security: Economic Consideration*. Congressional Research Service. 39 p.

Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems. 2018. *Strategic Management Journal*. 39(8) P. 2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904.

Kalinin O., Gonchar V., Abliazova N., Filipishyna L., Onofriichuk O., Maltsev M. 2024. Enhancing Economic Security through Digital Transformation in Investment Processes: Theoretical Perspectives and Methodological Approaches Integrating Environmental Sustainability. *Natural and Engineering Sciences*. 9(1). P. 26–45. DOI: 10.28978/nesciences. 1469858.

Khachoo A.Q., Khan M. I. 2012. Determinants of FDI Inflows to Developing Countries: a Panel data Analysis. *MPRA Paper*. №37278. P. 1–19.

Larson A.P., Marchik D.M. 2006. *Foreign Investment and National Security: Getting the Balance Right*. Council on Foreign Relations Press. 47 p.

Nobukatsu K. 2023. Reading Japan's National Security Strategy. *Asia-Pacific Review*. 30(1). P. 7–25. DOI: 10.1080/13439006.2023.2198854.

Sabir S., Rafique A., Abbas K. 2019. Institutions and FDI: Evidence from Developed and Developing Countries. *Financial Innovation*. 5(1). P. 1–20. DOI: 10.1186/s40854-019-0123-7.

Terra dos Santos L.C., Frimaio A., Giannetti B. F., Agostinho F., Liu G., Almeida C.M. 2023. Integrating Environmental, Social, and Economic Dimensions to Monitor Sustainability in the G20 Countries. *Sustainability*. 15(8). P. 6502. DOI: 10.3390/su15086502.

Usmanova V. 2023. Increasing Investment Attractiveness in the Development of the National Economy. *International Journal of Advance Scientific Research*. 3(5). P. 131–138. DOI: 10.37547/ijasar-03-05-21.

Abalkin L.I. 1994. E'konomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ix otrazhenie [Russia's Economic Security: Threats and Their Reflection]. *Economic issues*. №12. P. 4–13 (In Russian)

Abdikeev N.M., Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. 2024. Racionirovanie kak normativny'j princip finansirovaniya e'kosistemnogo vzaimodejstviya [Rationing as a Normative Principle of Ecosystem Interaction Financing]. *Finance: theory and practice*. 28(4). P. 46–58. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-46-58 (In Russian)

Bartenev V.I. 2016. SSHa v poiskax novy'x tekhnologicheskix osnov voennogo prevosходstva: dilemmy' «tret'ej strategii kompensacii» [The USA in Search of New Technological Foundations of Military Superiority: Dilemmas of the "Third Compensation Strategy"]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(48). P. 30–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-30-42 (In Russian)

Bidzyura E.A. 2021. Teoreticheskie aspekty' opredeleniya e'konomicheskoy bezopasnosti kak e'konomicheskoy kategorii [Theoretical Aspects of the Definition of Economic Security as an Economic Category]. *Economic science today*. №14. P. 123–132 (In Russian)

Buzgalin A., Kolganov A. 2021. E'konomicheskaya komparativistika. Sravnitel'ny'j analiz e'konomicheskix sistem [Economic Comparative Studies. Comparative Analysis of Economic Systems]. Moscow: INFRA-M. 746 p. (In Russian)

Ivanova N.I., Timashova V.V. 2025. Osnovy' tekhnologicheskogo suvereniteta v kontekste vneshnee' ekonomicheskix svyazey stran [Fundamentals of Technological Sovereignty in the Context of the Countries' Foreign Economic Relations]. *Russian Foreign Economic Bulletin*. №2. P. 25–43 (In Russian)

Igonina L.L. 2013. E'konomicheskaya bezopasnost' Rossii v sisteme makroe'konomicheskix investicionny'x kriteriev [Economic Security of Russia in the System of Macroeconomic Investment Criteria]. *National interests: priorities and security*. №2. P. 49–57 (In Russian)

Karavaeva I.V., Ivanov E.A., Lev M. Yu. 2020. Pasportizaciya i ocenka pokazatelej sostoyaniya e'konomicheskoy bezopasnosti Rossii [Certification and Assessment of Indicators of Russia's Economic Security]. *Economics, entrepreneurship and law*. 10(8). P. 2179–21989 (In Russian)

Karavaeva I.V., Lev M.Yu. 2023. E'konomicheskaya bezopasnost': texnologicheskij suverenitet v sisteme e'konomicheskoy bezopasnosti v sovremennoj Rossii. [Economic Security: Technological Sovereignty in the Economic Security System in Modern Russia]. *Economic security*. 6(3). P. 905–924 (In Russian)

Karavaeva I.V. 2024. *Orientiry' e'konomicheskoy bezopasnosti RF v kontekste strategicheskogo upravleniya i byudzhetirovaniya* [Guidelines for the Economic Security of the Russian Federation in the Context of Strategic Management and Budgeting]. Moscow: IE RAS. 42 p. (In Russian)

Kikot-Glukhodedova T.V. 2025. Cifrovizatsiya kak napravlenie i ugroza e'konomicheskoy bezopasnosti gosudarstva [Digitalization as a Direction and Threat to the Economic Security of the State]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. №1. P. 200–206 (In Russian)

Klyakhina D.Yu., Shkhagoshev R.V. 2024. Vliyanie investitsij i innovacij na e'konomicheskuyu bezopasnost' Rossii i razvity' x stranax [The Impact of Investment and Innovation on the Economic Security of Russia and Developed Countries]. *Bulletin of Science*. 4(12). P. 221–227 (In Russian)

Konstantinov I.B., Konstantinova E.P. 2022. Texnologicheskij suverenitet kak strategiya budushhego razvitiya rossijskoj e'konomiki [Technological Sovereignty as a Strategy for the Future Development of the Russian Economy]. *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 22(5). P. 12–22 (In Russian)

Koroshchupov V.O. 2023. Oboronnaya promy'shlennost' Evropy': aktual'ny'e vy'zovy' i vozmozhny'e puti razvitiya]. The European Defense Industry: Current Challenges and Possible Ways of Development]. *USA and Canada: economy, politics, culture*. 53(11). P. 27–41 (In Russian)

Larionov I., Silvestrov S. 2022. *E'konomicheskaya teoriya. E'konomicheskie sistemy': formirovanie i razvitiye* [Economic Theory. Economic Systems: Formation and Development]. Moscow, Publishing and Trading Corporation Dashkov & Co. 896 p. (In Russian)

Lenchuk E.B. 2022. Nauchno-texnologicheskoe razvitiye Rossii v usloviyax sankcionnogo davleniya [Scientific and Technological Development of Russia in the Context of Sanctions Pressure]. *The Economic Revival of Russia*. 3(73). P. 52–60 (In Russian)

Lepshokova R.R. 2024. Mezhdunarodnaya e'konomicheskaya bezopasnost': analiz i sushhnost' fenomena [International Economic Security: Analysis and Essence of the Phenomenon]. *Education. Science. Scientific staff*. №4. P. 202–206 (In Russian)

Moiseeva D.E., Kulinich A.D. 2024. Novaya arkhitektura regulirovaniya pryamy'x inostranny'x investitsij v Evropejskom soyuze [A New Regulatory Architecture for Foreign Direct Investment in the European Union]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(5). P. 80–99. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99 (In Russian)

Novitsky N.A. 2019. Strategicheskij podxod k upravleniyu investicionnoj politikoj na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v celyax perexoda k cifrovoj e'konomike [A Strategic Approach to Investment Policy Management Based on Public-Private Partnerships for the Transition to the Digital Economy]. *Intelligence. Innovation. Investment*. №2. P. 10–19 (In Russian)

Podberezkin A.I., Kuzina A.N. 2019. Strategiya nauchno-texnologicheskogo prevosходstva SSHa: silovoj diktat [The Strategy of Scientific and Technological Superiority of the United States: Power Dictate]. *Scientific and analytical journal Obozrevatel-Observers*. 8(355). P. 25–36 (In Russian)

Popov V.P. 2024. Osobennosti osushhestvleniya e'konomicheskoy bezopasnosti organizatsii v usloviyax cifrovoj e'konomiki [The Specifics of the Implementation of the Economic Security of the Organization in the Digital Economy]. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 5(64). P. 327–329 (In Russian)

Senchagov V.K., Ivanov E.A. 2015. *Struktura mexanizma sovremennogo monitoringa e'konomicheskoy bezopasnosti Rossii* [The Structure of the Mechanism of Modern Monitoring of Russia's Economic Security]. Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Financial Research Center. 46 p. (In Russian)

Sopilko N.Yu., Morozov V.V. 2024. Global'ny'e problemy transformatsii mirovoj ekonomiki v novuyu ekonomicheskuyu model' razvitiya [Global Problems of the Transformation of the World Economy into a New Economic Model of Development]. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Economics. Management. The right"*. №4. P. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-61-75 (In Russian)

Sorokin D.E. 2020. Politicheskaya ekonomiya tekhnologicheskoy modernizatsii Rossii [The Political Economy of Russia's Technological Modernization]. *The Economic Revival of Russia*. 1(63). P. 18–25 (In Russian)

Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. 2023. Gosudarstvennaya investitsionnaya politika kak instrument preodoleniya ugroz nacional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti, vy'zvan'nykh antirossijskimi sanktsiyami [State Investment Policy as a Tool for Overcoming Threats to National Economic Security Caused by anti-Russian Sanctions]. *Economics and management*. 29(7). P. 747–762. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-7-747-762 (In Russian)

Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. 2023. Finansy' biznesa i ekonomicheskoy sistemy: sovremennaya povestka i vy'zovy [Business Ecosystem Finance: Modern Agenda and Challenges]. *Finance: Theory and Practice*. 27(6). P. 89–100. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-89-100 (In Russian)

Sukharev O.S. 2024. Ekonomicheskij rost v Rossii: struktura, investitsii i «ekonomika znanij» [Economic Growth in Russia: Structure, Investments and the "Knowledge Economy"]. *Problems of the Market Economy*. №1. P. 33–45. DOI: 10.33051/2500-2325-2024-1-33-45 (In Russian)

Yuzbashyan M.R. 2024. Aktual'ny'e tendentsii sotrudnichestva /sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava [Current Trends in Cooperation/Rivalry in Outer Space and Prospects for the Development of Space Law]. *Law and management. 21st Century*. 20(1). P. 103–119 (In Russian)

Yurevich M.A. 2023. Tekhnologicheskij suverenitet Rossii: ponyatie, izmerenie, vozmozhnost' dostizheniya [Technological Sovereignty of Russia: the Concept, the Measurement, the Possibility of Achievement]. *Questions of Theoretical Economics*. 21(4). P. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Абалкин Л.И. 1994. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. №12. С. 4–13.

Абдикеев Н.М., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. 2024. Рационирование как нормативный принцип финансирования экосистемного взаимодействия. *Финансы: теория и практика*. 28(4). С. 46–58. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-46-58.

Бартенев В.И. 2016. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации». *Вестник МГИМО Университета*. 3(48). С. 30–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-30-42.

Бидзюра Е.А. 2021. Теоретические аспекты определения экономической безопасности как экономической категории. *Экономическая наука сегодня*. №14. С. 123–132.

Бузгалин А., Колганов А. 2021. *Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем*. Москва: ИНФРА-М. 746 с.

Иванова Н.И., Тимашова В.В. 2025. Основы технологического суверенитета в контексте внешнеэкономических связей стран. *Российский внешнеэкономический вестник*. №2. С. 25–43.

Иголина Л.Л. 2013. Экономическая безопасность России в системе макроэкономических инвестиционных критериев. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. №2. С. 49–57.

Караваева И.В. 2024. Ориентиры экономической безопасности РФ в контексте стратегического управления и бюджетирования. ИЭ РАН. 42 с.

Караваева, И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. 2020. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России. *Экономика, предпринимательство и право*. 10(8). С. 2179–2198.

Караваева И.В., Лев М.Ю. 2023. Экономическая безопасность: технологический суверенитет в системе экономической безопасности в современной России. *Экономическая безопасность*. 6(3). С. 905–924.

Кикоть-Глуходедова Т.В. 2025. Цифровизация как направление и угроза экономической безопасности государства. *Вестник Московского университета МВД России*. №1. С. 200–206.

Кляхина Д.Ю., Шагошев Р. В. 2024. Влияние инвестиций и инноваций на экономическую безопасность России и развитых странах. *Вестник науки*. 4(12). С. 221–227.

Константинов И.Б., Константинова Е.П. 2022. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики. *Вестник Поволжского института управления*. 22(5). С. 12–22.

Корощупов В.О. 2023. Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 53(11). С. 27–41.

Ларионов И., Сильвестров С. 2022. *Экономическая теория. Экономические системы: формирование и развитие*. Москва, Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 896 с.

Ленчук Е.Б. 2022. Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления. *Экономическое возрождение России*. 3(73). С. 52–60.

Лепشوкова Р.Р. 2024. Международная экономическая безопасность: анализ и сущность феномена. *Образование. Наука. Научные кадры*. №4. С. 202–206.

Моисеева Д.Э., Кулинич, А.Д. 2024. Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(5). С. 80–99. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99.

Новицкий Н.А. 2019. Стратегический подход к управлению инвестиционной политикой на основе государственно-частного партнёрства в целях перехода к цифровой экономике. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. №2. С. 10–19.

Подберёзкин А.И., Кузина А.Н. 2019. Стратегия научно-технологического превосходства США: силовой диктат. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. 8(355). С. 25–36.

Попов В.П. 2024. Особенности осуществления экономической безопасности организации в условиях цифровой экономики. *Вестник Академии знаний*. 5 (64). С. 327–329.

Сенчагов В.К., Иванов Е.А. 2015. *Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России*. Москва, Институт экономики РАН. Центр финансовых исследований. 46 с.

Сопилко Н.Ю., Морозов В.В. 2024. Глобальные проблемы трансформации мировой экономики в новую экономическую модель развития. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. №4. С. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-61-75.

Сорокин Д.Е. 2020. Политическая экономия технологической модернизации России. *Экономическое возрождение России*. 1(63). С. 18–25.

Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. 2023. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями. *Экономика и управление*. 29(7). С. 747–762. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-7-747-762.

Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. 2023. Финансы бизнес-экосистем: современная повестка и вызовы. *Финансы: теория и практика*. 27(6). С. 89–100. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-89-100.

Сухарев О.С. 2024. Экономический рост в России: структура, инвестиции и «экономика знаний». *Проблемы рыночной экономики*. №1. С. 33–45. DOI: 10.33051/2500-2325-2024-1-33-45.

Юзбашян М.Р. 2024. Актуальные тенденции сотрудничества /соперничества в космосе и перспективы развития космического права. *Право и управление. XXI век*. 20(1). С. 103–119.

Юревич М.А. 2023. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. *Вопросы теоретической экономики*. 21(4). С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ᲢᲠᲣᲚᲘᲗ

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دری

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עברית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ພາສາລາວ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

mgimo.ru/id

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностраные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru